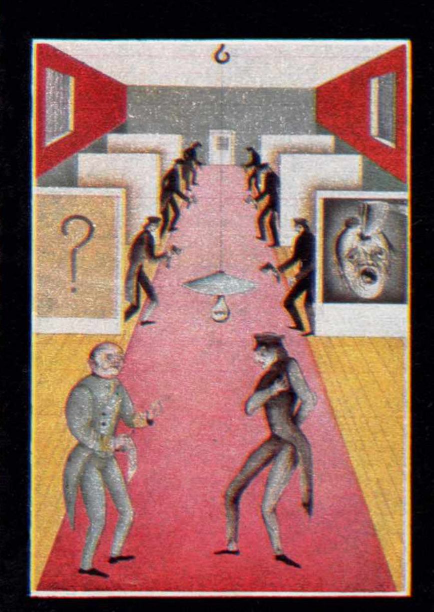
ISSN 0131—0097

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 23 ИЮНЬ

БЕСЕДА С МИХАИЛОМ ШЕМЯКИНЫМ

ФАМИЛЬНЫЙ ГЕРБ

ПОД ПРИКРЫТИЕМ ЗАКОНА

ОТ СЛОВ-К ДЕЛУ!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 23 (3228)

3—10 ИЮНЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Плакат художника А. Б. Сергеева

Оформление Е. М. КАЗАКОВА
при участии Т. А. НОВРУЗОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Сдано в набор 15.05.89. Подписано к печати 30.05.89. А 08857. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 3 350 000 экз. Заказ № 590. Цена 40 копеек.

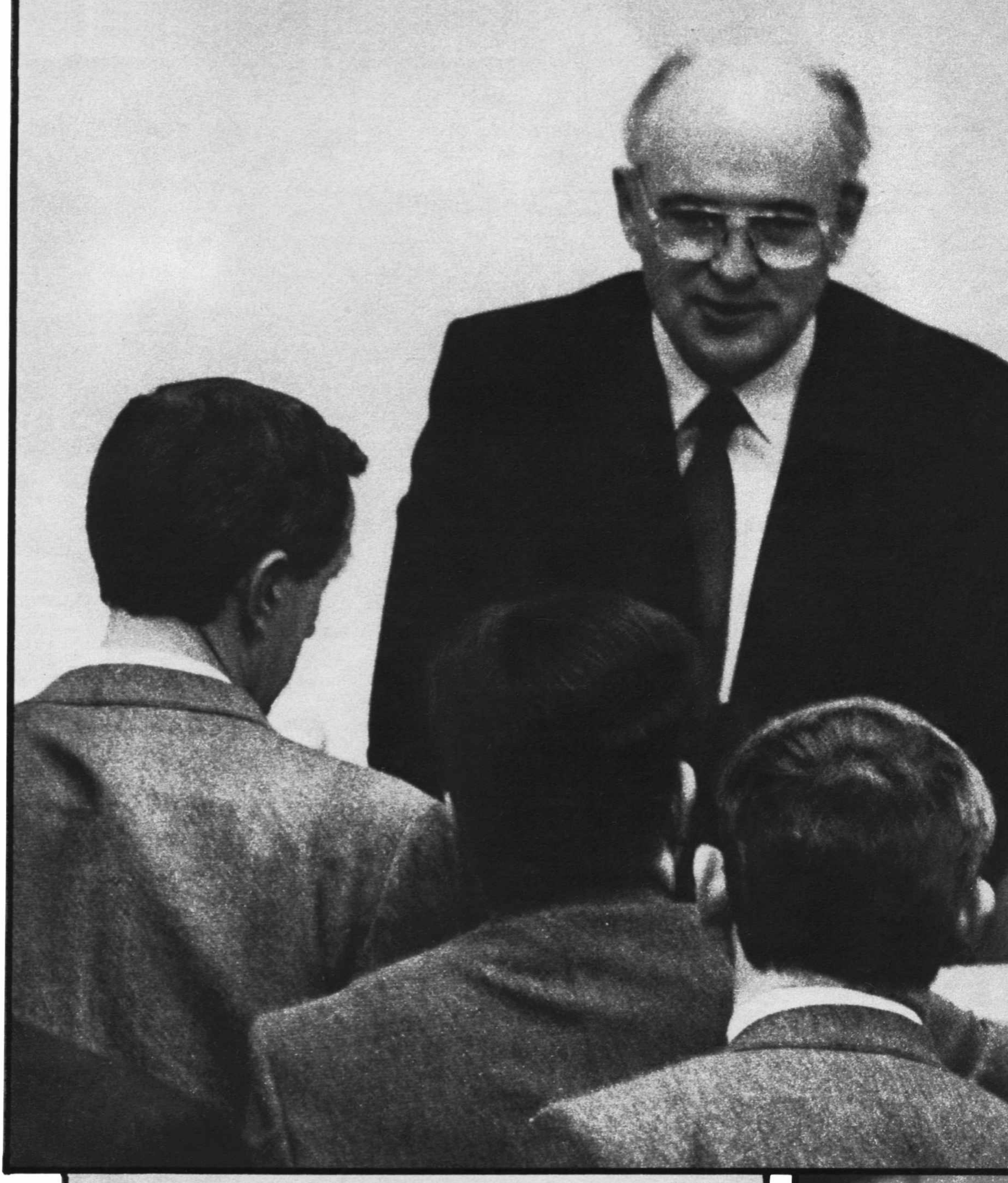
Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Секретариат — 250-46-98; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный) (095) 943-00-70
Телетайп (внутрисоюзный) 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

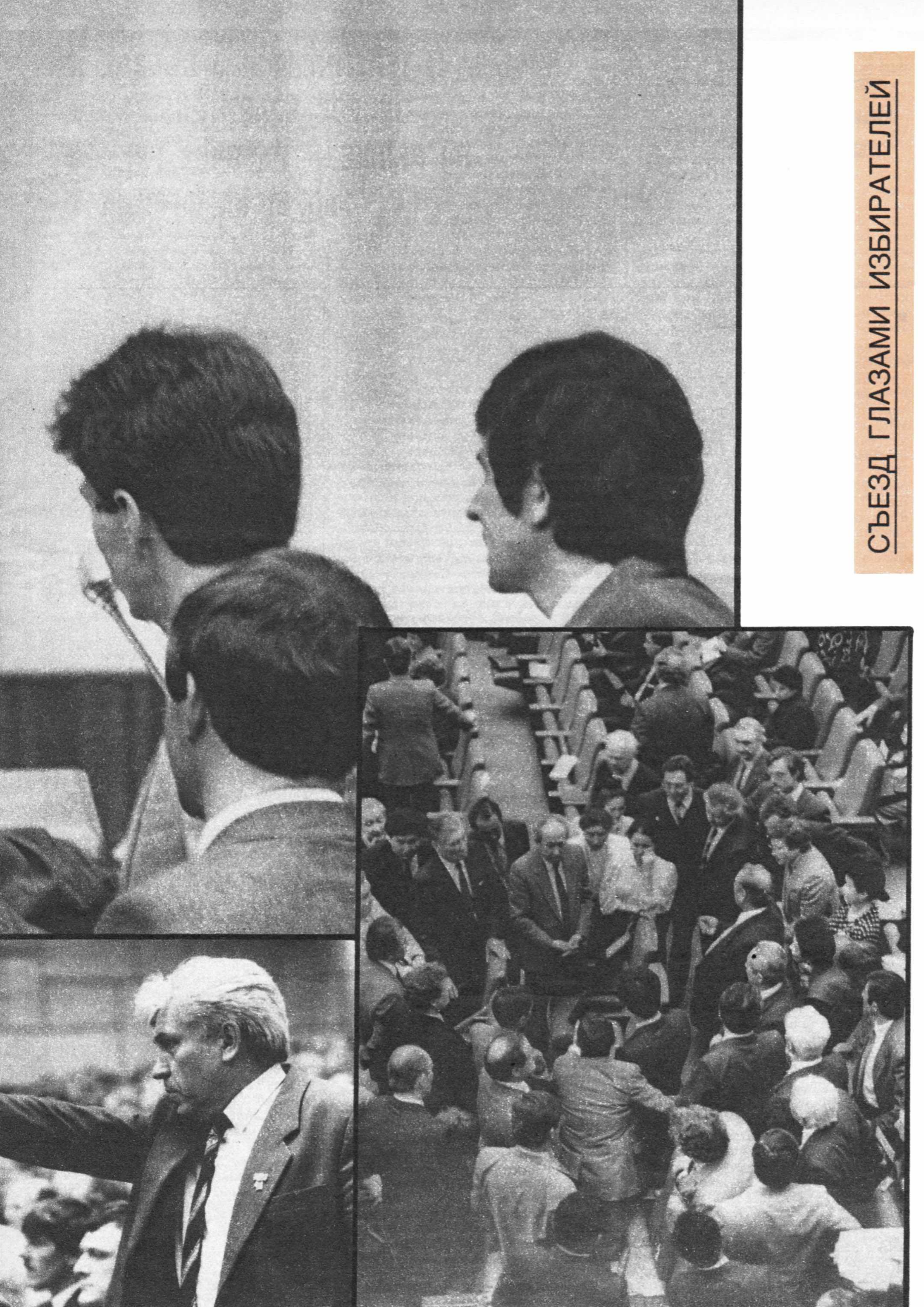

ТРУДНАЯ М
НАРО

Фото
Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА
и А. ГОСТЕВА

...удрость ...довластия

СЪЕЗД ГЛАЗАМИ ИЗБИРАТЕЛЕЙ

ЭКСПРЕСС-АНАЛИЗ СОЦИОЛОГОВ. Комментарий руководителя социологической группы «Съезд», заместителя директора Института социологии АН СССР профессора В. Мансурова.

Большинство опрошенных в первые дни работы отмечают атмосферу демократичности, в которой обсуждаются все вопросы. Тем не менее примерно каждый шестой из опрошенных в Тбилиси, Алма-Ате и Ленинграде и каждый десятый в Таллинне отмечают недемократичность работы Съезда. Если сравнивать полученные данные, скажем, 27 мая, с данными опросов, проведенных Всесоюзным центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) 25 и 26 мая, то мнение людей изменилось в сторону более положительных оценок демократичности атмосферы на Съезде.

Подавляющее большинство опрошенных (от 81% до 93%) поддерживают избрание М. С. Горбачева Председателем Верховного Совета СССР, в том числе безоговорочно: от 41% — в Тбилиси до 65% — 66% — в Ленинграде, Москве и Алма-Ате.

Что касается дискуссии о совмещении партийных и государственных постов, то только в Алма-Ате больше половины (51%) опрошенных поддерживают этот принцип. В остальных же городах — от 76% в Таллинне до 52% в Москве и Ленинграде — считают это совмещение нецелесообразным.

Оправдывает ли Съезд ожидания? За общими удовлетворительными показателями (72% в Алма-Ате, 67% — в Москве, 50% — в Таллинне) обращает на себя внимание, что работой его удовлетворено в первые дни было менее половины (48%) тбилисцев. Учитывая, что опрос проводился всего лишь после двух дней работы Съезда, можно понять и то, что сравнительно большое число опрошенных затруднилось ответить на этот вопрос.

Мир увидел нас, и мы сами себя увидели со стороны. Заждавшихся народовластия, нетерпеливых, не умеющих и не знающих очень многого, но устремленных к исполнению воли избравшего нас народа. Мы пришли в Кремль депутатами от уставшей и, может быть, в последний раз поверившей в свои силы страны. Никогда еще со времен революционных штурмов здесь, в сердце власти, не было стольких людей, уполномоченных народом к тому, чтобы изменить формы управления и одновременно постигающих правила перемен.

Это очень обнадеживающий Съезд. Дело в том, что стали уже общим местом, набили оскомину разговоры об узости круга тех, кто впрямую обеспечивает происходящие перемены. Сегодня можно сказать, что круг не узок — круг был сужен искусственно. Сколько завтрашних директоров и редакторов, министров и судей пришло в зал заседаний Съезда! Стратегически, жизненно важно для страны услышать их и заметить. Новое поколение реформаторов готово к самой ответственной деятельности: ни в коем случае нельзя пропустить их, не дать реализоваться. Как хорошо, до чего важно, что они приш-

ли, бесстрашные, неутомимые и ответственные! Как они убедительно доказывают, что истекло время перетасовки старых обоймё! Как точно и сурово говорят они, как устремлены к действию!

В течение десятилетий во времена советских парламентских сессий нормальная жизнь не была в моде. Многие заседания высшего органа власти превращались в потоки патетических клятв, пылких призывов, депутатских объятий с заверениями в несокрушимости, а также победоносности избранных нами путей. Мы стали централизованны до возможных и невозможных пределов. Несокрушимое планирование, доведенный до абсурда экономический централизм были хозяйственной репликой нашей до предела зажатой и централизованной политической жизни. Идеология по преимуществу превращалась в один из символов порядка, едва ли не на правах армейского строевого устава.

Оказалось, мы сохранили способность жить иначе. Годами утверждая свой недавний портрет в глазах человечества и в собственном своем воображении, мы сумели убедительно переписать его, изменить, показать, насколько велика и неистребима народная воля к управлению собственными судьбой и страной.

Благодаря Съезду мы смогли увидеть целую группу прежде массово незнакомых нам людей, готовых и умеющих мыслить государственно, умеющих излагать и отстаивать свои мысли. Нарастающая политическая активность народа выдвинула и охранила этих людей, привела их в Кремль, несмотря на нескрытое во многих случаях противодействие с различных уровней. Да и на самом Съезде при избрании первого состава Верховного Совета ощутим был страх части депутатов перед независимыми, образованными людьми в этом же Совете, делались активные — и подчас успешные — попытки остановить их. Но прогресс неостановим, неостановима перестройка. Слова эти пишутся еще до закрытия Съезда народных депутатов СССР, но ясно, что мы уже никогда не будем такими, какими были. Вырабатывается, отрабатывается новая система советской жизни, куда более справедливая и бесстрашная, куда более понятная нам и остальному человечеству; очень трудно завоевывать и отстаивать ее.

Перечитывайте решения Съезда народных депутатов СССР. Перебирайте зеркала фотографий этого Съезда. Он — первый. Первый парламент перестройки, первое собрание делегатов советского народа, откровенно стремящихся обновить жизнь. Почти девять из десяти избранных — новички в парламенте: обновляемся... Почти девять из десяти — члены партии, но во многих случаях уже не те, на кого, как на пьедестал, может опереться замшелая бюрократическая глыба: изменяемся... Мы учимся. Учимся всему сразу, осваиваем трудную премудрость народовластия, с первого раза постигая многое из того, на что у других народов ушли столетия.

Съезд показал, насколько не гарантирована еще законом гласность в стране, насколько события могут зависеть от того, что сообщение о тбилисской трагедии задерживается, а о карабахских делегатах в Верховный Совет выясняют позже, чем это надобно было. Когда М. С. Горбачев сказал, что есть желающие пресечь телетрансляцию Съезда, я очень ожидал, что он назовет фамилии этих самых желающих. Пора.

Чтобы поверить в собственную силу, надо получить возможность воспользоваться ею.

Запомните эти дни.

Мы начали. Мы продолжаем.

Виталий КОРОТИЧ

ПИСЬМА И ТЕЛЕГРАММЫ О СЪЕЗДЕ ●
ЗАПРОС ПРАВИТЕЛЬСТВУ ●
НА РЫНКЕ — РАБОЧИЕ РУКИ ●
ЗАПРЕТ НА ФРЕЙДА ●

■

Наконец-то в Кремлевский Дворец съездов пустили настоящую демократию! Депутаты откровенны, принципиальны, воинственны. Порой чересчур запальчивы и драчливы, но это, мне думается, можно отнести на счет молодости перестройки и новой политической системы. Верю в то, что Съезд сумеет найти общий язык, обсудит все наболевшее, осмыслит все назревшее и утвердит правительство, способное дать стране, народу то, что они ждут с 1985 года.

Валентин СТЫДЕЛЬ,
председатель колхоза
имени Войкова
Минская область

■

8 тысяч километров, семь часовых поясов, пролегли между Москвой и Хабаровском. Но мы, хабаровчане, не чувствуем расстояния. Прямая трансляция телевидения предоставила возможность нам, дальневосточникам, быть участниками происходящих во Дворце съездов событий. Это, на мой взгляд, есть прекрасный урок политического образования народа. И как тут не возмутиться запиской, зачитанной М. С. Горбачевым от группы депутатов, предлагающих прекратить прямую трансляцию Съезда. Выходит, есть в зале люди, тяготеющие к форумам застойного периода, когда все катилось по колее, заранее проложенной аппаратом. Наверное, правильно заметил в своем выступлении Гавриил Попов, что «Съезд, который выбирался на альтернативной основе, в конкурентной системе, с тайным голосованием, по существу, вступил на путь выдвижения числа кандидатов, соответствующего числу мандатов. Становится очевидно, что аппарат явно пытается взять реванш, явно пытается оказать прямое воздействие на ход Съезда».

А. ЛЮБЯКИН
Хабаровск

■

Хочу выразить свое удивление реакцией части зала на выступление А. Д. Сахарова. Академик Сахаров — человек редкого душевного мужества, в моей защите не нуждается. Но хотелось бы знать, у кого достало «смелости» перебивать его, интересно посмотреть этим людям в глаза. Видимо, некоторые депутаты превратно понимают равенство, считая, что могут сопоставить свой крик и выступление Сахарова.

Хочу пожелать нетерпеливой части зала, кроме сознания своего ложного равенства с академиком, осознать свою миссию как народных избранников.

О. ФРОЛОВА
Москва

■

Я думаю, что голосование в Верховном Совете должно быть только именным, например, именные бюллетени с публикацией результатов в «Ведомостях Верховного Совета». Лишь так каждый депутат может стать видимым.

А. ГУРЕВИЧ
Куйбышев

■

Я разочарован большинством депутатов. Не умеют вести конструктивный диалог. Много эмоций. В результате формальные выборы в Верховный Совет СССР. Оскорбление Литвы, устранение на первом этапе Ельцина, извращение сути выступления Афанасьева и Попова — предпосылки для создания нового сталинизма.

М. КУЧКАРОВ
Кентау

■

Восхищена выступлением Афанасьева. Да здравствует наше отважное меньшинство, на котором держится перестройка. Демократы всех наций и регионов, соединяйтесь!

Л. ЛЯШЕНКО
с. Нескучное, Донецкая область

■

Принятие Закона о референдуме — неотложность, которая может предохранить детский организм демократии от рахита других тяжких заболеваний. Закон должен гарантировать вынесение конкретного вопроса на референдум, если за это голосует более четверти Съезда. Необходима консолидация прогрессивных сил.

В. МАЦЕВИТЫЙ
Харьков

■

Избрание Председателя Верховного Совета без предварительного отчета и обсуждения доклада — карикатура на перестройку. Не забывайте, чьи вы депутаты, учитесь политической грамоте.

А. ШИЛО
Саратов

■

Внести срочно на обсуждение Закон о печати. Обязать местные газеты полностью публиковать выступления своих депутатов и их оппонентов.

О. САЛТЫКОВ
Харьков

■

25 мая начал работу Съезд народных депутатов СССР. Важнейшим вопросом, на наш взгляд, является отмена решения Совета Министров СССР по созданию нефтегазохимических комплексов в Тюменской области. Данное решение предусматривает вложение в строительство, по официальным оценкам, 41 млрд. рублей, что в 8 раз дороже проектной стоимости БАМа. Предполагается строительство совместно с фирмами капиталистических стран химических предприятий, металлургического завода и завода биовитаминных концентратов, и, по оценкам специалистов Института экономики и прогнозирования научно-технического прогресса АН СССР, все это потребует не 41 млрд. руб., а сумму капитальных вложений порядка 90—100 млрд. руб. (журнал «Коммунист», № 2 и 5, 1989 г.) Министерствам предписано спешить настолько, что разрешено не только заключать договоры, но и осуществлять строительство нефтегазохимических комплексов, ТЭЦ, газоперерабатывающих и общеузловых объектов, баз строительной индустрии и объектов транспорта до утверждения технико-экономических обоснований, не говоря об экологической экспертизе, об отсутствии общей концепции развития совместного предпринимательства и перспектив развития тюменского региона.

В связи с этим 3—5 июня 1989 г. в Тюмени состоится научно-практическая конференция, посвященная этим проблемам. Однако ни конференция, ни научная общественность любого уровня представительства не обладают полномочиями, чтобы остановить работы. Государственная экспертиза в мае 1988 года отказалась дать положительное заключение по данному постановлению. Тем не менее договоры активно заключаются, механизм уже действует, и не только в Тюмени. Применена стандартная тактика министерств — получение возможно большего количества средств на новое строительство для закрывания прорех и переключение внимания от решения старых проблем экономики.

Если немедленно не остановить действие постановления, а затем, создав компетентную комиссию Верховного Совета СССР, не принять взвешенное решение, дело может зайти настолько далеко, что расторгать договоры станет практически невозможно из-за сумм штрафов западным фирмам.

В условиях тяжелого экономического положения, увеличивающегося дефицита товаров и роста социальной напряженности в стране недопустимо принятие этого проекта, в результате осуществления которого «страна к началу XXI века получит производственный комплекс колониального типа и затем десятилетиями будет расплачиваться за него...» (журнал «Коммунист», № 5, 1989 г.)

С. ЗАБЕЛИН,
директор Центра
информации
и координации
Социально-экологического союза
Москва

■

Недавно в нашем городке произошли события, после которых стало с трудом вериться, что на календаре 1989 год, настолько сильно пахнуло душком, нет, даже не застойных лет, а матерого сталинизма.

Предметом общественного обсуждения в городе Медвежьегорске стало строительство шикарной пристройки к зданию райкома партии. Оно явилось своеобразным апофеозом в деятельности бывшего первого секретаря, ушедшего затем на работу в обком. Старое здание значительно обновилось, приобрело современные солидные контуры. Там появилось роскошное фойе с огромными зеркалами, уютный буфет, большой зал с прекрасной акустикой. Как только приступил к обязанностям новый первый секретарь райкома Ю. И. Ильичев, пошли разговоры о том, что-де райком отдает свое здание с пристройкой районному Дому пионеров. Сам же вместе с районными советскими властями перебирается в огромный корпус школы-интерната, построенной еще во времена Беломорканала как гостиница.

Время шло. Здание школы пустовало, а с отключением системы отопления начало постепенно хиреть. Пристройку к райкому благополучно сдали в эксплуатацию. Дом пионеров продолжал бедствовать в ветхом, тесном, давно изжившем себя помещении. Да и только ли Дом пионеров? В городе не хватает детских садов, ремонт существующих идет с большим скрипом, нет роддома, в ужасающем состоянии больница, здания школ. Неужели деньги, вложенные на никому не нужную пристройку (хоть они и партийные), нельзя было использовать для решения кричащих социальных проблем? Именно на этом я заострил внимание на первой в своей жизни сессии.

Миновала зима — в нашем райцентре никаких изменений. Решаюсь выступить на пленуме РК КПСС и возобновить вопрос о передаче здания. Первый секретарь выдает такое резюме: «Этично ли просить то, что тебе не принадлежит?»

Но самое интересное началось тогда, когда я предпринял попытку выявить общественное мнение (в принципе оно было известно, просто хотелось лишний раз убедиться). За несколько часов удалось собрать по городу около 1200 подписей в поддержку предложения о передаче здания райкома Дому пионеров.

Райком усмотрел в этом какую-то противоправную акцию. И через несколько дней в районке появилась статья, подписанная бюро райкома КПСС, с самыми разнообразными эпитетами и в мой адрес, и в адрес тех, кто мне помогал (это были ребята из детско-подросткового клуба). Еще через несколько дней редакция опубликовала так называемые отклики на статью бюро такого плана: «Тов. Галицкому нужно быть более предусмотрительным, а не быть тормозом для перестройки» и так далее.

Вот так навешиванием ярлыков и закончилась вся попытка добиться конкретного решения проблемы. Сейчас я думаю: если голос депутата в Совете не имеет никакой силы, если предрайисполкома может давать пустые обещания, если бюро райкома КПСС может ни за что ни про что оплевать человека, если газету вынуждают тенденциозно выражать только официальную точку зрения,— стоит ли тогда вообще «рыпаться»? И все же прихожу к выводу, что стоит. Ведь перестройка — это борьба.

А. ГАЛИЦКИЙ,
депутат районного Совета народных депутатов
Медвежьегорск

■

Недавно, 16 мая, состоялся пленум ЦК Компартии Украины, на котором, в частности, была дана и оценка прошедшим выборам народных депутатов СССР от Украины. И вот что обращает на себя внимание: в опубликованном докладе первого секретаря ЦК КПУ В. В. Щербицкого по этому поводу упоминается фамилия только одного кандидата в народные депутаты. Читаем: «Отдельного разговора заслуживает позиция некоторых членов КПСС. Будем откровенны: не все они показали себя в избирательной кампании настоящими бойцами партии. Были такие, кто примиренчески, беспринципно относился к антисоветским и националистическим проявлениям. А некоторые и сами позволяли себе политически незрелые, недостойные члена партии заявления и демагогические выпады, как, например, первый секретарь Подольского райкома партии г. Киева И. Н. Салий. Ясно, что это не должно оставаться без соответствующей оценки и выводов. Факты надо называть своими именами». Вот оно как! Член КПСС почти с четвертьвековым стажем, шесть лет возглавляющий райком, вдруг оказался политически незрелым. Конкретные факты, объясняющие такой феномен, не были приведены в докладе.

«Мы разучились любить свободу»,— сказал как-то в одном из своих интервью И. Н. Салий. И ошибся, по крайней мере в отношении коммунистов Подольского района. Участники пленума райкома партии (состоявшегося уже после пленума ЦК Компартии Украины, на котором так четко было сказано, какие надо сделать выводы и дать оценки И. Н. Салию) в присутствии первого секретаря горкома партии К. И. Масика, который поддержал обвинения, выдвинутые на пленуме ЦК КПУ, высказались за позицию своего районного партийного вожака. Только один голос члена райкома из нескольких десятков коммунистов был подан против, остальные — за! Еще 2—3 года назад такое не приснилось бы и в самых смелых снах. Членов райкома поддержали сотни коммунистов, приглашенных на пленум.

И. Н. Салий на пленуме райкома предложил провести теледебаты с В. В. Щербицким по этому поводу, чтобы расставить все точки над «i» и избежать конфронтации между коммунистами. Участники пленума высказались за это предложение.

Может, это действительно выход из создавшегося положения? Мы сейчас ратуем за дискуссии в партии, так почему бы им и не появиться уже в реальной жизни?

С. ПОЗИЙ,
инженер
П. Педченко,
шлифовщик, член райкома
Киев

■

Два месяца прошло с тех пор, как в видеоканале «Добрый вечер, Москва!» в последний раз москвичи видели и слышали телевизионную рубрику «Разрешите высказаться».

Просуществовала она недолго: первый ее гость (известный московский адвокат Г. П. Падва) предстал перед телезрителями в феврале, а 28 марта состоялось выступление кандидата филологических наук А. Н. Севастьянова, говорившего о роли интеллигенции в процессе перестройки. Оно поставило точку в краткой телевизионной жизни новой для московской редакции рубрики.

Мне, как ведущему ее, пришлось в очередной раз испытать на себе гнев телеадминистрации. Приказом по редакции «за плохую подготовку к участию в передаче» был объявлен выговор, одновременно я был отстранен от работы в прямом эфире.

Передо мной расшифровка выступления А. Н. Севастьянова в рубрике «Разрешите высказаться» 28 марта 1989 года:

«...Я говорю не только о том, что огромное большинство беспартийной интеллигенции практически выведено из сферы политики, но, посмотрите, ведь подлинные лидеры интеллигенции отделены от реальных рычагов власти. Казалось бы, естественно видеть во главе Министерства юстиции Аркадия Ваксберга, во главе Совета Министров СССР академика Абалкина, во главе Госплана Николая Шмелева. Это люди, которые благодаря своим статьям, работам получили высокую оценку и признание в народе, завоевали, казалось бы, право управлять той или иной сферой деятельности. Однако аппарат не торопится допустить к реальной власти подлинно компетентных людей...»

Заканчиваю цитировать, потому что, надо полагать, именно эти слова и вызвали начальственный гнев, причем на самом высоком уровне.

Давайте все — от простого рабочего до Председателя Совета Министров СССР — раз и навсегда сойдемся на том, что критика и самокритика, свободно высказываемое мнение помогают нам двигаться вперед.

Другой альтернативы у перестройки нет, и если мы хотим к тому же, чтобы и советское телевидение активно участвовало в этом революционном движении, руководству его надо набраться гражданской смелости и не отлучать от эфира своих работников и приглашаемых ими гостей как врагов телевидения только потому, что те позволили себе высказаться откровенно, в духе времени!

Р. БАСОВ,
редактор-консультант, руководитель группы обратной связи видеоканала «Добрый вечер, Москва!»

■

В последнее время высказано множество взглядов на то, каким должен стать обновленный социализм. В статье профессора Святослава Федорова, чья подвижническая деятельность заслуживает всеобщего уважения, «Личность и социализм» («Правда» от 13 марта) автор призывает повсеместно отдать в аренду орудия производства и землю, считая именно такую форму собственности лучшим стимулом к повышению производительности труда, «экономической платформой перестройки».

С подобным утверждением я целиком согласен. Но где и кому личность будет реализовывать плоды своего труда? Дается ответ — на рынке. И тут, совместно с другими учеными, С. Н. Федоров поспешно обходит главную проблему, очевидно, считая ее доказанной и не подлежащей обсуждению: «Что такое социалистический рынок и чем он отличается от западного? Только одним: товары на этом рынке не содержат наемного труда, они чисты от эксплуатации одного человека другим. Наемный труд должен быть запрещен повсеместно». Но каким образом можно будет отличить «чистый» товар по внешнему виду и вкусу от «нечистого»? Ведь последний пока более разнообразнее и качественнее.

Действительно, одним из основных завоеваний революции является ликвидация эксплуатации человека человеком. Не подумайте, что я сторонник подобной формы угнетения. Но отменяя именно этот вид эксплуатации, саму эксплуатацию ликвидировать невозможно. Я тот самый рабочий, чью «невинность» стараются сохранить люди, сами далекие от физического труда. Кроме рабочей силы, у меня нет другого товара. И при всех равных условиях я продам ее тому, кто выше ее оценит и будет платить за результаты моего труда, а не в рамках штатного расписания, по утвержденной свыше ставке. Тем более что от чрезмерной эксплуатации собственника мои права защитит государство.

Так что вопрос, как следует поступить с нарождающимися арендаторами, можно им пользоваться наемным трудом или нельзя, для меня лично остается открытым, несмотря на авторитет профессора Федорова.

В. КОВАЛЬЧУК,
электромонтажник 6-го разряда
Сочи

■

19 мая в газете «Книжное обозрение» появилась публикация «Радетели Фрейда?». Читаю ее — и глазам не верю. Речь идет о труде З. Фрейда «Очерки по психологии сексуальности». Он переиздан молодежным центром «Система» при МК ВЛКСМ, о чем в данной публикации не упоминается. Хотя «Книжное обозрение» три недели назад в номере от 28 апреля проинформировало читателей об этой книге в списке сигнальных экземпляров недели. Теперь по поводу издания высказывается начальник Главиздата Марат Шишигин, и вот что он говорит: «Госкомиздат СССР принял решение, в котором признал выпуск книги незаконным — только и всего. Тираж книги поступит в розничную продажу через систему книжной торговли, а средства от ее реализации будут направлены в доход государства».

«Только и всего». Как это понимать? «Признал незаконным» — стало быть, имело место нарушение закона. Для квалификации нарушений закона есть соответствующие органы власти: прокуратура, суд. По какому праву Госкомиздат принимает и осуществляет решение о конфискации издания и обвиняет в нарушении закона (которого, впрочем, пока еще никто не установил)? И об этом мы из публикации ничего не узнаем. Не оттого ли «член коллегии» столь лаконичен, что чувствует за спиной поддержку — выработанного с участием Госкомиздата же — декабрьского постановления Совета Министров, пресекающего кооперативные инициативы в ряде областей, включая издательскую? И не потому ли он не вдается в подробности, что знает: постановление это законом не является, и санкций на его основании применено быть не может?

Так первый неконституционный шаг в контроле над печатью ведет за собой все новые и новые. Сначала, в августе-сентябре прошлого года,— попытки лимитировать подписку, вызвавшие всеобщее возмущение. Потом, в декабре, упомянутое постановление, по поводу которого в прессе не раз звучали резонные возражения. Теперь — прямые санкции... Неужели именно так и будем жить дальше?

Б. ДУБИН,
социолог

Наш адрес: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ВО ВРЕМЯ СЪЕЗДА

ЖДАТЬ УЖЕ ПОЗДНО!

Юрий ЧЕРНИЧЕНКО, народный депутат СССР

I

Боже мой, когда ж это успела вырасти Настена, «Бутылка-Бутылка», как звали ее года в полтора — страсть бутылку свою любила! И не только вырасти, выправиться в пригожую молодайку, а и «диссер» свой защитить, и там мягко выдавать разоблачения снабженческим чудесам. Москве назначают 164 кило мяса на душу населения, а уже Подмосковью — только 28,6, водопад и готов, понеслись колбасные электрички, а РСФСР без Москвы и сорока кило в год не получает — отсюда перпетуум-мобиле: ту говядину, что казенные Казани — Рязани вырастят и столице преданно преподнесут, упрямое население вновь по градам и весям развозит, и золотой дождь бюджетных дотаций, нацеленный фондовым путем именно на Арбат и Чертаново, распределяет, делая план путям сообщения, по всей европейской территории Союза.

Молоко придает центробежным потокам особое ускорение, ибо Настена авторитетно свидетельствует: жителю Москвы распределяют без полутора кило 7 центнеров молока и молокопродуктов, его же единоплеменнику из Нечерноземки — менее 250 кило, последний, значит, и не дремлет, берет в Белокаменной масло «крестьянское» и в профкомовском своем автобусе возвращается на берега Шексны и Волги.

Спрашиваю Настену, смущаясь (давно ль ее на коленях качал), не для престижа ли у иностранных посольств создается броуново это движение, ибо писано же еще и в «Мертвых душах»: «А что скажут иностранцы?» Настена, консультант мой милый, качает головой: ничего они больше не скажут, иностранцы, все давно сказано, и харчи они наловчились с собою возить, к мороженому мясу недоверчивы и держатся вообще курса «без химии». Дело не в международном окружении, а в генетической склонности Системы к туфте. Под рубиновой звездой человек должен ощущать себя празднично, победно, должен видеть итоги всенародного труда, а если вдруг в крупнорогатой голове на столичном прилавке и опознает фермского летнего знакомца, не беда, пускай домой везет. Гостинцем.

Ах головы, ах хвосты, рога и ноги! Другой близкий человек, почти ровесник, слышать о них не может без бешенства, а ведь и джентльмен натурой, и в академическом звании. Я-то ведь и до Настены знал, что в среднем (деля надвое и Москву, и Нюксеницу) мы потребляем как раз столько мяса, сколько Великобритания: ровно 64 кило в год. Но почему гордый сакс в вопрос «Ну, как жизнь?» вовсе не вкладывает мясного талонного смысла, а нам все мало, да так, что и на продолжительности жизни сильно отразилось, вышибло страну из пристойных мест куда-то на неоколониалистский уровень? Да потому, негодует добрый знакомец Владимир Александрович, что наши туфтачи в мясо заверстывают и вымя, и требуху, и селезенку, да что — головы бычьи, хвосты, свиные ноги и шкуру туда же сатарят! Туши пройдут «через Москву» — это, так сказать, видеоряд, а кости-потроха — через «норму потребления» — тут липа весовой, назовем, категории. Вернись к подлинно английскому, то есть общечеловеческому, счету — и от 64 кило останется хорошо если сорок, рассчитал и утверждает академик ВАСХНИЛ и народный депутат СССР В. А. Тихонов, и от выполнения Продовольственной программы останутся действительно рожки и ножки!

— Перестаньте вы, колбасники,— оборвал недавно нас один хороший и добрый писатель, обрадованный успехом своей книги и взывающий к духовному росту масс. Оно и верно: не хлебом ведь единым... Беда только, что частенько «хлеб» этот человека позорит, а опозоренный человек... летать не может. То есть, собственно, он, допустим, и взлетит при нужде и приземлится, однако же будет переживать досаду и, сопоставленный напрямую с коллегой своим из зарубежья, испытает конфуз.

Летел самолет над Сибирью, и командир его возьми и пошли второго пилота за пассажиром: знаком по телевизору, пусть в гости зайдет. Зайти тот зашел, но уже на пятой минуте гостеванья пристал, словно бы шутя: скажи да скажи, где везешь колбасу. Не может быть, чтобы в Тюмень из Домодедова летел, а мясного не вез. Один бы был в кабине первый пилот — может, и смолчал бы, отбоярился, но ведь и штурман сзади, и второй рядом, вся кабина полна коллективом. Ну хорошо — было! Полтора часа было свободных — отстоял! Скупился! Отоварился! Дрянь харчи, а что делать? Куда без них?

Позвольте, но вы же какой-то особый, небывалый капитан лайнера. Это ж трасса на Токио, тут «боинги» разных градаций, авиакомпании всякие, и высота одна, ответственность тоже высшая, запредельная, почему и оплата труда первоклассного летчика равна подчас жалованью спикера парламента. У общества — любого — есть профессии, которым и надлежит получать много, а крохоборить неуместно. Если у кого-то нашлось на сотни лайнеров, так должно же сыскаться, наверно, и на колбасу по два двадцать. Грех все сводить к прокорму, формировать в людях «колбасников», но и летчика надо же вывести от срамной зависимости от перемещения харчей!

— А какая разница — летчик, нефтяник? Они больше нас получают. Вон полный салон — и восемьсот, и тысяча в месяц. И бюджет прикрывают. На какие шиши покупали бы хлеб, если бы не нефтедоллары? Наши придумали правило: чем больше пассажир возит продуктов, тем хуже с едой в данной, отдельно взятой стране.

Странное Эльдорадо. Выплеснуть в мир два миллиарда тонн нефти, вертеть два десятка лет весь противоестественный продимпорт СССР, а в итоге заняться собственным прокормом и чтоб всюду — в Нефтеюганске, в Сумгаите, в бывшем хантыйском Пых-яре — властвовал веселый массовый психоз картофелеводства! Бог с тем газом, что четверть века пылает над Великим Васюганьем, дырявя озоновый плащ мира, шут и с нефтью, остающейся больше чем наполовину в порах геологии — от них сибиряку никакого наедка нет! Кормит что? Тайга-матушка. Возьми шесть соток холодного бесплодия, навози песка, торфа, купи навоза, достань семян — и в сентябре, если не промах, будешь, буровик ты или нефтяник, есть собственную картошку. Прокорм населения есть сверхурочное его, населения, занятие, в том числе и при близком Полярном круге, при миллиардах нефтедолларов всесоюзного везения.

Унижение людей плановой экономикой...

II

У меня двойной подбородок, а пишу о голодовке. Я не вырастил — промышленно — ни одного урожая за жизнь, а кому-то вставляю ума. Я противник колхозов и не хочу видеть, как замечательно живут колхозники в Колхиде и выращивают зерновые на Дону. Это писала — в несколько приемов — газета «Правда». В пору выборной кампании это, разумеется, прямо повлияло на мой выигрыш у одиннадцати достойнейших кандидатов. Но избиратель мог быть обманут! При справедливости критики в общем и целом она грешит неточностями в деталях. Таких, например, как мое отношение к коллективным хозяйствам. Если они хорошие и людям в них работается и живется хорошо, я за них. Если они бедные, нищие, давно живут на милостыню госбюджета, я — против. А таковые есть — их тысячи, экономических трупов. Что смерть их не регистрируется и не признается, за попытку похорон наказывают — дело вкуса или времени. Если коллективное хозяйство (колхоз) вовсе не коллективное, а феодальное, если человек в нем ощущает себя наемником, крепостным, смердом, то я тоже против, сколько бы звезд ни было у председателя. Скажут — такого не может быть. Если работник — раб, богатство не накопится. Извините, случается! Есть дифренты марксовы, от земли, от вложений, есть нашенская, соревнованческая — из нужды в передовике. Богатому и черт люльку качает, а черт при острой нужде может стать и марксистом.

Но я, во-первых, решительно против того, чтобы отменять крепостное право было доверено и поручено самому крепостнику. Далее — против того, чтоб сводить идею кооперации к частному случаю — колхозу. Хоть их и 26 тысяч поныне, а случай — частный, а строем цивилизованных кооператоров тут пока не пахнет. Миллиардными убытками — да, карточной системой — безусловно, бюджетным дефицитом — вне всякого, а строем цивилизованных — отнюдь нет. Наконец, я упрямо полагаю, что соревнование, буде оно объявлено, может состояться лишь в том случае, когда судейская коллегия заранее не назначала призера. А беговые дорожки для всех — и по длине, и по ровности — одинаковы. Если же объявлено «на старт», а судья по радио объявляет стадиону, что первыми придут бегуны «Колхоз» и «Совхоз», а остальные участники забега будут в трудные минуты подталкивать фаворитов в спину и укреплять их дух воскликами, то стартовый пистолет никого с места не стронет. Заранее проигравшие не ринутся никуда из понимания трудности и непрестижности миссии. Фавориты не стартуют из заведомой обреченности на победу: к финишу и дойти можно, еще одышку зарабатывать.

Когда в популярной информационной программе двузвездный и узнаваемый, как рок-звезда, председатель артистически размышляет с северным, очень народным оканьем: «СмОтря какой арендатор — которому дам землю, котОрому и нет, гуляй»,— я ведь и в самом деле думаю: а кто ты, почтенный, таков? Откуда у тебя это право — давать не давать землю? Не в 1917 ли году эта земля с участием 18-летнего моего отца была сделана общенародной, а в 29-м отторгнута в опричнину, во власть Системы? Но и тот объем все-таки полным собственником земли звездного преда не сделал. Ты сам тоже ничем не владеешь, кроме должности, и такой же крепостной у многоглавного хозяина, каким норовишь сделать арендатора. Конечно, оброк — исторически вещь прогрессивная. Вон и знаток Адама Смита Онегин «ярем... барщины старинной оброком легким заменил; и раб судьбу благословил». Но выдавать внедрение оброка, перевод с жесткой тяги на длинную веревку за отмену и ликвидацию сталинского крепостничества может или интеллектуально отстающий, или маскирующийся плут. Судья, распределивший места до забега, есть злостный саботажник соревнования. Он сам может этого не знать, но и при этом он не прав! Может руководствоваться только и исключительно соображениями властными, корпоративными, забивая эфир ликбезовской технологией и оповещая бе-

лый свет о недавно собою постигнутом — и от этого в общем-то не легче. Главное в его заблуждении — что ждать еще можно, что терпение еще есть, как говаривал старик Моченкин, дед Иван, ан его-то и не обнаруживается. Не он брал кредиты на доверие, не ему отвечать за просрочку. А география земная так пестра, что всегда можно найти себе теоретическую опору: то ли зеленые квадраты Айовы, то ли кооператив в Чешских Будейовицах.

III

Сельская погода варится в районе. Народ там чуткий, здорово улавливает желания говорящего, отделяя шелуху слов. И уж где-где, а в районе уловили разницу между осенней встречей арендаторов с М. С. Горбачевым и зимним напором: «Ты за колхозы? Молодец!» Колхоз тут сбоку припека, игра в термины, смысл всем понятен.

Ты за Систему, за продразверстку, за госзаказ? Молодец, поддержим! И трактор маленький покажем, харьковский. Ты за то, чтобы все-все переменилось, а ничто не менялось, чтоб аренда была у тебя, а власть по-прежнему у меня? Чтоб ходил бы по струнке и был всегда готов к переменам в моем к тебе отношении? Молодец, так держать, а то ведь хуже будет! И давай вместе делать так, чтобы весь пар в гудок уходил, давай стравим эту их дурную силу хоть на Ельцина — все равно ведь он не прав, где-то да прищучим...

«Будет хуже!» — вот главный аргумент и опора сохранения сталинизма в сельском хозяйстве. Не хватает дерзости вслух заявить, что **хуже уже есть,** и это **хуже** — трехстепенное, только политическое жульничество не дает выявить этим степеням.

Оголтелая перекачка средств индустрии в песок агросталинизма. Омский шинный завод за счет качества и стоимости шин выращивает говядину — ура, феномен! Нефтеюганск открыл за счет себестоимости нефти свои агроколонии на юге Тюменской области — не хищение, а достижение. Занятый не своим делом наделен даром принуждать сапожника к печению пирогов и будет дудеть об этом на весь свет как о социальном достижении. Не говорим уже о постылом «шефстве» — труднлоге городов... И никак не поймешь потом, откуда же стомиллиардный дефицит в бюджете: геология свиней растила, нефтехимия бычков кормила, ан прогар и банкротство. Это раз.

Четвертьвековая перекачка валютных средств на импорт того, что прекрасно могло бы вырастать у хозяев нашей земли. Даже один миллиард долларов в месяц на покупку зерна и ледяной говядины — это минимум три миллиарда рублей, если считать на наши бумажные. Один миллиард отдают, три просто печатают. Эмиссия бестоварных дензнаков, инфляция — и уход подлинных денег за рубеж (на прокорм «моего доброго народа», на сохранение кресел Системы) не просто взаимосвязаны, а представляют одну медаль с двумя только сторонами. Истинно, без чиновного ханжества, верящий в крепость колхозной системы давно стал бы поворачивать валютную воду с айовско-канадской мельницы на свою. Стал бы платить доллары не чужим, а своим! Да, тогда бы возникли «неуправляемые», ибо на доллары покупают что нужно, а не что выпускает «Ростсельмаш». Да, это уже подрыв продразверстки и курс к продналогу, ибо сверхсрочный хлеб я «по твоему хотенью» уже не отдам: он ведь валютный, а не писчебумажный... Но если коллективное хозяйство в сталинском его понимании действительно высшая форма, зенит агромысли — чего же не попробовать?.. То, что сохраняется, оберегается, защищается врагами реформы, сохранено цепью преступно громадных трат национального достояния. «Насмешкой горькою обманутого сына над промотавшимся отцом» молодежь почтит, увы, не только тех, кто разматывал тяжко добытую нефть, а и кто ее добывал, не только бонз сталинизма, но толковые головы сегодняшней поры.

И третье. Агрокризис отравляет жизнь — всю! Экономическую, нравственную, семейную. Ведь сельское хозяйство — дело семейное! И в основе мирового фермерского производства, и в смысле потребления: каково жене, как дети растут, отчего румяные, почему бледные, как достается мужу... Если рискнуть на формулу, сельское хозяйство есть старание крестьянина путем заботы о своей семье прокормить нацию и мир. Абстрактного, холостяцкого земледелия не бывает — это будет люмпенство, принудиловка-уравниловка. И стояние урожайности. У 15 центнеров на круг — как у грозящих «будет хуже». Ложь, будто им попалась плохая земля — то вымокнет, то вымерзнет. Плохому танцору всегда что-то мешает! Дайте им блаженную Новую Зеландию — через пятилетку овцы будут как бубен, а травы поникнут. Сегодня крепостник, сам живущий на кредит доверия перестройке, ссорит семью — и перестройку, бюджет одной фамилии — и казну недужащего государства. Народ питается не лучше, а хуже — даже в валовом, количественном разрезе, если же открыть глаза на химию, всякую отраву в харчах... Стоило врачам мало-мальски строго взглянуть на овощи, воду, экологию Тимирязевской овощной базы Москвы — и стоп, источник отравы, срочно закрывай! По-честному, так все нитратно-пестицидное овощеводство мегалополисов — сверхгородов — пора переучесть на предмет фальсификации еды и химической войны со своим народом.

Хуже и впрямь **может быть** — только в том случае, если уступать рептилиям экономики, оттягивать возвращение земли крестьянам, косметически чинить и сохранять порядки сталинского крепостничества. Карточки на все, включая хлеб, черный рынок, инфляция перуанского типа с повышением цен на 300—500 процентов в год, «хвосты» к продмагам как бикфордовы шнуры беспорядков — и такую перспективу надо иметь смелость видеть в недалеком завтра, и прелесть умиротворения воздушно-десантным путем нужно допускать как черный, наихудший, страшнейший, но все-таки вариант. Потому что главное, самое национально оскорбительное, унижающее честь и достоинство каждого гражданина, уже произведено, внедрено в жизнь — и уже даже оглажено, объяснено, чтоб не задевать. Стрàны, побежденные в самой кровавой из человеческих войн, стрàны былого нацизма, фашизма, милитаризма, чья экономика была сокрушена, а города развеяны по ветру, стрàны без колоний и с земным подушным наделом, многократно скромнее нашего, давно кормят своих детей, женщин, свой народ не в пример богаче, разнообразнее, вкусней, уважительней, чем государство, отдавшее на одоление фашизма больше всего людских душ и — удельно — самую большую долю достояния. Предположить такое в пору Сталинградской, Курской, Одерской битв было бы кощунством и низостью.

Я был почти уверен, что больше калифорнийского сосредоточения харчей в одном супермаркете — 3500 сортов, видов, оттенков мясного, рыбного, овощного, копченого, сушеного-тушеного и т. д. и т. п.— на свете возникнуть не может. В Японии, в провинциальном Саппоро, увидел 12 000 — в одном магазине! То есть не увидел, конечно, половины вариаций я и назвать бы, наверно, не смог, но — узнал о числе продающегося на сегодняшний день. Детского питания — 400 видов, на каждый возраст, для любого отклонения. Старикам — свое. Работать страна Хиросимы умеет, работает не разгибаясь, но превосходное питание вывело народ в мировые лидеры долгожительства.

Наш же гастроном — ладно, пусть один на страну, как один музей Сталина в Гори! — надо сохранить таким, каков он сейчас! Это и **мировой** экономический феномен, не только советский: шестая часть суши с двумя без малого третями черноземов планеты так-то вот в конце XX века питалась. Западная гостья в Первомай сказала с Красной площади: как может замечательный советский врач так тесно жить? Она бы на его рационе — подлинном, не для гостьи — недельку посидела бы... Надо сберечь сегодняшние «елисеевы», присвоив им имена врагов агрореформы.

IV

А может, хватит обличительства? Уж чем сыты, так этим по горло. Мы бичуем — Китай миллиард накормить успел. Мы — виновников по полочкам: где Ежов с Ягодой, где застойный режим, Китай — за продовольственный экспорт.

Делать-то что?

Предложений не занимать стать. Общественность пучит пропозициями. На первом же депутатском приеме один серьезный монтер показал свои проекты: свиноферма внутри Кунцевской овоще-картофельной базы города Москвы! Но не простая ферма, такую-то «санэпид» забодает, а особенная: «биологически чистая». Навоз свиней высушивается и затем — в брикетах — продается населению. Для дач, то есть для овощей же. Таким образом, комплексный подход: овощи выращиваются, отбираются для хранения, на базе сгнивают, скармливаются свиньям, те дают навоз, навоз уходит на огород, овощи выращиваются и т. д. Он не Жванецкий, не чудик — просто копиист **технологических** решений, которые нам постоянно преподносят по телевизору. Всесоюзные совещания, в репертуаре — только новости...

Всерьез народом и общественностью могут обсуждаться сейчас только **политические** способы ликвидации голода. Любая **технология** пока — мастерство наперсточника, революция признает только два вопроса: о власти и о собственности. Вслед за «Вся власть — Советам!» с абсолютной неразрывностью следовало «Земля крестьянам!». Решение продовольственной проблемы — исходный пункт перестройки — требует полного переворота в землевладении и землепользовании. Или найти новую модель хозяйствования на земле, или прекратить эксперимент по созданию социалистического строя как преждевременный для нынешней людской цивилизации. Это не страшные слова, не трескотня — просто платформа тех экономистов, публицистов, писателей, какие все годы перестройки посильно внедряли это в общественное сознание, а став народными депутатами, принесли как базу, основу, именно платформу на первый учредительный полновластный Съезд. Еще не думая о парламентском большинстве, о сопротивлении, о синдроме апрельского Пленума — распечатали и вручили всем-всем-всем.

Итак, немедленная и ничем не ограниченная передача крестьянским семьям любых государственных земель во всех случаях, когда крестьянин берется платить в течение длительного срока арендную плату бо́льшую, чем иные претенденты. Кто хозяин аукциона? Местный Совет. Земля остается национальной собственностью, но фактически (без туфты) передается в руки местных Советов. Чтобы стимулировать активность нынешних колхозников и горожан, поубавивших крестьянской смелости за время сепарации поколений, надо создать все условия — малую (то есть нормальную, не гулливерскую) технику, возможность строиться, лечить почву и т. д. (Из Ростова звонят: «Ваш «Комбайн косит и молотит...» обком партии запретил печатать в нашей области. Помогайте, издательство бессильно!» Ну и прямолинейная публика, как нацелил их Зимянин шесть лет назад, так и шпарят. «Ничего не забыли и ничему не научились» — это, выходит, не только о Бурбонах. Но вода в реке уже сменилась, и плох ли железный Гулливер, или вдруг стал симпатичен — дело не в том, оно теперь уже в том, что индустрия оказывается консервативной, машиностроение и защищает сталинский колосс на глиняных стойках — и газеты гутарят о покупке западногерманских списанных фермерских комплектов...)

Главным — как и во всем мире — станет семейное крестьянское хозяйство. Осознанный и эффективный труд увеличит производство съестного не только без роста капиталовложений государства, но при их сокращении. Конечно, обстановка сочувствия... На три — пять лет вновь созданные хозяйства должны быть освобождены от налогов — такой протекционизм известен с Вавилона. Не так, может, страшен рэкет с автоматом, как простецкий чиновный побор, стоящий на том постулате, что арендатор «не наш», мужик — он изначально в чем-то виноват, а подряд рубаху с себя снимет, чтобы отвязаться... Сейчас этот человек — опять московский таксист, а разорили его как арендатора в Калужской области поборы чинов исполкома (даром продукты из Москвы целыми годами), лихие капитаны из ГАИ, чинившие свой транспорт непременно даром... Да как же и не взять с лопуха-арендатора, если даже политически это полезно. и никакой товарищ Сталин не привлечет «за нарушение устава колхоза»?!

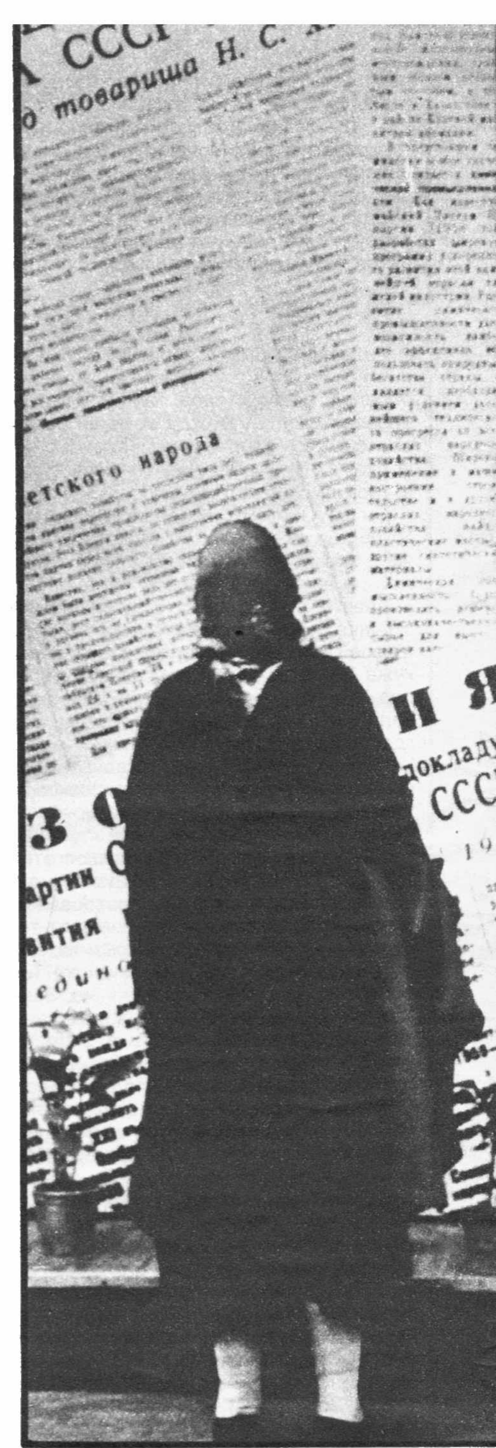
Хочешь хозяйствовать — плати! Сможешь условиями заработка, моральным климатом переманить корыстных кооператоров в совхоз — на здоровье, укрепляй госсектор, но не можешь — паном себя не чувствуй, панам ведь и пинка дают. Экономически не уступаешь крестьянским хозяйствам — значит, ты есть настоящий колхоз; приоритетов, дотаций, всякого рода уколов тебе не нужно. Да и вся эта спасательная банковская служба демонтируется: признается как нормальная категория жизни экономическая смерть. В госплемзаводе «Зыбино» (он весь, включая директора А. Ю. Кузьмичева, на аренде) появились первые банкроты. Перебрали мужики кто две, кто три тысячи, лекарство — кредит. Конечно, до распродаж с молотка не дошло, вообще радости в такой ситуации мало, но раз пошла настоящая жизнь, появится и реальная смерть.

Доходы от сдачи земли в аренду — местным Советам, частью на их социальные нужды, частью на нужды республики. Зависимость заработка аппарата от размеров арендной платы и ее правильности может наладить правильную политику землепользования. Пока алчущему раздают не почву — дольки ее трупа: неудобья, мочажины, болота, карьеры. За смерть (полную потерю плодородия) десятков миллионов гектаров российской — прежде всего — пашни никто ответственности не понесет. Как не понесет скорее всего и за экономическое прегрешение СССР перед человечеством: имея чуть ли не по гектару пашни на жителя, заслонясь частоколом ракет, страна стала стаскивать караваны зерна со всего света, где столько впрямь обделенных и сирых... А ведь можно продавать, ничего не лишаясь, сбывать, оставляя все при себе! Это и будет государственная сдача пашни, лугов, леса в долгосрочную аренду — надежный путь задраить громадные пробоины бюджета.

Что ж, и это все только предложения... Станут ли они реальностью? Разумеется. А скоро ли — вопрос. Главное — чтобы не в пустой след. Ждать уже поздно. Мы уже опоздали ждать!

...С детства — с ночного шептанья деда над моим ложем-сундуком — помню «Отче наш», «Верую» и «Богородице, дево»... Но сейчас — вставши и отходя ко сну — мыслю иную молитву, вымолвленную нашим великим поэтом:

— Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!

С Александром Михайловичем АЛЕКСЕЕВЫМ, доктором экономических наук, профессором, лауреатом Государственной премии СССР, в годы войны помощником заведующего секретариатом Совнаркома СССР, начальником валютного управления Министерства внешней торговли СССР, начальником валютно-финансового управления Главного управления Советским имуществом за границей при Совете Министров СССР в 50-е годы, в 60—70-х годах — членом коллегии Государственного научно-экономического совета СССР, начальником отдела методологии координации народнохозяйственных планов Секретариата СЭВ встретился наш обозреватель Дмитрий БИРЮКОВ.

ГЛАГОЛЫ ПРОШ

— Я ПРИНИМАЛ УЧАСТИЕ В РАЗРАБОТКЕ ТЕОРИИ «ДОГНАТЬ И ПЕРЕГНАТЬ АМЕРИКУ». И ТЕПЕРЬ ТЕ, КТО ОБ ЭТОМ ЗНАЕТ, ВРЕМЯ ОТ ВРЕМЕНИ ЗВОНЯТ И СПРАШИВАЮТ: «КОГДА ПЕРЕД НАРОДОМ ОТЧИТЫВАТЬСЯ БУДЕТЕ?» — АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ АЛЕКСЕЕВ НА МИНУТУ ЗАДУМАЛСЯ.— МНЕ 78 ЛЕТ. НАС НЕ ТАК УЖ МНОГО ОСТАЛОСЬ. ПОТОМ НИКТО И НЕ УЗНАЕТ. ДУМАЮ, ПОРА РАССКАЗАТЬ ВСЕ КАК БЫЛО.

Чувствую, что я и мое поколение несем историческую ответственность за судьбу нашей страны. Мы не свидетели, а активные участники всего, что происходило. Другое дело, не все наши усилия достигли цели. Но, поверьте, мы были искренни и с болью видели, как гибнут хорошие начинания, нужные для страны дела.

Взять ту же историю «догнать и перегнать». Я, например, не жалею, что принял участие в ее разработке. Не было бы теории, не было бы в нашей стране мощной науки о международных экономических отношениях. Мы бы намного хуже знали капитализм, его основные характеристики и тенденции развития. Да и задача-то была поставлена правильно.

—Все это так. Но я помню, как в 1984 году, вступая в партию, взял в библиотеке Программу КПСС, принятую на XXII съезде партии. Сижу, читаю: «В ближайшее десятилетие

товарища Н. С. ХРУЩЕВА

на 1959—1965 годы»

ЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

(1961—1970) Советский Союз, создавая материально-техническую базу коммунизма, превзойдет по производству продукции на душу населения наиболее мощную и богатую страну капитализма — США; значительно поднимется материальное благосостояние и культурно-технический уровень трудящихся, всем будет обеспечен материальный достаток; все колхозы и совхозы превратятся в высокопроизводительные и высокодоходные хозяйства; в основном будут удовлетворены потребности советских людей в благоустроенных жилищах; исчезнет тяжелый физический труд; СССР станет страной самого короткого рабочего дня»,— и не могу от улыбки удержаться. Для чего нужно было давать такие необдуманные обещания?

— Необходимо было настроить людей, подготовить их к масштабной беспрецедентной работе. Но я вам точно могу сказать, что в реальности построения основ коммунизма в 1980 году мало кто сомневался. И для этого были самые серьезные основания. Во-первых, в нашем распоряжении находились статистические данные, казавшиеся вполне убедительными, которые красноречиво говорили о том, что при наших темпах роста мы в кратчайший срок догоним США по производству продукции на душу населения и создадим прочную материально-техническую базу коммунизма. Во-вторых, идея соревнования с развитыми капиталистическими странами и победа в таком соревновании принадлежат Ленину. Правда, здесь нужно уточнить, что впервые четко сформулировал эту концепцию Сталин. Еще до войны он написал, что основная экономическая задача СССР — догнать и перегнать передовые страны по производству продукции в расчете на каждого жителя страны. Сталин назвал даже товары, по которым нужно догонять и перегонять.

История по разработке концепции, которая в дальнейшем вошла в Программу партии, началась в 1959 году. В то время я был членом коллегии Государственного научно-экономического совета СССР, и мне была поручена задача собрать все имеющиеся данные по этому вопросу и проанализировать их.

— А кто персонально поручил вам разработать концепцию?

— Председатель Государственного научно-экономического совета СССР Засядько. У нас в Государственном экономическом совете всего несколько человек было с учеными степенями, и мы выступали в печати со статьями по вопросам экономических связей Советского Союза с зарубежными странами. Засядько читал мои статьи. К тому же он был осведомлен о моих хороших контактах с сильными мира сего.

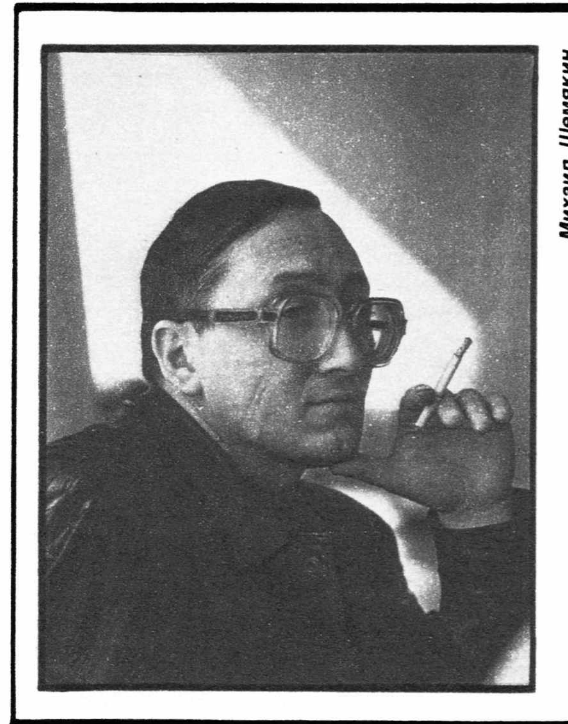
— Каким образом?

— Время от времени спрашивал, знаю ли того, этого. А я многих знал лично, поскольку многим высокопоставленным деятелям переделывал и писал доклады, с которыми они выступали на ГКО (Государственном Комитете Обороны). Помню, заместителю председателя СНК СССР Косыгину из десяти страниц доклада две сделал. Убрал все лишнее. В первую очередь его рассказ о том, как плохо фронт в первую мировую снабжался. Кстати, тогда его четкое конкретное выступление произвело очень хорошее впечатление.

— Давайте все же вернемся к самой теории.

— Я и мои помощники подготовили

Продолжение на стр. 30.

Михаил Шемякин.

СВИДАНИЕ С РОССИЕЙ

«Может быть, поэтому в Америке так много обращают внимания на творчество Михаила Шемякина: его нельзя классифицировать, оно не подчиняется простому определению. Оно намного сильнее, полнее, глубже, чем то, что можно встретить, прогуливаясь по галереям, мастерским и ателье, даже в Нью-Йорке, городе, где постоянно бурлит творчество. Шемякин по-новому осмысливает жизнь сосланного художника. Со всей страстью и невероятной силой он вселился в лунный пейзаж неведомой ему земли и населил ее своими образами — лицами, цветами, масками, серебряными черепами и таинственными карнавальными персонажами. Неуловимые жители его внутреннего мира — частично это Россия его сознания, частично это тот мир, который он видел и пережил, частично это его культура... частично это тот крепкий, здоровый ребенок, который в нем отказывается взрослеть...»

Фурио КОЛОМБО, писатель, профессор Колумбийского университета

«Союз художников СССР приветствует открытие выставки произведений Михаила Шемякина, нашего соотечественника, человека сложной творческой и личной судьбы. Его искусство свидетельствует о неразрывной связи с культурным наследием России».

Таир САЛАХОВ, академик, первый секретарь правления Союза художников СССР

«Мощное искусство Шемякина сродни театру, необычному и непредсказуемому. Его истоки где-то в русском фольклоре, в лубке, но по мере развития захватывающего действия это искусство преодолевает границы фольклора и становится универсальным.

Чем больше я подпадаю под власть художника, чем пристальней вглядываюсь в странный мир, им создаваемый, тем ощутимей во мне потребность осознать реальную действительность, окружающую меня, тем явственней желание разобраться в собственном предназначении. И в этом я вижу глубокий смысл его работы.

И все-таки кому же он не угодил в молодые годы, что судьба вытолкнула его за пределы родины? Чьи невежественные амбиции покоробило его искусство, его стремление по-своему осознавать мир? Почему так случилось?

Да, мы рады свиданию. Еще одна река стремительно и мощно втекает в русское искусство, знаменуя собой непрерываемость наших усилий.

Но почему?.. Почему?..»

Булат ОКУДЖАВА

СЕГОДНЯ ГОСТЬ «ОГОНЬКА» — ХУДОЖНИК, ГРАФИК, СКУЛЬПТОР МИХАИЛ ШЕМЯКИН. ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ТОГО ПОКОЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ, КОТОРОЕ ДЕЛАЛО ПЕРВЫЕ СВОИ ШАГИ В ИСКУССТВЕ В ГОДЫ, КОГДА ОРИГИНАЛЬНОСТЬ НЕ РАЗ ОБЪЯВЛЯЛИ ХУЛИГАНСТВОМ, А ЧЕСТНОСТЬ И ТАЛАНТ — ЗЛОПЫХАТЕЛЬСТВОМ И ОЧЕРНИТЕЛЬСТВОМ. ОДНИ УХОДИЛИ В «ЭМИГРАЦИЮ» ВНУТРЕННЮЮ, ДРУГИЕ УЕЗЖАЛИ ВО ВНЕШНИЙ МИР. ЭМИГРИРОВАЛ, А ПО СУТИ, БЫЛ ИЗГНАН ИЗ СТРАНЫ И МИХАИЛ ШЕМЯКИН. СЕЙЧАС ОН — ОДИН ИЗ САМЫХ ИЗВЕСТНЫХ В МИРЕ ХУДОЖНИКОВ, ДОКТОР САН-ФРАНЦИССКОГО УНИВЕРСИТЕТА И АКАДЕМИИ ИСКУССТВ ЕВРОПЫ, ЧЛЕН НЬЮ-ЙОРКСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК. В КОНЦЕ МАРТА ОН ПРИВЕЗ В МОСКВУ БОЛЬШУЮ РЕТРОСПЕКТИВНУЮ ВЫСТАВКУ СВОИХ РАБОТ.

БЕСЕДА МИХАИЛА ШЕМЯКИНА С ВИТАЛИЕМ КОРОТИЧЕМ

— Вы сейчас, я знаю, занялись издательской деятельностью — сделали пластинки Высоцкого, иллюстрации к его четырехтомнику, вами же изданному, выпускаете журнал, в котором публикуете репродукции картин советских художников, часто ваших друзей. Я хочу понять: что вами руководит? Потребность в культуртрегерстве? Желание помочь «своим»? Стремление показать американцам да и всему миру то, что, по вашему мнению, им следует знать?

— Что касается Володи Высоцкого — это особая статья. Володя был мой близкий друг, но я к нему прекрасно относился не просто как к человеку, я считал его человеком гениальным. Мы делали записи для этих пластинок пять с половиной лет. Когда они будут изданы, не загадывали. Я однажды сказал: Володя, я слышал тебя на этих сорокапятках — это ужасно. Какой-то помпезный оркестр, он глушит голос, ну, знаете, о чем я говорю. А идея появилась — воссоздать то, что он когда-то пел, но по-новому. Он чувствовал, что стал уже мастером, и хотел перепеть все свое старое иначе. И я купил высшего класса аппаратуру, сам стоял в наушниках, и пять с половиной лет мы записывали его песни. Володя приезжал, гулянку откладывали на потом и работали, работали, работали. Сейчас я издал девять его пластинок. Две отдельно — «Робин Гуд» и «Формулировка», и альбом из семи пластинок с приложением, в котором — его биография, статьи, тексты песен, тех, что на пластинках, и мои иллюстрации к ним. На пластинках — только гитара и голос. Больше ничего.

Вы понимаете, большого интереса на Западе к Высоцкому пока нет. Ясно почему: надо знать русский язык, чтоб доходило. Хотя многим он нравится и на слух. Но я делал эти записи в первую очередь, конечно, для России. Это памятник моему другу.

А журнал мой возник не случайно. Пропагандой русского искусства, именно пропагандой, я занимаюсь с тех пор, как заработал свои первые деньги. Я издал один из первых больших альманахов — «Аполлон-77», где собрал вместе художников, поэтов, писателей, фотографов — нонконформистов, и издал его на собственные деньги на русском языке. Я тогда жил в Париже. Конечно же, вышло издание не коммерческое, я и не ждал прибыли, я хотел, чтобы оно попало в Россию. Альманах попал сюда через дипломатов, был большой бум. Но в основном пошел он в европейские университеты, где были отделения славистики. Я хотел показать всем, что можно истреблять людей миллионами, но невозможно истребить творческий дух. А ведь благодаря «железному занавесу» у западных критиков сложилось впечатление, что после сталинского террора в России не осталось ничего, все было выжжено, вытоптано. И отношение к советскому, русскому искусству было пренебрежительное. «Все это провинциально, не знает корней» — так примерно писали критики. Но они еще не слышали о Филонове! Еще были живы ученики Малевича! А мы-то знали своих духовных отцов. На Западе не воспринимали не только официальное, но и наше, катакомбное искусство, которое делали мои друзья. И вместе с Глезером мы устроили громадную выставку их работ в Пале де Конгре, я издал каталог, мне помогли Ростропович и Барышников, я выпустил первый «Аполлон». А сейчас уже веду всю эту пропаганду в своем журнале. Он выходит на английском языке, называется «Искусство России и Запада». В нем соседствуют американские, западноевропейские и русские художники: и живущие на родине, и изгнанные из нее. Первый наш номер собрал вместе таких всемирно известных американцев, как Джордж Сегал, Леонард Баскин, русских художников, живущих за границей,— Олега Целкова, Джозефа Якобсена, Льва Лесберга и живущих в Москве — Илью Кабакова, Михаила Шварцмана, Олега Васильева. Вот такой номер.

— Прибыли это не приносит?

— Прибыли не приносит. Я и здесь общался с некоторыми советскими деятелями, занятыми продажей книг,— узнавал, нельзя ли распространять журнал в СССР, но у нас ничего не сходится. Журнал дорогой, 120 страниц с цветными иллюстрациями высшего качества...

— Во сколько вам обходится номер?

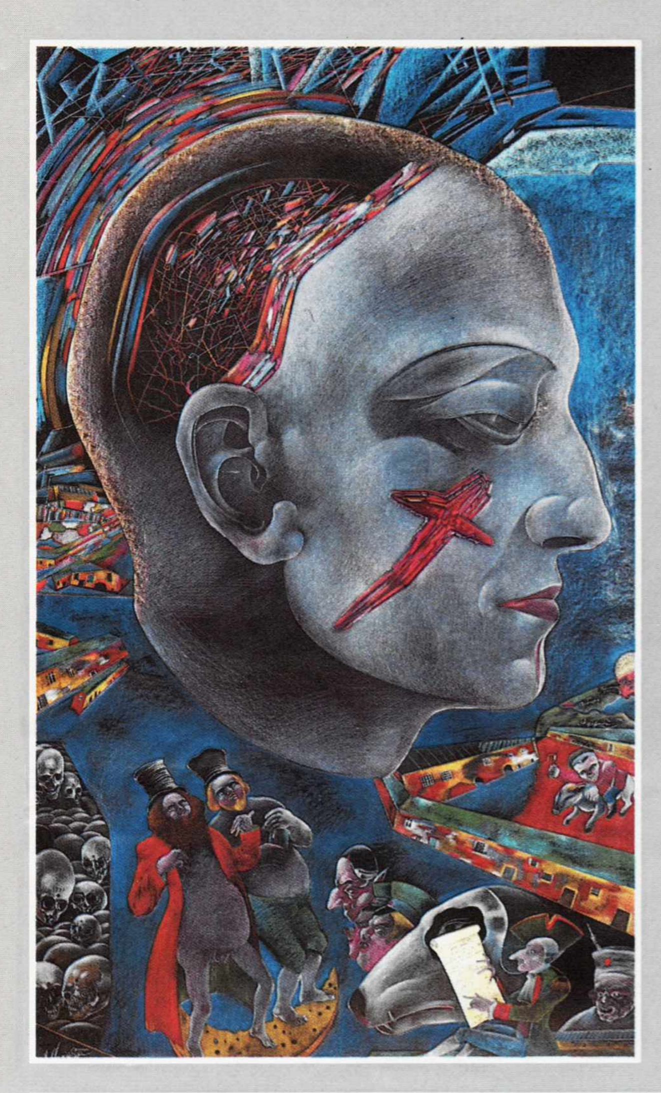
— В 20 долларов.

— А продается?

— Где? Здесь мне предложили продавать номер за 2—3 рубля. Это даже не даром, а с приплатой покупателю. После этого мне ничего не осталось бы, как свернуть всю свою издательскую деятельность. И распрощаться с мечтами о дальнейшей пропаганде искусства.

— Даже так?

— Конечно. Я создал такую не коммерческую организацию «Аполлон-фаундейшн», и все, что я зарабатываю, издавая и журнал, и книги, которые сам и иллюстрирую, становится достоянием «Аполлон-фаундейшн», и я уже не имею права пользоваться этими деньгами, они лежат в кассе и служат для того, чтобы на них можно было печа-

АВТОПОРТРЕТ. 1986—1989.

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ГОЛОВА. 1989.

НАТЮРМОРТ. 1975—1981.

ПАМЯТИ ЯКОВА ВИНКОВЕЦКОГО. 1987.

тать какие-то следующие книги и альбомы.

— Вы уехали в 1971 году, попали в Париж. Сколько времени вам понадобилось, чтобы стать независимым человеком, опираясь лишь на свое творчество,— жить, работать, снимать мастерскую? Даже не журнал издавать, а просто работать, не думая, чем вы позавтракаете.

— Свой первый контракт я получил два года спустя, и он дал мне возможность снимать мастерскую. Но сделать карьеру на Западе, безусловно, очень тяжело, сложно. Чтобы выжить за границей, нужно сражаться. За ту свободу, о которой я мечтал, свободу настоящую, истинную, ту, к которой сейчас я уже подхожу, за нее нужно сильно и много бороться. Я живу сейчас в Америке, очень люблю эту страну, вернее, город, где я живу, хотя американцы считают, что Нью-Йорк — это не Америка, но мне нравится это государство внутри государства, это такой вокзал или космодром XXI века, где тысячи наречий, обычаев, культур, такой Новый Вавилон, и где никто ни на кого не обращает внимания. И там нет таких понятий, как Дом творчества или творческие командировки, которыми художников обеспечивает государство, чем и пользуется Союз художников. Там все иначе. У вас есть деньги, вы снимаете или покупаете себе мастерскую, нет денег — вы идете где-то их зарабатывать.

— Так как же вы освоились в Париже? Каким образом?..

— В Париже есть такой своеобразный Дом художников. Это представители многих стран мира построили недалеко от собора Нотр-Дам такое общее здание, в котором каждой стране принадлежит пять — десять мастерских, куда они и посылают собственных художников на несколько лет учиться профессии.

— Так когда-то русские ездили в Рим.

— Совершенно верно, были римские академические премии. А я был изгнанник, но о вкладе русских во французское искусство французы никогда не забывают. Именно здесь я по-настоящему стал гордиться тем, что я русский художник. С первых шагов по западному миру сталкивался с именами русских людей, оставивших след в европейской культуре. Увидел и с каким почтением относятся к русским французы. До сих пор постоянные разговоры о славянском шарме, после революции здесь вообще на русских была повальная мода, все стремились жениться на русских дамах. Балет Дягилева! У французов все это очень живо в памяти. Может быть, в память обо всем этом мне в Доме художников и дали место. Не мастерскую. Мне отвели бывший бильярдный клуб, безо всяких удобств, без туалета, без ничего, но чтоб была хоть какая-то крыша над головой: вот, поживите здесь пока, что ж на улице-то стоять... Но в принципе там, в Париже, довольно много домов, которые государство сдает художникам в аренду под мастерские за в общем-то пустяковую плату.

— Был у вас комплекс неполноценности, когда вы туда приехали?

— Даже два раза я его ощутил. Сначала в Париже. То есть в плане творческом никакого комплекса у меня не было, тем более что в то время у меня в галерее Дины Верни была большая персональная выставка, она открыла меня для парижан, пользовалась колоссальным успехом. Мне странно было слышать отовсюду свое имя: Шемякин, Шемякин. Писали газеты, была полуторачасовая программа о выставке. Закомплексовал я, когда увидел магазины, в которых продавалось все для художников. Невероятное количество различной бумаги, такой, какая нам и не снилась, я ведь никогда не был членом Союза художников, и вообще мне был закрыт доступ туда, где покупались чешские, французские материалы, я рисовал в основном кисточками для клея, покупал их в канцелярских товарах, такие кисточки — мазнул, и все волосы остались на картине. Я потерял слова, потому что увидел множество каких-то приспособлений для искусства, для графики, назначения и цели которых я просто не понимал. Увидел, конечно, изобилие и в других магазинах, неведомые продукты, продавали, помню, еще шкуры каких-то животных: леопардов, зебр. Я подумал: боже мой, сколько же мне придется еще учиться, чтобы просто понять, что, где, как, к чему в этой жизни, чтобы почувствовать себя даже не равноправным человеком, но научиться ходить по этим улицам, заходить в эти магазины.

— А второй раз?

— Второй раз комплексовать меня заставила Америка. Я вырос в семье военачальника. Домашнее чтение у нас было — такие маленькие книжечки, то ли библиотечка «Огонька», то ли «Красной звезды», они и раскрывали передо мной мир. Я не знал тогда, как истреблялась наша страна, истреблялась нация, порода, травились лучшие художники, расстреливались лучшие поэты: удивительное чутье у бездарности на талант. Мне внушали, что у нас все хорошо. Но в мире все было плохо. Я читал в этих книжечках Бичер-Стоу, какие-то рассказы о безработных там, во внешнем мире. Именно против Америки, по размаху, широте, казалось бы, наиболее близкой россиянам, велась самая большая пропаганда, направленная на ее очернение. У меня было впечатление, что это страна, где никогда не встает солнце. Америка — это мрак, каменные громадные небоскребы, желтые окна и в каждом по бизнесмену, у которых вместо глаз по доллару, так обычно их рисовали. Негры на фонарях. Статуя Свободы, и у нее вместо слез свисают руки с дубинками (известная картинка Пророкова), а внизу где-то спят на газетах безработные, и кто-то в баке мусором роется, и стоят огромные гориллы-полицейские, вооруженные дубинками и наручниками. И когда я первый раз попал в Америку, я был потрясен, что там яркое солнце, совершенно, знаете, такое индийское освещение, не похожее на европейское, идут красивые гогочущие люди, и ощущение полной раскованности, какой-то необычайной уверенности в себе и дружелюбия. Я уже прожил многие годы в Париже, и вдруг я закомплексовал.

— Давно это было?

— Я уже восемь лет живу в Америке. Я закомплексовал, потому что мне казалось в Париже, что я живу в центре искусства. Париж, он и для Европы — Париж! И вдруг я почувствовал — нини-ни! Вот где надо жить. Вот где мой дом. Во Франции, конечно, очень большое расположение к искусству. Это нация не очень сильная на сегодняшний день в искусстве, но с чрезвычайно развитым, изысканным, наследственным вкусом. И меня приняли очень хорошо. Где-то уже через два года меня стали называть мэтром и относиться с большим почтением, но...

— Но ваш дом в Америке.

— Вы знаете, у меня здесь на пресс-конференции перед открытием выставки чаще всего спрашивали: а почему бы вам не вернуться домой? Кто-то спросил: вам бы хотелось вернуться на родину? Понятия дома и родины. Разные вещи. Родина там, где ты родился. При всем желании я не могу стать стопроцентным янки и никогда не стремился к этому. Когда мой крупный коллекционер, министр Франции Мишель Понятовский, предложил мне французский паспорт, поскольку я, как он считает, сделал значительный вклад во французскую культуру, я отказался. И он был удивлен, потому что обычно получить французский паспорт довольно сложно, нужно прожить в стране пять лет и так далее. Он спросил: «Почему?» Я ему сказал, что не хочу быть второсортным французом. Натурализованный француз — это очень нестабильное положение. Я даже не мог открыть свою галерею или магазин, свое дело, это было разрешено только уроженцу Франции. В Америке этого нет. Есть у вас паспорт американский или нет, вы можете снять помещение и открыть, например, свою типографию, никого это не колышет. Главное: плати государству и не обманывай его, а твои дела — это твое личное дело. Америка — страна, где такое количество эмигрантов, что там, особенно в глубинке, приезжих и не любят, и не считают американцами. Но я, на счастье, живу в таком городе, где едва ли не каждый второй — русский или выходец из России, и я действительно не чувствую здесь себя иностранцем. Я выбрал этот паспорт и гражданство вовсе не из-за того, что почувствовал Америку своей родиной, родина может быть только одна. Я выбрал принцип американской свободы, который мне, а я жил во многих странах Европы, на сегодня наиболее по душе. Ведь там нашкодил президент — его будут судить, как обыкновенного человека, и могут посадить в тюрьму...

— Кто еще из русских художников сейчас рядом с вами?

— В советских газетах я читал много статей, иногда и якобы интервью со мной, где говорилось о том, что большинство художников из СССР, оказавшихся на Западе, живут в нищете, в неизвестности. Да, конечно, были и несчастные случаи, некоторые люди не выдерживали, особенно те, кто уезжал с намерением сразу же нарвать звезд с небес. Были случаи самоубийств. Именно из-за несоответствия желаемого и оказавшегося. Но говорить, что все художники живут в безвестности, один Шемякин пробился каким-то чудом, а остальные сидят с каплей на носу или кончают с собой — это просто ложь. Например, Купер и Заборов работают в старинной и очень престижной галерее Клод Бернар в Париже, Олег Целков очень известен, его работы находятся в крупнейших коллекциях мира. Комар и Меламид работают в очень престижной галерее, их картины почти во всех музеях мира, выходят монографии. И так далее.

— Какое-то время вы, очевидно, ощущали себя как объект просто для пропагандистских интерпретаций?

— Безусловно. Пробить советскую прессу было довольно сложно. Первый, кто, как у нас говорят, «подстелил» меня, был Иона Андронов. В общем-то милейший человек, мы с ним часто сидели за столом, болтали, я понимаю, он человек старой закваски и есть у него участки какого-то замкнутого пространства, куда пробиться невозможно. Но я видел с его стороны дружеское расположение. А в статье его в «Литгазете» сам заголовок уже чем-то отдавал: «О русском из Нью-Йорка и еще кое о чем». Но, несмотря ни на что, я ему благодарен, потому что вольно или невольно он одним из первых назвал меня большим, значительным русским художником. Не изгоем, не предателем, ползающим по задворкам Сохо. После этого стали появляться статьи, в которых было еще меньше вот этого журналистского фуфла. И блестящая статья в «Правде» моего друга Гены Васильева, я его зову «Крокодил». Для меня это была самая ценная публикация. Потому что до этого мои друзья часто меня спрашивали: что происходит в этих газетах? Из чтения такое ощущение, что ты сидишь весь в слезах за стаканом водки и беспрерывно ностальгируешь. Вот, например, господин Семенов, с которым мы очень весело проводили время: и выпивали, и плясали, и хохотали, и все такое, вдруг в журнале «Смена» поместил статью обо мне, где на разворот громадный заголовок «Ностальгия», хотя мне он клялся-божился, что его статья будет называться «День Победы в Манхэттене». Потому что мы там праздновали День Победы, вспоминали о моем отце, о его.

Я могу сказать только одно: конечно, ностальгия есть, как у каждого русского, ностальгия по юности, это самое прекрасное, что есть в нашей жизни, ностальгия по моим, бесценным для меня, друзьям, одни уже покинули наш бренный мир, некоторые, к счастью, живут рядом со мной. Ностальгия по одному из самых красивых городов мира — Питеру. Но у меня нет никакой ностальгии ни по моему участковому, ни по 38 соседям: на всех — одна уборная, как в песне у Высоцкого, ни по тем унижениям, что выпали на мою долю, ни по клинике Скворцова-Степанова, где меня лечили от моих увлечений модернизмом и религией, ни по психиатрической клинике, где я находился на принудлечении. И зачастую на ностальгию не хватает просто времени, очень много работы, впечатлений, интересов. Поэтому я хочу, чтобы мои слова не искажали, не приписывали мне того, что я не говорил. Я действительно люблю Россию, но я люблю и свой новый дом. И просто люблю бродяжничать по миру, как любой художник. Александр Иванов прожил почти всю свою жизнь в Риме, так же, как Карл Брюллов, он даже умирать уехал в Италию, тем не менее они всегда оставались русскими художниками, впрочем, в то время просто не возникало такого вопроса — считать ли их русскими.

— Сейчас у нас, в период восстановления культурного потенциала страны, идет речь о восстановлении нормальных связей с мировой культурой. И о разрушении сложившегося стереотипа, согласно которому русский лишь тогда признается таким, когда живет в России. Хотя всегда было так, что именно художник выбирает себе ту обстановку, где ему плодотворней работается, где есть у него зритель, слушатель, где он реализуется полностью. Мы должны ездить друг к другу, в те страны, в какие нам необходимо, без истерики и нормально себя при этом чувствовать...

— Людям искусства ездить по миру просто необходимо, становится шире кругозор, люди получают колоссальное количество новой информации. И, наконец, идет пропаганда искусства той страны, которую художник представляет.

— Я помню, когда-то Ростропович пошутил, что ему надо бы дать орден Дружбы народов, потому что столько, сколько он делает для популяризации русской и советской музыки за рубежом, не делает никто, а его лишили гражданства.

— Сейчас многое меняется. Мои старые друзья — уже классики нонконформистского искусства. Володя Янкелевский, Михаил Шварцман, Эрик Булатов, Слава Калинин получили признание. Я рад, что их выставки прошли в Нью-Йорке. Они сейчас катаются по всему миру, в общем, художники стали спокойно выезжать туда. А я вот — первая ласточка оттуда.

— Вы восемнадцать лет здесь не были?..

— Да.

— Ну, и как ваши ощущения — другой воздух или нет? Или вы отвыкли уже и воспринимали все как бы сызнова?

— Мной владело очень сложное чувство. Моя мама была категорически против того, чтобы я ехал сюда.

— А мама живет с вами?

— Нет, мама живет в Париже. Она пожилая женщина. И она просто считала... знаете, у нее плохо стало с сердцем, когда я ей сказал, что еду. Она кричала по телефону, что ни в коем случае я не должен ехать сюда, что меня тут же, прямо в Шереметьеве, возьмут и отвезут в отдаленные места и она меня больше никогда не увидит. Я между тем тоже в общем-то волновался, ведь уехал я отсюда в совершенно другую эпоху. Я был выгнан. И несмотря на то, что я постоянно читаю и «Огонек», и «Литературную газету», и «Московские новости», и «Неделю», все, на что можно подписаться, читаю с интересом, но одно дело читать, другое дело знать точно, как оно на самом деле. Что такое советская пресса, я ведь тоже знал. Был страх, был, конечно. Я слышал и об обществе «Память», даже ожидал каких-нибудь выходок на моей выставке. Потому что я читал их манифесты: долой жидов, нацменов! Я ведь нацмен, мой отец — уроженец Кабарды. И искусство мое явно не ярко выраженное славянское, за исключением, может быть, некоторых эскизов к балету Игоря Стравинского «Весна священная», то есть оно резко отличается от картин господина Глазунова. Были опасения. Но когда я увидел вот этот совершенно сказочный, совершенно фантастический прием, который был мне оказан на выставке, был потрясен. Мне пришлось бежать от почитателей черным ходом, меня увели из этой восторженной толпы, одна поклонница чуть мне не выбила глаз моим же каталогом. Было около десяти тысяч человек. На закрытом вернисаже!

А сейчас я только что вернулся с уникальной и очень значительной для меня выставки в совершенно святом месте, в Доме-музее Федора Михайловича Достоевского, где любители моего творчества собрали у частных коллекционеров мои юношеские работы и сделали совершенно чудесную выставку, я ведь просто забыл, что эти работы существуют, они были сделаны 20—30 лет тому назад. Я поражен той теплотой, с кото́рой меня всюду встречали.

Нет, я не скажу, что все увиденное в стране мне понравилось, что я попал в сказочный мир, я знаю, насколько тяжело перестройщикам...

— Ну, вы ведь Гоголя иллюстрируете, вы, в общем, все понимаете...

— Немножко настораживает атмосфера вашей жизни. Знаете, бывает такое горячечное состояние, человек быстро ходит по комнате, глаза чересчур блестят, щеки в ярких пятнах, в таком нездоровом румянце, и ты чувствуешь, что человек в состоянии кризиса. Вот здесь то же самое, люди какие-то перевозбужденные, чересчур злые, очень много говорят. Я посмотрел советское телевидение, был, в общем, слегка шокирован, потому что есть разница, например, между тем, что показывают по телевидению, и тем, что я увидел в магазинах: разница гораздо бо́льшая, чем в те годы, когда меня выгнали. Увиденное в магазинах мне напомнило картины классика модернизма Пита Мондриана, который занимался в основном квадратами. В кондитерском магазине почти в таких же квадратах лежала горстка помятых леденцов, рядом прессованное печенье, потом опять те же самые леденцы, и опять печенье. Шахматная доска.

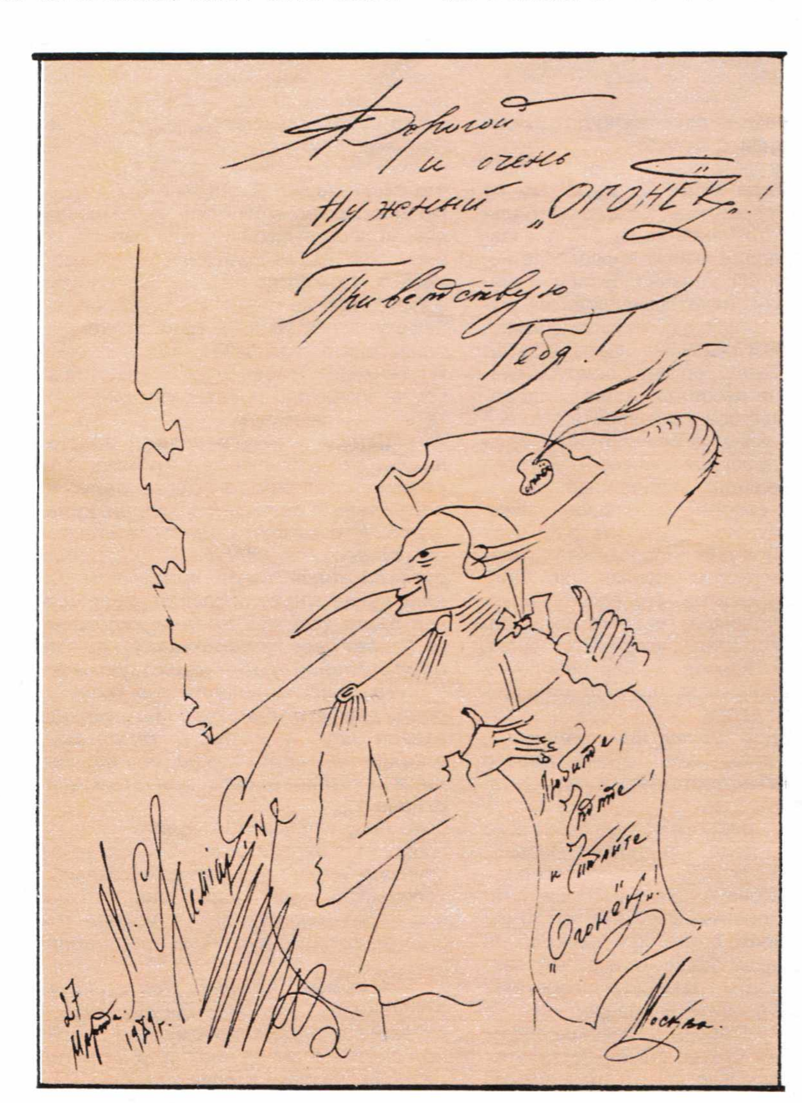
— Сейчас нам очень важно стабилизировать то, чего нам удалось добиться, прежде всего в плане гласности. Стабилизировать этот процесс. И, когда вы сказали о «Памяти», я подумал, что лозунги этой самой «Памяти» отражают прежде всего желание определенных кругов ничего не менять. Потому что некоторым людям выгодно отождествлять национальное и провинциальное. Им выгодно быть сегодня нетребовательными и послушными провинциалами, выдавая уровень собственной неграмотности за уровень развития национальной культуры. Это очень опасный момент. И поэтому вы для меня как раз остаетесь русским художником, советским художником хотя бы просто по школе. Но вы художник, вобравший в себя огромное количество впечатлений, школ, умений. То есть, если бы вы рисовали, как, не знаю, ну, Васнецов, например, вы бы не стали от этого более русским. По внутреннему ощущению есть у вас какая-то национальная идентификация? Чувствуете ли вы себя русским или кабардинцем, как-то национально себя идентифицируете?

— Нет, я себя чувствую именно русским в высоком смысле этого слова. Я очень люблю грузин, например, люблю кабардинские песни, люблю цыганщину. Я выпустил пластинки двух наших знаменитых цыган, это Алеша Димитриевич и Володя Поляков, брат нашего знаменитого абстракциониста, которого, к сожалению, почти не знают в СССР, он уже умер, а это художник с громадным талантом и именем. До того, как он стал заниматься живописью, играл в Яре. Они с братом — яровские цыгане. Серж Поляков написал массу прекрасных картин, сейчас они классика мировой живописи. Я пропагандирую русское искусство, потому что чувствую себя русским. Хотя, если примериться к представлениям «Памяти» о том, что такое русский, я не подхожу им по всем параметрам. Я воспитывался на творчестве Хаима Сутина, это мой любимый художник, для меня он — бог современной живописи. Сутин — выходец из какого-то провинциального местечка России, получивший в Париже колоссальное мировое имя. Люблю раннего Шагала.

— Вы знаете, очень интересная у нас была дискуссия. Шагал ведь говорил о себе: «Я — русский художник». В журнале «Наш современник» назвали его еврейским художником, патриоты-профессионалы в праве быть русским ему отказали, хоть сам себя он считает именно русским. Это очень характерно, потому что иногда людей обязывают, что ли, принадлежать к определенной национальности или, вне зависимости от их самоощущения, отказывают им в этом. Но тогда и Пушкину не позволят они считать себя русским поэтом. А он величайший русский поэт. Язык, формы и способы мировосприятия и самовыражения идентифицируют человека национально. Соответствие его внутреннего мира национальному духу.

— Шагала и французы всегда считали русским. Всегда художник, где бы он ни жил, даже если родился не в России, но впитал в себя русскую духовность и отражает ее, считает себя русским художником, всегда и до самого конца жизни он проносит марку русского художника. Я считаю, это очень высокая марка.

Интервью записал
Владимир ЧЕРНОВ.

АЗБУКА ГЛАСНОСТИ

ТЕМА «НАРОД И СТАЛИН» ЕДВА НАМЕЧЕНА В НАШЕЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ И НЕ СТАЛА ПОКА ПРЕДМЕТОМ СЕРЬЕЗНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ. ЗНАМЕНИТОЕ ПУШКИНСКОЕ «НАРОД БЕЗМОЛВСТВУЕТ» ОБЫЧНО ПОНИМАЕТСЯ КАК ОСУЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ. И КАК СКРЫТАЯ УГРОЗА ДЛЯ НОВОЙ ВЛАСТИ. ОДНАКО ИСТОЧНИК, ИЗ КОТОРОГО ПУШКИН ЗАИМСТВОВАЛ ЭТОТ МОГУЧИЙ ОБРАЗ — СКАЗАНИЕ XVII ВЕКА КЕЛАРЯ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ АВРААМИЯ ПАЛИЦЫНА — СОДЕРЖИТ ДРУГУЮ И, БЫТЬ МОЖЕТ, БОЛЕЕ БЛИЗКУЮ НАМ СЕГОДНЯ МЫСЛЬ: ПОКОРНОЕ ПРИНЯТИЕ НАРОДОМ ЗЛОДЕЯНИЙ БОРИСА ГОДУНОВА ОБРЕКЛО САМ НАРОД НА БЕДСТВИЯ НЕСЛЫХАННЫЕ. И УЖЕ В НАШЕ ВРЕМЯ ЧЕРЕЗ НОВЫЕ БЕДСТВИЯ, ЧЕРЕЗ НОВУЮ КРОВЬ МЫ ПОНИМАЕМ, ЧТО НАДЕЖДУ НА БУДУЩЕЕ НАМ СОХРАНИЛИ НЕ ТЕ, КТО МОЛЧАЛ ИЛИ КТО СЛАВОСЛОВИЛ СТАЛИНА, НО ТЕ, КТО РИСКНУЛ БОРОТЬСЯ ПРОТИВ ДИКТАТОРА И ЕГО ГОСУДАРСТВЕННОЙ МАШИНЫ В САМЫЕ ПЕРВЫЕ ГОДЫ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ: РАСКОЛЬНИКОВ И МАНДЕЛЬШТАМ, ПЛАТОНОВ И РЮТИН — ИХ БЫЛО НЕМАЛО, ЗАЧАСТУЮ БЕЗЫМЯННЫХ.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что против Сталина в конце 20-х — начале 30-х годов выступали не только отдельные представители партийной верхушки и интеллигенции, но и наиболее сознательная часть рабочих, сохранивших лучшие традиции пролетарской солидарности. С одним из героических эпизодов такой борьбы со сталинщиной связано обращение рабочих подольских и московских заводов, текст которого приводится ниже:

«Председателю Всесоюзного * *Центрального Исполнительного Комитета тов. М. И. Калинину;*

копия — председателю Совета Народных Комиссаров тов. А. И. Рыкову;

* Так в тексте.

копия — председателю Реввоенсовета тов. К. Е. Ворошилову.

Мы, рабочие подольских заводов, совместно с представителями рабочих московских заводов «Серп и молот», «АМО» и др. на состоявшемся 19-го сего сентября собрании, в присутствии 273 человек, заслушав отдельных товарищей по вопросу политического и экономического положения нашей страны, постановили:

Принимая во внимание, что за последние 2 года бесконтрольно-самодержавное управление Сталина привело государство к положению худшему, чем оно было в 1919 году, когда гений Владимира Ильича буквально из ничего и при наличии только что ликвидированных фронтов сумел восстановить до довоенных норм всю экономику страны. Принимая во внимание, что все достижения Ильича за 2 года преступной деятельности Сталина приведены к нулю, что Великая Социалистическая Страна и великое дело Социализма поставлены в настоящее время под угрозу срыва и окончательной гибели, что все самые отвратительные меры устрашения, применявшиеся царем-последышем, превзойдены непризнанным самозваным вождем пролетариата — Сталиным, который в борьбе за сохранение своей власти окончательно потерял способность здравого суждения нии к массам, мы ждем и надеемся на Вас.

Председатель собрания (подпись)
Секретари (три подписи)»

ТЕКСТ ОБРАЩЕНИЯ публикуется по копии, находящейся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (фонд 5325, опись 3, дело 806, листы 105—106). Сам оригинал был обнаружен в начале 60-х годов сотрудниками архива в ходе работы по выявлению документов периода коллективизации (найти его вторично, к сожалению, пока не удалось). Копии с него, а также с письма академика И. П. Павлова в СНК СССР о «необоснованных арестах виднейшего ученого Прянишникова, профессора Владимирова и др.» были направлены в ЦК КПСС 28 августа 1964 года. Г. А. Белов, бывший начальник Главного архивного управления, подписавший сопроводительное письмо, мог бы, возможно, пролить дополнительный свет на судьбу находки. Впрочем, о том, что потом случилось, можно догадаться: был канун октябрьского Пленума ЦК КПСС 1964 года...

Что нам известно? Историческое собрание подольских и московских рабочих происходило, несомненно, в 1930 лютина, отстранили от работы директора завода — участника штурма Зимнего — латыша Нипорта. Из рядов ВКП(б) в ходе «чисток» изгоняли всех несогласных со сталинской линией. То же происходило и на «Цемянке».

«Далеко еще не все правые,— писал «Подольский рабочий» в сентябре 1930 года,— разоблачены. 3 сентября на партсобрании штамповочного цеха выступил б[ывший] левый член ВКП(б) с 1918 года Абубакиров с электростанции. Испугавшись наделанных им же самим ошибок в колхозе, он — вместо большевистского признания и исправления их — сбежал с колхозного фронта на завод. И этот дезертир посмел выступить на собрании с этаким заявлением: 15 съезд партии неправильно взял линию на индустриализацию страны. Это ведет к затруднениям. Нужно развивать не тяжелую, а легкую индустрию. Ноябрьский пленум ЦК допустил ошибку, поставив задачей 100-процентную коллективизацию сельского хозяйства. ЦК поздно приступил к исправлению своих перегибов в коллективизации»...

Смелое выступление Абубакирова было не единственным. Из местной заводской печати видно, что партийные организации и администрация Механического и Цементного заводов вели настоящую борьбу против райкома партии, проводившего сталинскую линию.

СОПРОТИВЛЕНИЕ

тивопоставляется короткий период нэпа и коллективного руководства открытой диктатуре Сталина, начало которой рабочие отнесли к 1928 году. Наконец и Рютин, и участники рабочего собрания 1930 года призывали к активной борьбе! Рабочие угрожали «непосредственным обращением к массам», т. е. фактически восстанием против Сталина и его тщательно подбираемых приспешников. Рютин считал, что «Сталин и его клика... должны быть устранены силой».

Но два пункта **обращения** подольских рабочих не имеют аналогий даже в манифесте Рютина! Во-первых,— это требование социальной справедливости! Да, требование, столь громко зазвучавшее в наши дни! Рабочие тогда, в 1930 году, призывали к равному снабжению пролетариата и власть предержащих, вставших над народом. В частности, и работников ОГПУ. Они призывали к социальному равенству трудящихся столицы и провинции. В обращении также ясно формулируется мысль о демократизации партийной и государственной жизни: органы советской власти должны быть действительно выборными. Власть не аппаратчиков, подобранных Сталиным, а представителей трудящихся. Народа.

События, которые грянули за принятием обращения рабочих, нетрудно было предвидеть и тогда... 26 сентября местная газета поместила статью с призывом: «Раздавить гадину контрреволюции. Мечу пролетарской диктатуры — железным чекистам ОГПУ — горячий привет». Очень вероятно, что меч ОГПУ прошелся по головам подольских и московских рабочих, принявших **обращение**: попытки обнаружить в Подольске или Москве живых участников собрания 19 сентября 1930 года успеха не имели. Безрезультатными были и поиски в Центральном партийном архиве, Центральном государственном архиве Московской области, Центральном государственном архиве народного хозяйства, Центральном государственном архиве Октябрьской революции, Московском архиве при МГК КПСС. В последнем хранилище было сказано, что материалы подольской партийной организации за 1930 год отсутствуют...

Мы убеждены, что после публикации этого исторического документа рано или поздно вернутся к нам из небытия имена организаторов и участников подлинных пролетарских сходок в Подольске и Москве. Имена лидеров сопротивления будут записаны золотыми буквами в летопись открытой борьбы советских людей против сталинщины.

и приобрел от этой власти головокружение,— МЫ ТРЕБУЕМ:

Для сохранения власти пролетариата, представленного выбранными, а не САМОНАЗНАЧАВШИМИСЯ при помощи искусственно подобранных съездов (16 съезд) и сильнейшей на них демагогии, людьми, той власти, ради которой во главе с Ильичем пролита наша кровь — **немедленно отстранить Сталина от участия в делах управления страной. Мы требуем предания его государственному суду за неисчислимые преступления, совершенные им против пролетарских масс.**

Мы требуем немедленного изменения политики в духе настоящего, а не сталинского ленинизма, мы требуем прекращения снабжения одних групп пролетариата (ГПУ и др.) за счет других. Мы требуем уравнения в снабжении пролетариата столицы с пролетариями провинции.

Мы обращаемся к вам, бывшим когда-то правой рукой Ильича, чтобы вы этой самой рукой во имя Великого Вождя, не боясь сталинских репрессий, избавили молодую Пролетарскую Страну от деспота, узурпировавшего власть и ведущего дело Ленина, дело социализма к безусловной гибели. Мы хотим надеяться, что наше законное требование найдет в Ваших лицах тех людей, которых пролетариат тщетно ищет со дня великой потери — со дня смерти Ленина. Во избежание могущих произойти и нежелательных волнений, при нашем непосредственном обраще-

году, поскольку в обращении упоминается 16 съезд партии (июнь — июль 1930 г.), а Рыков, один из адресатов рабочих, оставался председателем Совнаркома до декабря 1930 года, когда его на этом посту сменил Молотов.

Далее. Обстановка в Подольске осенью 1930 года была крайне напряженной. Рабочие уже не раз жаловались на трудности со снабжением продовольствием. Вокруг города полным ходом шла коллективизация. К этому времени Московский комитет ВКП(б) несколько раз направлял в Подольск партийные комиссии с задачей «пресекать уклоны». В августе 1929 года оргруппа МК ВКП(б), проверив работу партийных организаций Механического и Цементного заводов, пришла к следующему заключению: «Мы здесь имеем налицо казенное благополучие, смазывание классовой борьбы, проявление правого уклона в практической работе, слабое партийное руководство чуть ли не на всех участках работы и ряд других серьезных промахов и ошибок». Крутых мер тогда не последовало: местная молва связывает это с вмешательством Калинина, будто бы приказавшего руководителям ОГПУ выпустить задержанных.

В 1929—1930 годах в Подольске шла беспощадная борьба с «классовым врагом», «кулацкой агентурой», «героями правого стана и левого загиба» в рядах рабочих и технической интеллигенции. В августе 1930 года на «Механке» сняли секретаря партийного комитета Ма-

17 сентября секретарь обкома партии К. В. Рындин открыл в клубе имени Лепсе партийную конференцию. По установившейся традиции в ней участвовали и рабочие крупных московских заводов. Конференция проходила по ставшему обычным сценарию: знамена, оркестры, плакаты... Вслед за секретарем райкома партии Коценым выступила батрачка Третьякова, от дивизии особого назначения — Кернер и т. д. В ночь с 18 на 19 сентября была принята официальная резолюция. Такая же, как тысячи принятых в других местах! Но настоящее мнение рабочих о положении в стране было ясно выражено ими самими на особом собрании, которое, как сейчас представляется, состоялось сразу же после официальной части той конференции.

Трудно пока сказать, был ли кто-либо из участников конференции знаком с «рютинской платформой». Именно за нее Мартемьяна Никитича Рютина исключили из партии через несколько дней после подольского собрания — 23 сентября 1930 года. Составленный позднее Рютиным манифест «Союза марксистов-ленинцев» предельно резко осуждает наметившуюся сталинскую политику, признает Сталина преступником, который ради укрепления личной власти развязал в стране террор, разрушил экономику и самоуверенно повел страну к пропасти. И в том **обращении** подольских рабочих, и в **манифесте Рютина** резко про-

Оксана БОГДАНОВА,
Александр СТАНИСЛАВСКИЙ,
доктор исторических наук, профессор
Евгений СТАРОСТИН,
кандидат исторических наук

Никогда не забуду чувства, с которым впервые читал захватанную, обтрепанную по краям, перепечатанную через один интервал (и на обороте тоже) рукопись той повести, которая позже увидала свет под названием «Один день Ивана Денисовича».

Помню, как выразился тогда по этому поводу С. Я. Маршак:

— Я всегда говорил, голубчик, надо терпеливо, старательно, умело раскладывать костер. Огонь упадет с неба.

Солженицын, что теперь ни говори, был тогда для нас именно вот этим самым огнем, упавшим с неба.

Конечно, этот огонь упал не в пустыню. Не будь тогда у нас «Нового мира» Твардовского, повесть Солженицына, быть может, еще не один год пролежала бы в столе у автора. Не случайно именно в «Новый мир» принес Солженицын своего «Ивана Денисовича». И не случайно именно «Новый мир» его напечатал. Твардовский хорошо умел раскладывать свой костер.

Добиться опубликования повести было непросто. Твардовский добился. Рисковал он при этом многим и прекрасно отдавал себе в этом отчет.

Прочитав повесть, заместитель Твардовского — А. Г. Дементьев, безоговорочно высказавшись за ее публикацию, счел нужным предупредить шефа:

— Надеюсь, ты понимаешь, что, печатая эту повесть, мы ставим под удар само существование нашего журнала. Сколько сил, сколько труда положили мы, чтобы сделать его таким, каков он сейчас. И вот из-за одной повести все потеряем.

— А если я не могу напечатать это,— ответил Твардовский,— на что мне журнал?

А. Г. Дементьев как в воду глядел. «Ивана Денисовича» Твардовскому не простили.

Пока еще тлела, догорая, хрущевская оттепель, Солженицына скрепя сердце терпели. Вынуждены были терпеть. Но начавшаяся вскоре эпоха застоя обрекла автора «Ивана Денисовича» на открытую конфронтацию с властью.

Травля Солженицына, начавшаяся вскоре после отставки Хрущева и завершившаяся насильственным выдворением писателя из страны, имела двоякие последствия.

С одной стороны, она привела к тому, что фигура Солженицына разрослась до гигантских размеров, заслонив собою весь горизонт. Его стали сравнивать с Толстым, с Достоевским, с протопопом Аввакумом, с библейскими пророками... Создав ему репутацию чуть ли не самого опасного и влиятельного врага могущественной ядерной державы, эта травля — и сила его противостояния этой травле — обеспечила Солженицыну неслыханную мировую славу.

С другой стороны, эта травля велась такими гнусными средствами, о Солженицыне писали в таком чудовищном тоне, на голову его обрушили столько лжи и клеветы, что это почти совершенно исключало для многих не только возможность какой бы то ни было критики Солженицына, но даже полемики с ним, ведь такая полемика неизбежно рассматривалась бы как соучастие в травле.

Это уродливое, искусственное, ненормальное положение сохраняется до сего дня.

До тех пор, пока книги Солженицына не опубликованы в нашей стране, его деятельность художника, идеолога, публициста, по существу, остается у нас вне серьезной критики. А это, естественно, создает почву для возникновения культа Солженицына, который ничуть не лучше всякого другого культа.

Публикуя рассказ «Матренин двор» — на мой взгляд, один из лучших у Солженицына,— мы делаем первый шаг к тому, чтобы покончить с этой ненормальной, уродливой ситуацией. Надеемся, что вслед за этим первым шагом последуют другие.

Рассказ этот, предвосхитивший многие будущие достижения деревенской прозы, впервые был напечатан в «Новом мире» (№ 1, 1963). По требованию редакции год действия — 1956-й — был заменен на 1953-й, чтобы отнести события рассказа к временам до хрущевской оттепели. Первоначальное (авторское) название было: «Не стоит село без праведника». Окончательное название рассказу дал А. Т. Твардовский.

«ОТ СЕКРЕТАРИАТА ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР» («Л. Г.», 26 ноября 1969 г.)

...Видимо, желая оправдать присвоенный ему на Западе титул «пророка», Солженицын выступает, ни много ни мало, как от имени «цельного и единого человечества»...

Солженицын отрицает само понятие классовой борьбы, издевается над ним, заявляя: «Да растопись завтра льды одной Антарктики — и все мы превратимся в тонущее человечество, и кому вы тогда будете тыкать в нос «классовую борьбу»?»

Письмо Солженицына, в котором он обвиняет Союз писателей в нетерпимости, администрировании, ненависти, само пышет ненавистью и злобой...

Ну что же, Солженицын высказался. Маска сброшена, автопортрет завершен. Своим «Открытым письмом» он доказал, что стоит на чуждых нашему народу и его литературе позициях, и тем самым подтвердил необходимость, справедливость и неизбежность его исключения из Союза советских писателей...

«СЛЕЗЫ НА ЭКСПОРТ». Открытое письмо Генеральному секретарю Европейского сообщества писателей. («Л. Г.», 18 февр. 1970 г.)

...Я не принимал непосредственного участия в решении по делу Солженицына, но, во-первых, я целиком это решение поддерживаю, а во-вторых, это решение было единодушно одобрено на писательских собраниях всех наших крупнейших организаций. Таким образом, в нашем союзе... была соблюдена в полной мере процедура гласности и демократии.

...Солженицын имеет хорошую квартиру, жив, здоров; кроме того, как было гласно заявлено секретариатом правления Союза писателей РСФСР через «Литературную газету», никто не будет чинить ему препятствий, если Солженицын вздумает укрепить своей деятельностью итальянскую или какую-либо другую литературу. Все дороги открыты, в добрый час!..

Н. ГРИБАЧЕВ

«В РЕДАКЦИЮ «ПРАВДЫ» («Правда», 24 января 1974 г.)

Уважаемый товарищ редактор!

Хочу выразить свое отношение к статье «Правды» от 14 января с. г., в которой дана справедливая, на мой взгляд, политическая оценка пути, пройденного за эти годы А. И. Солженицыным, чья деятельность, чем дальше.

тем больше выходила за рамки литературы и постепенно приобрела неприкрыто антикоммунистический и антисоветский характер.

Константин СИМОНОВ

«ДОКАТИЛСЯ ДО КРАЯ» («Комсомольская правда», 25 янв. 1974 г.)

...На Западе враги наши именуют его (Солженицына.— Ред.) писателем великим... Но ответьте мне, «великий», на два-три вопроса...

Вот вы оклеветали и оскорбили русский народ, заявив, что русский человек за пайку хлеба и мать родную и отца продаст. Но что же вы остановились только на русских? Вы же, надо полагать, знаете, за какое количество хлеба, крупы или примитивных субпродуктов продаст своих родителей украинец, казах, эстонец, грузин или человек иной национальности? Скажите уж, не стесняйтесь, чего вам, «великому», стоит. А то мы, грешные, живем, а цену себе не знаем...

Анатолий ИВАНОВ

«НЕНАВИСТЬ ПОЖИРАЕТ ИСТИНУ» («Нью-Йорк таймс», 27 января 1974 г., перепечатано в «Советской культуре» 1 февр. 1974 г.)

...Чувство злой неприязни, как будто он сводит счеты с целой нацией, обидевшей его, клокочет в Солженицыне, словно в вулкане. Он подозревает каждого русского в беспринципности, косности, приплюсовывая к ней стремление к легкой жизни, к власти, и как бы в восторге самоуничижения с неистовством рвет на себе рубаху, крича, что сам мог бы стать палачом...

Ю. БОНДАРЕВ

Сергей Михалков. «Г-н СОЛЖЕНИЦЫН НАМ НАДОЕЛ» («Шпигель», 4 февр. 1974 г., интервью перепечатано в «Советской культуре» 19 февр. 1974 г.)

«Шпигель»: Какие цели преследуют журналисты и литераторы вашей страны, остро критикуя Солженицына [1]? Великий Советский Союз может не бояться какого-то Солженицына.

С. Михалков: Поскольку западные средства информации широко пропагандируют клеветнические взгляды Солженицына, живущего в СССР, постольку советские писатели и журналисты считают своим долгом дать свою оценку и произведению, и поведению Солженицына...

Вы спрашиваете, боимся ли мы Солженицына. Мы его не боимся, но он нам надоел.

«Шпигель»: Вы думаете, Солженицын отвергает все, что дала Октябрьская революция. Как могло произойти, что убежденный коммунист превратился в антикоммуниста? Может быть, исключение его из Союза писателей и его изоляция были ошибкой?

С. Михалков: У меня нет сомнений в том, что советский строй и политика нашей Коммунистической партии чужды Солженицыну. Вот почему он отвергает или не замечает, или не хочет видеть то, что дал Великий Октябрь нашему народу. Убежденный коммунист не может стать антикоммунистом. Коммунистом Солженицын никогда не был... Об этом убедительно говорит его истинное лицо. Ошибкой было не исключение Солженицына из Союза писателей СССР, а его преждевременный прием в члены союза.

«Шпигель»: Солженицын убежден, что его «Архипелаг Гулаг» будет когда-нибудь издан и в Советском Союзе. Вы верите в это?

С. Михалков: А зачем?

* * *

На вопрос «Советской культуры» об отношении к Указу Президиума Верховного Совета СССР о лишении А. Солженицына советского гражданства [2] Сергей Владимирович Михалков ответил:

«...Мы были свидетелями его морального и гражданского падения, и нет сомнения в том, что рано или поздно мы явимся очевидцами его неминуемого, бесславного забвения...»

«ПРЕДАТЕЛЬСТВО НЕ ПРОЩАЕТСЯ» («Правда», 15 февр. 1974 г.)

...С чувством облегчения прочитал я о том, что Верховный Совет СССР лишил гражданства Солженицына, что наше общество избавилось от него...

Люди моего поколения, прошедшие со страной весь сложный, трудный — с громадными жертвами,— но славный и героический путь от Октябрьской революции до наших дней, могут сказать только одно: никому не позволим подрывать основы советской государственности. Поэтому гражданская смерть Солженицына закономерна и справедлива.

Валентин КАТАЕВ

«КОНЕЦ ЛИТЕРАТУРНОГО ВЛАСОВЦА» («Л. Г.», 20 февр. 1974 г.)

...В самой основе «творчества» Солженицына заложено зерно национального предательства; его герои олицетворяют самые теневые стороны человеческого характера — раболепие, угодничество, всеядность, способность за пайку хлеба отказаться от человеческого достоинства...

Разумеется, нет нужды защищать русский народ от человека, душа которого полна патологической злобы в отношении всего этого народа. ...Сколько их было, духовных карликов, прошелестевших у подножия этой твердыни и исчезнувших бесследно!..

Петр ПРОСКУРИН

...Надобно уж очень круто насолить своему народу, очень сильно нагадить, напакостить ему, чтобы он в конце концов указал тебе на дверь, отвернулся от тебя и грозно, с крайним отвращением, вымолвил: — П-шел вон!..

Надо полагать, Иуда Искариотский перевернулся в гробу от дикой зависти: ведь он явно продешевил, продав Иисуса всего лишь за тридцать сребреников. Александр Исаевич так дешево не продает, да и продает-то он не какого-то там библейского Христа, а вполне реальное Отечество... Жирный же кусок, заработанный Солженицыным ценою низкого предательства и пособничества империализму, рано или поздно, но встанет у него поперек горла. И поделом!

Михаил АЛЕКСЕЕВ

[1] Имеются в виду многочисленные подборки писем писателей (с красноречивыми заголовками «Гневно осуждаем», «Отпор литературному власовцу», «Презрение и гнев», «Осуждение предательства», «Удел изменника» и т. п.), появившиеся на страницах «Литературной газеты» (5 сент. 1973 г., 23 янв. и 30 янв. 1974 г.), «Правды» (31 авг. 1973 г., 24 янв. и 25 янв. 1974 г.) и многих других газет и журналов.

[2] «Сообщение ТАСС» («Правда», 14 февр. 1974 г.): Указом Президиума Верховного Совета СССР за систематическое совершение действий, не совместимых с принадлежностью к гражданству СССР и наносящих ущерб Союзу Советских Социалистических Республик, лишен гражданства СССР и 13 февраля 1974 года выдворен за пределы Советского Союза Солженицын А. И.

Семья Солженицына сможет выехать к нему, как только сочтет необходимым.

МАТРЕНИН ДВОР

Александр СОЛЖЕНИЦЫН

На сто восемьдесят четвертом километре от Москвы по ветке, что идет к Мурому и Казани, еще с добрых полгода после того все поезда замедляли свой ход почти как бы до ощупи. Пассажиры льнули к стеклам, выходили в тамбур: чинят пути, что ли? из графика вышел?

Нет. Пройдя переезд, поезд опять набирал скорость, пассажиры усаживались.

Только машинисты знали и помнили, отчего это все.

Да я.

1

Летом 1953 года из пыльной горячей пустыни я возвращался наугад — просто в Россию. Ни в одной точке ее никто меня не ждал и не звал, потому что я задержался с возвратом годиков на десять. Мне просто хотелось в среднюю полосу — без жары, с лиственным рокотом леса. Мне хотелось затесаться и затеряться в самой нутряной России — если такая где-то была, жила.

За год до того по сю сторону Уральского хребта я мог наняться разве таскать носилки. Даже электриком на порядочное строительство меня бы не взяли. А меня тянуло — учительствовать. Говорили мне знающие люди, что нечего и на билет тратиться, впустую проезжу.

Но что-то начинало уже страгиваться. Когда я поднялся по лестнице Владимирского облоно и спросил, где отдел кадров, то с удивлением увидел, что *кадры* уже не сидели здесь за черной кожаной дверью, а за остекленной перегородкой, как в аптеке. Все же я подошел к окошечку робко, поклонился и попросил:

— Скажите, не нужны ли вам математики где-нибудь подальше от железной дороги? Я хочу поселиться там навсегда.

Каждую букву в моих документах перещупали, походили из комнаты в комнату и куда-то звонили. Тоже и для них редкость была — все ведь просятся в город, да покрупней. И вдруг-таки дали мне местечко — Высокое Поле. От одного названия веселела душа.

Название не лгало. На взгорке между ложков, а потом других взгорков, цельно-обомкнутое лесом, с прудом и плотинкой, Высокое Поле было тем самым местом, где не обидно бы и жить и умереть. Там я долго сидел в рощице на пне и думал, что от души бы хотел не нуждаться каждый день завтракать и обедать, только бы остаться здесь и ночами слушать, как ветви шуршат по крыше — когда ниоткуда не слышно радио и все в мире молчит.

Увы, там не пекли хлеба. Там не торговали ничем съестным. Вся деревня волокла снедь мешками из областного города.

Я вернулся в отдел кадров и взмолился перед окошечком. Сперва и разговаривать со мной не хотели. Потом все ж походили из комнаты в комнату, позвонили, поскрипели и отпечатали мне в приказе «Торфопродукт».

Торфопродукт? Ах, Тургенев не знал, что можно по-русски составить такое!

На станции Торфопродукт, состарившемся временном серо-деревянном бараке, висела строгая надпись: «На поезд садиться только со стороны вокзала!» Гвоздем по доскам было доцарапано: «И без билетов». А у кассы с тем же меланхолическим остроумием было навсегда вырезано ножом: «Билетов нет». Точный смысл этих добавлений я оценил позже. В Торфопродукт легко было приехать. Но не уехать.

А и на этом месте стояли прежде и перестояли революцию дремучие, непрохожие леса. Потом их вырубили — торфоразработчики и соседний колхоз. Председатель его, Горшков, свел под корень изрядно гектаров леса и выгодно сбыл в Одесскую область, на том свой колхоз возвысив, а себе получив Героя Социалистического Труда.

Меж торфяными низинами беспорядочно разбросался поселок — однообразные, худо штукатуренные бараки тридцатых годов и, с резьбой по фасаду, с остекленными верандами, домики пятидесятых. Но внутри этих домиков нельзя было увидеть перегородки, доходящей до потолка, так что не снять мне было комнаты с четырьмя настоящими стенами.

Над поселком дымила фабричная труба. Туда и сюда сквозь поселок проложена была узкоколейка, и паровозики, тоже густо дымящие, пронзительно свистя, таскали по ней поезда с бурым торфом, торфяными плитами и брикетами. Без ошибки я мог предположить, что вечером над дверьми клуба будет надрываться радиола, а по улице пображивать пьяные да подпыривать друг друга ножами.

Вот куда завела меня мечта о тихом уголке России. А ведь там, откуда я приехал, мог я жить в глинобитной хатке, глядящей в пустыню. Там дул такой свежий ветер ночами и только звездный свод распахивался над головой.

Мне не спалось на станционной скамье, и я чуть свет опять побрел по поселку. Теперь я увидел крохотный базарец. По рани единственная женщина стояла там, торгуя молоком. Я взял бутылку, стал пить тут же.

Меня поразила ее речь. Она не говорила, а напевала умильно, и слова ее были те самые, за которыми потянула меня тоска из Азии:

— Пей, пей с душою жела́дной. Ты, пота́й, приезжий?

— А вы откуда? — просветлел я.

И узнал, что не все вокруг торфоразработки, что есть за полотном железной дороги — бугор, а за бугром — деревня, и деревня эта — Та́льново, испокон она здесь, еще когда была барыня-«цыганка» и кругом лес лихой стоял. А дальше целый край идет деревень: Часлицы, Овинцы, Спудни, Шевертни, Шестимирово — все поглуше, от железной дороги подале, к озерам.

Ветром успокоения потянуло на меня от этих названий. Они обещали мне кондовую Россию.

И я попросил мою новую знакомую отвести меня после базара в Тальново и подыскать избу, где бы стать мне квартирантом.

Я оказался квартирантом выгодным: сверх платы сулила школа за меня еще машину торфа на зиму. По лицу женщины прошли заботы уже не умильные. У самой у нее места не было (они с мужем *воспитывали* ее престарелую мать), оттого она повела меня к одним своим родным и еще к другим. Но и здесь не нашлось комнаты отдельной, везде было тесно и лопотно.

Так мы дошли до высыхающей подпруженной речушки с мостиком. Милей этого места мне не приглянулось во всей деревне; две-три ивы, избушка перекособоченная, а по пруду плавали утки, и выходили на берег гуси, отряхиваясь.

— Ну, разве что к Матрене зайдем,— сказала моя проводница, уже уставая от меня.— Только у нее не так уборно, в за́пущи она живет, болеет.

Дом Матрены стоял тут же, неподалеку, с четырьмя оконцами в ряд на холодную некрасную сторону, крытый щепою, на два ската и с украшенным под теремок чердачным окошком. Дом не низкий — восемнадцать венцов. Однако изгнивала щепа, посерели от старости бревна сруба и ворота, когда-то могучие, и проредилась их обвершка.

Калитка была на запоре, но проводница моя не стала стучать, а просунула руку под низом и отвернула завертку — нехитрую затею против скота и чужого человека. Дворик не был крыт, но в доме многое было под одной связью. За входной дверью внутренние ступеньки поднимались на просторные *мосты*, высоко осененные крышей. Налево еще ступеньки вели вверх, в *горницу* — отдельный сруб без печи, и ступеньки вниз, в подклеть. А направо шла сама изба, с чердаком и подпольем.

Строено было давно и добротно, на большую семью, а жила теперь одинокая женщина лет шестидесяти.

Когда я вошел в избу, она лежала на русской печи, тут же, у входа, накрытая неопределенным темным тряпьем, таким бесценным в жизни рабочего человека.

Просторная изба и особенно лучшая, приоконная, ее часть была уставлена по табуреткам и лавкам — горшками и кадками с фикусами. Они заполнили одиночество хозяйки безмолвной, но живой толпой. Они разрослись привольно, забирая небогатый свет северной стороны. В остатке света и к тому же за трубой кругловатое лицо хозяйки показалось мне желтым, больным. И по глазам ее замутненным можно было видеть, что болезнь измотала ее.

Разговаривая со мной, она так и лежала на печи ничком, без подушки, головой к двери, а я стоял внизу. Она не проявила радости заполучить квартиранта, жаловалась на черный недуг, из приступа которого выходила сейчас: недуг налетал на нее не каждый месяц, но, налетев,

— ...держит два́-дни и три́-дни, так что ни встать, ни подать я вам не приспею. А избу бы не жалко, живите.

И она перечисляла мне других хозяек, у кого будет мне покойней и угожей, и слала обойти их. Но я уже видел, что жребий мой был — поселиться в этой темноватой избе с тусклым зеркалом, в которое совсем нельзя было смотреться, с двумя яркими рублевыми плакатами о книжной торговле и об урожае, повешенными на стене для красоты. Здесь было мне тем хорошо, что по бедности Матрена не держала радио, а по одиночеству не с кем было ей разговаривать.

И хотя Матрена Васильевна вынудила меня походить еще по деревне, и хотя в мой второй приход долго отнекивалась:

— Не умемши, не варёмши — как утрафишь? — но уже встретила меня на ногах, и даже будто удовольствие пробудилось в ее глазах оттого, что я вернулся.

Поладили о цене и о торфе, что школа привезет.

Я только потом узнал, что год за годом, многие годы, ниоткуда не зарабатывала Матрена Васильевна ни рубля. Потому что пенсии ей не платили. Родные ей помогали мало. А в колхозе она работала не за деньги — за палочки. За палочки трудодней в замусленной книжке учетчика.

Так и поселился я у Матрены Васильевны. Комнаты мы не делили. Ее кровать была в дверном углу у печки, а я свою раскладушку развернул у окна и, оттесня от света любимые Матренины фикусы, еще у одного окна поставил стол. Электричество же в деревне было — его еще в двадцатые годы подтянули от Шатуры. В газетах писали тогда «лампочки Ильича», а мужики, глаза тараща, говорили: «Царь Огонь!»

Может, кому из деревни, кто побогаче, изба Матрены и не казалась доброжилой, нам же с ней в ту осень и зиму вполне была хороша: от дождей она еще не протекала, и ветрами студеными выдувало из нее печное грево не сразу, лишь под утро, особенно тогда, когда дул ветер с прохудившейся стороны.

Кроме Матрены и меня, жили в избе еще: кошка, мыши и тараканы.

Кошка была немолода, а главное — колченога. Она из жалости была Матреной подобрана и прижилась. Хотя она и ходила на четырех ногах, но сильно прихрамывала: одну ногу она берегла, больная была нога. Когда кошка прыгала с печи на пол, звук касания ее о пол не был кошаче-мягок, как у всех, а — сильный одновременный удар трех ног: туп! — такой сильный удар, что я не сразу привык, вздрагивал. Это она три ноги подставляла разом, чтоб уберечь четвертую.

Но не потому были мыши в избе, что колченогая кошка с ними не справлялась: она, как молния, за ними прыгала в угол и выносила в зубах. А недоступны были мыши для кошки из-за того, что кто-то, когда-то, еще по хорошей жизни, оклеил Матренину избу рифлеными зеленоватыми обоями, да не просто в слой, а в пять слоев. Друг с другом обои склеились хорошо, от стены же во многих местах отстали — и получилась как бы внутренняя шкура на избе. Между бревнами избы и обойной шкурой мыши и проделали себе ходы и нагло шуршали, бегая по ним даже и под потолком. Кошка сердито смотрела вслед их шуршанью, а достать не могла.

Иногда ела кошка и тараканов, но от них ей становилось нехорошо. Единственное, что тараканы уважали,— это черту перегородки, отделявшей устье русской печи и кухоньку от чистой избы. В чистую избу они не переползали. Зато в кухоньке по ночам кишели, и если поздно вечером, зайдя испить воды, я зажигал там лампочку — пол весь, и скамья большая, и даже стена были чуть не сплошь бурыми и шевелились. Приносил я из химического кабинета буры, и, смешивая с тестом, мы их травили. Тараканов менело, но Матрена боялась отравить вместе с ними и кошку. Мы прекращали подсыпку яда, и тараканы плодились вновь.

По ночам, когда Матрена уже спала, а я занимался за столом,— редкое быстрое шуршанье мышей под обоями покрывалось слитным, единым, непрерывным, как далекий шум океана, шорохом тараканов за перегородкой. Но я свыкся с ним, ибо в нем не было ничего злого, в нем не было лжи. Шуршанье — их — была их жизнь.

И с грубой плакатной красавицей я свыкся, которая со стены постоянно протягивала мне Белинского, Панферова и еще стопу каких-то книг, но — молчала. Я со всем свыкся, что было в избе Матрены.

Матрена вставала в четыре-пять утра. Ходикам Матрениным было двадцать семь лет как куплены в сельпо. Всегда они шли вперед, и Матрена не беспокоилась — лишь бы не отставали, чтоб утром не запоздниться. Она включала лампочку за кухонной перегородкой и тихо, вежливо, стараясь не шуметь, топила русскую печь, ходила доить козу (все животы ее были — одна эта грязно-белая криворогая коза), по воду ходила и варила в трех чугунках: один чугунок — мне, один — себе, один — козе. Козе она выбирала из подполья самую мелкую картошку, себе — мелкую, а мне — с куриное яйцо. Крупной же картошки огород ее песчаный, с довоенных лет не удобренный и всегда засаживаемый картошкой, картошкой и картошкой,— крупной не давал.

Мне почти не слышались ее утренние хлопоты. Я спал долго, просыпался на позднем зимнем свету и потягивался, высовывая голову из-под одеяла и тулупа. Они да еще лагерная телогрейка на ногах, а снизу мешок, набитый соломой, хранили мне тепло даже в те ночи, когда стужа толкалась с севера в наши хилые оконца. Услышав за перегородкой сдержанный шумок, я всякий раз размеренно говорил:

— Доброе утро, Матрена Васильевна!

И всегда одни и те же доброжелательные слова раздавались мне из-за перегородки. Они начинались каким-то низким теплым мурчанием, как у бабушек в сказках:

— М-м-мм... также и вам!

И немного погодя:

— А завтрак вам приспе-ел.

Что на завтрак, она не объявляла, да это и догадаться было легко: *картовь* необлупленная, или суп *картонный* (так выговаривали все в деревне), или каша ячневая (другой крупы в тот год нельзя было купить в Торфопродукте, да и ячневую-то с бою — как самой дешевой ею откармливали свиней и мешками брали). Не всегда это было посолено, как надо, часто пригорало, а после еды оставляло налет на небе, деснах и вызывало изжогу.

Но не Матрены в том была вина: не было в Торфопродукте и масла, маргарин нарасхват, а свободно только жир комбинированный. Да и русская печь, как я пригляделся, неудобна для стряпни: варка идет скрыто от стряпухи, жар к чугунку подступает с разных сторон неравномерно. Но потому, должно быть, пришла она к нашим предкам из самого каменного века, что, протопленная раз на досветы, весь день хранит в себе теплыми корм и пойло для скота, пищу и воду для человека. И спать тепло.

Я покорно съедал все наваренное мне, терпеливо откладывал в сторону, если попадалось что неурядное: волос ли, торфа кусочек, тараканья ножка. У меня не хватало духу упрекнуть Матрену. В конце концов она сама же меня предупреждала: «Не умемши, не варёмши — как утрафишь?»

— Спасибо,— вполне искренне говорил я.

— На чем? На своем на добром? — обезоруживала она меня лучезарной улыбкой. И, простодушно глядя блекло-голубыми глазами, спрашивала: — Ну, а к ужо́ткому что вам приготовить?

К *ужоткому* значило — к вечеру. Ел я дважды в сутки, как на фронте. Что мог я заказать к ужоткому? Все из того же, картовь или суп картонный.

Я мирился с этим, потому что жизнь научила меня не в еде находить смысл повседневного существования. Мне дороже была эта улыбка ее кругловатого лица, которую, заработав наконец на фотоаппарат, я тщетно пытался уловить. Увидев на себе холодный глаз объектива, Матрена принимала выражение или натянутое, или повышенно-суровое.

Раз только запечатлел я, как она улыбалась чему-то, глядя в окошко на улицу.

В ту осень много было у Матрены обид. Вышел перед тем новый пенсионный закон, и надоумили ее

соседки добиваться пенсии. Была она одинокая кругом, а с тех пор, как стала сильно болеть, и из колхоза ее отпустили. Наворочено было много несправедливостей с Матреной: она была больна, но не считалась инвалидом; она четверть века проработала в колхозе, но потому что не на заводе — не полагалось ей пенсии *за себя*, а добиваться можно было только *за мужа*, то есть за утерю кормильца. Но мужа не было уже пятнадцать лет, с начала войны, и нелегко было теперь добыть те справки с разных мест о его *ста́ше* и сколько он там получал. Хлопоты были — добыть эти справки; и чтоб написали все же, что получал он в месяц хоть рублей триста; и справку заверить, что живет она одна и никто ей не помогает; и с года она какого; и потом все это носить в собес; и перенашивать, исправляя, что сделано не так; и еще носить. И узнавать — дадут ли пенсию.

Хлопоты эти были тем затруднены, что собес от Тальнова был в двадцати километрах к востоку, сельский Совет — в десяти километрах к западу, а поселковый — к северу, час ходьбы. Из канцелярии в канцелярию и гоняли ее два месяца — то за точкой, то за запятой. Каждая проходка — день. Сходит в сельсовет, а секретаря сегодня нет, просто так вот нет, как это бывает в селах. Завтра, значит, опять иди. Теперь секретарь есть, да печати у него нет. Третий день опять иди. А четвертый день иди потому, что сослепу они не на той бумажке расписались, бумажки-то все у Матрены одной пачкой сколоты.

— Притесняют меня, Игнатич,— жаловалась она мне после таких бесплодных проходок.— Иззаботилась я.

Но лоб ее недолго оставался омраченным. Я заметил: у нее было верное средство вернуть себе доброе расположение духа — работа. Тотчас же она или хваталась за лопату и копала картовь. Или с мешком под мышкой шла за торфом. А то с плетеным кузовом — по́ ягоды в дальний лес. И не столам конторским кланяясь, а лесным кустам, да наломавши спину ношей, в избу возвращалась Матрена уже просветленная, всем довольная, со своей доброй улыбкой.

— Теперича я зуб наложила, Игнатич, знаю, где брать,— говорила она о торфе.— Ну и местечко, люботá одна!

— Да Матрена Васильевна, разве моего торфа не хватит? Машина целая.

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

— Фу-у! твоего торфу! Еще столько, да еще столько — тогда, бывает, хватит. Тут как зима закрутит, да *дуе́ль* в окна, так не только топишь, сколько выдувает. Летось мы торфу натаскивали сколища! Я ли бы и теперь три машины не натаскала? Так вот ловят. Уж одну бабу нашу по судам тягают.

Да, это было так. Уже закруживалось пугающее дыхание зимы — и щемило сердца. Стояли вокруг леса, а топки взять было негде. Рычали кругом экскаваторы на болотах, но не продавалось торфу жителям, а только везли — начальству, да кто при начальстве, да по машине — учителям, врачам, рабочим завода. Топлива не было положено, и спрашивать о нем не полагалось. Председатель колхоза ходил по деревне, смотрел в глаза требовательно или мутно, или простодушно и о чем угодно говорил, кроме топлива. Потому что сам он запасся. А зимы не ожидалось.

Что ж, воровали раньше лес у барина, теперь тянули торф у треста. Бабы собирались по пять, по десять, чтобы смелей. Ходили днем. За лето накопано было торфу повсюду и сложено штабелями для просушки. Этим и хорош торф, что, добыв, его не могут увезти сразу. Он сохнет до осени, а то и до снега, если дорога не станет или трест затомошился. Это-то время бабы его и брали. Зараз уносили в мешке торфин шесть, если были сыроваты, торфин десять, если сухие. Одного мешка такого, принесенного иногда километра за три (и весил он пуда два), хватало на одну протопку. А дней в зиме двести. А топить надо: утром русскую, вечером «голландку».

— Да чего говорить оба́пол! — сердилась Матрена на кого-то невидимого.— Как лошадей не стало, так чего на себе не припрешь, того и в дому́ нет. Спина у меня никогда не заживает. Зимой салазки на себе, летом вязанки на себе, ей-богу правда!

Ходили бабы в день — не по разу. В хорошие дни Матрена приносила по шесть мешков. Мой торф она сложила открыто, свой прятала под мостами и каждый вечер забивала лаз доской.

— Разве уж догадаются, враги,— улыбалась она, вытирая пот со лба,— а то ни в жисть не найдут.

Что было делать тресту? Ему не отпускалось штатов, чтобы расставлять караульщиков по всем болотам. Приходилось, наверно, показав обильную добычу в сводках, затем списывать — на крошку, на дожди. Иногда, порывами, собирали патруль и ловили баб у входа в деревню. Бабы бросали мешки и разбегались. Иногда, по доносу, ходили по домам с обыском, составляли протокол на незаконный торф и грозились передать в суд. Бабы на время бросали носить, но зима надвигалась и снова гнала их — с санками по ночам.

Вообще, приглядываясь к Матрене, я замечал, что, помимо стряпни и хозяйства, на каждый день у нее приходилось и какое-нибудь другое немалое дело; закономерный порядок этих дел она держала в голове и, проснувшись поутру, всегда знала, чем сегодня день ее будет занят. Кроме торфа, кроме сбора старых пеньков, вывороченных трактором на болоте, кроме брусники, намачиваемой на зиму в четвертях («Поточи зубки, Игнатич»,— угощала меня), кроме копки картошки, кроме беготни по пенсионному делу, она должна была еще где-то раздобывать сенца для единственной своей грязно-белой козы.

— А почему вы коровы не держите, Матрена Васильевна?

— Э-эх, Игнатич,— разъясняла Матрена, стоя в нечистом фартуке в кухонном дверном вырезе и оборотясь к моему столу.— Мне молока и от козы хватит. А корову заведи, так она меня самою с ногами съест. У полотна не скоси — там свои хозяева, и в лесу косить нету — лесничество хозяин, и в колхозе мне не велят — не колхозница, мол, теперь. Да они и колхозницы до самых белых мух все в колхоз, все в колхоз, а себе уж из-под снегу — что за трава?.. По-бывалошному кипели с сеном в межень, с Петрова до Ильина. Считалось трава — медовая...

Так, одной у́тельной козе собрать было сена для Матрены — труд великий. Брала она с утра мешок и серп и уходила в места, которые помнила, где трава росла по обмежкам, по задороге, по островкам среди болота. Набив мешок свежей тяжелой травой, она тащила ее домой и во дворике у себя раскладывала пластом. С мешка травы получалось подсохшего сена — навильник.

Председатель новый, недавний, присланный из города, первым делом обрезал всем инвалидам огороды. Пятнадцать соток песочка оставил Матрене, а десять соток так и пустовало за забором. Впрочем, и за пятнадцать соток потягивал колхоз Матрену. Когда рук не хватало, когда отнекивались бабы уж очень упорно, жена председателя приходила к Матрене. Она была тоже женщина городская, решительная, коротким серым полупальто и грозным взглядом как бы военная.

Она входила в избу и, не здороваясь, строго смотрела на Матрену. Матрена мешалась.

— Та-ак,— раздельно говорила жена председателя.— Товарищ Григорьева! Надо будет помочь колхозу! Надо будет завтра ехать навоз вывозить!

Лицо Матрены складывалось в извиняющую полуулыбку — как будто ей было совестно за жену председателя, что та не могла ей заплатить за работу.

— Ну что ж,— тянула она.— Я больна, конечно. И к делу вашему теперь не присоединена.— И тут же спешно исправлялась: — Ко́му часу приходить-то?

— И вилы свои бери! — наставляла председательша и уходила, шурша твердой юбкой.

— Во как! — пеняла Матрена вслед.— И вилы свои бери! Ни лопат, ни вил в колхозе нету. А я без мужика живу, кто мне насадит?..

И размышляла потом весь вечер:

— Да что говорить, Игнатич! Ни к столбу, ни к перилу эта работа. Станешь, об лопату опершись, и ждешь, скоро ли с фабрики гудок на двенадцать. Да еще заведутся бабы, счеты сводят, кто вышел, кто не вышел. Когда, бывалоча, *по себе* работали, так никакого *звуку* не было, только ой-ой-ойиньки, вот обед подкатил, вот вечер подступил.

Все же поутру она уходила со своими вилами.

Но не колхоз только, а любая родственница дальняя или просто соседка приходила тоже к Матрене с вечера и говорила:

— Завтра, Матрена, придешь мне пособить. Картошку будем докапывать.

И Матрена не могла отказать. Она покидала свой черед дел, шла помогать соседке и, воротясь, еще говорила без тени зависти:

— Ах, Игнатич, и крупная ж картошка у нее! В охотку копала, уходить с участка не хотелось, ей-богу правда!

Тем более не обходилась без Матрены ни одна пахота огорода. Тальновские бабы установили доточно, что одной вскопать свой огород лопатою тяжеле и дольше, чем, взяв соху и вшестером впрягшись, вспахать на себе шесть огородов. На то и звали Матрену в помощь.

— Что ж, платили вы ей? — приходилось мне потом спрашивать.

— Не берет она денег. Уж поневоле ей вопрятаешь.

Еще суета большая выпадала Матрене, когда подходила ее очередь кормить козьих пастухов: одного — здоровенного, *немоглу́хого*, и второго — мальчишку с постоянной слюнявой цигаркой в зубах. Очередь эта была в полтора месяца раз, но вгоняла Матрену в большой расход. Она шла в сельпо, покупала рыбные консервы, расстарывалась и сахару и масла, чего не ела сама. Оказывается, хозяйки выкладывались друг перед другом, стараясь накормить пастухов получше.

— Бойся портного да пастуха,— объясняла она мне.— По всей деревне тебя ославят, если что им не так.

И в эту жизнь, густую заботами, еще врывалась временами тяжелая немочь. Матрена валилась и сутки-двое лежала пластом. Она не жаловалась, не стонала, но и не шевелилась почти. В такие дни Маша, близкая подруга Матрены с самых молодых годков, приходила обихаживать козу да топить печь. Сама Матрена не пила, не ела и не просила ничего. Вызвать на дом врача из поселкового медпункта было в Тальнове вдиво, как-то неприлично перед соседями — мол, барыня. Вызывали однаждыı, та приехала злая очень, велела Матрене, как отлежится, приходить на медпункт самой. Матрена ходила против воли, брали анализы, посылали в районную больницу — да так и заглохло.

Дела звали к жизни. Скоро Матрена начинала вставать, сперва двигалась медленно, а потом опять живо.

— Это ты меня прежде не видал, Игнатич,— оправдывалась она.— Все мешки мои были, по пять пудов ти́желью не считала. Свекор кричал: «Матрена! Спину сломаешь!» Ко мне ди́верь не подходил, чтоб мой конец бревна на передок подсадить. Конь был военный у нас Волчок, здоровый...

— А почему военный?

— А нашего на войну забрали, этого подраненного — взамен. А он стихово́й какой-то попался. Раз с испугу сани понес в озеро, мужики отскакивали, а я, правда, за узду схватила, остановила. Овсяной был конь. У нас мужики любили лошадей кормить. Которые кони овсяные, те и ти́жели не признают.

Но отнюдь не была Матрена бесстрашной. Боялась она пожара, боялась *молоньи́*, а больше всего почему-то — поезда.

— Как мне в Черусти ехать, с Нечаевки поезд вылезет, глаза здоровенные свои вылупит, рельсы гудят — аж в жар меня бросает, коленки трясутся. Ей-богу правда! — сама удивлялась и пожимала плечами Матрена.

— Так, может, потому, что билетов не дают, Матрена Васильевна?

— В окошечко? Только мягкие суют. А уж поезд — трогацать! Мечемся туда-сюда: да взойдите ж в сознание! Мужики — те по лесенке на крышу полезли. А мы нашли дверь незапертую, вперлись прям так, без билетов — а вагоны-то все *простые* идут, все простые, хоть на полке растягивайся. Отчего билетов не давали, паразиты несочувственные,— не знато...

Всё же к той зиме жизнь Матрены наладилась как никогда. Стали-таки платить ей рублей восемьдесят пенсии. Еще сто с лишком получала она от школы и от меня.

— Фу-у! Теперь Матрене и умирать не надо! — уже начинали завидовать некоторые из соседок.— Больше денег ей, старой, и девать некуда.

— А что — пенсия? — возражали другие.— Государство — оно минутное. Сегодня, вишь, дало, а завтра отымет.

Заказала себе Матрена скатать новые валенки. Купила новую телогрейку. И справила пальто из ношеной железнодорожной шинели, которую подарил ей машинист из Черустей, муж ее бывшей воспитанницы Киры. Деревенский портной-горбун подложил под сукно ваты, и такое славное пальто получилось, какого за шесть десятков лет Матрена не нашивала.

И в середине зимы зашила Матрена в подкладку этого пальто двести рублей — себе на похороны. Повеселела:

— Маненько и я спокой увидала, Игнатич.

Прошел декабрь, прошел январь — за два месяца не посетила ее болезнь. Чаще Матрена по вечерам стала ходить к Маше посидеть, семечки пощелкать. К себе она гостей по вечерам не звала, уважая мои занятия. Только на крещенье, воротясь из школы, я застал в избе пляску и познакомлен был с тремя Матрениными родными сестрами, звавшими Матрену как старшую — лелька или нянька. До этого дня мало было в нашей избе слышно о сестрах — то ли опасались они, что Матрена будет просить у них помощи?

Одно только событие или предзнаменование омрачило Матрене этот праздник: ходила она за пять верст в церковь на водосвятие, поставила свой котелок меж других, а когда водосвятие кончилось и бросились бабы, толкаясь, разбирать — Матрена не поспела средь первых, а в конце — не оказалось ее котелка. И взамен котелка никакой другой посуды тоже оставлено не было. Исчез котелок, как дух нечистый его унес.

— Бабоньки! — ходила Матрена среди молящихся.— Не прихватил ли кто неуладкой чужую воду освяченную? в котелке?

Не признался никто. Бывает, мальчишки созоровали, были там и мальчишки. Вернулась Матрена печальная. Всегда у нее бывала святая вода, а на этот год не стало.

Не сказать, однако, чтобы Матрена верила как-то истово. Даже скорей была она язычница, брали в ней верх суеверия: что на Ивана Постного в огород зайти нельзя — на будущий год урожая не будет; что если мятель крутит — значит, кто-то где-то удавился, а дверью ногу прищемишь — быть гостю. Сколько жил я у нее — никогда не видал ее молящейся, ни чтоб она хоть раз перекрестилась. А дело всякое начинала «С Богом!» и мне всякий раз «С Богом!» говорила, когда я шел в школу. Может быть, она и молилась, но не показно, стесняясь меня или боясь меня притеснить. Был святой угол в чистой избе, и иконка Николая Угодника в кухоньке. За́будни стояли они темные, а во время всенощной и с утра по праздникам зажигала Матрена лампадку.

Только грехов у нее было меньше, чем у ее колченогой кошки. Та — мышей душила...

Немного выдравшись из колотной своей житенки, стала Матрена повнимательней слушать и мое радио (я не преминул поставить себе *разведку* — так Матрена называла розетку. Мой приемничек уже не был для меня бич, потому что я своей рукой мог его выключить в любую минуту; но действительно, выходил он для меня из глухой избы — разведкой). В тот год повелось по две-по три иностранных делегации в неделю принимать, провожать и возить по многим городам, собирая митинги. И что ни день, известия полны были важными сообщениями о банкетах, обедах и завтраках.

Матрена хмурилась, неодобрительно вздыхала:

— Ездят-ездят, чего-нибудь наездят.

Услышав, что машины изобретены новые, ворчала Матрена из кухни:

— Все новые, новые, на старых работать не хотят, куды старые складывать будем?

Еще в тот год обещали искусственные спутники Земли. Матрена качала головой с печи:

— Ой-ой-ойиньки, чего-нибудь изменят, зиму или лето.

Исполнял Шаляпин русские песни. Матрена стояла-стояла, слушала и приговорила решительно:

— Чудно́ поют, не по-нашему.

— Да что вы, Матрена Васильевна, да прислушайтесь!

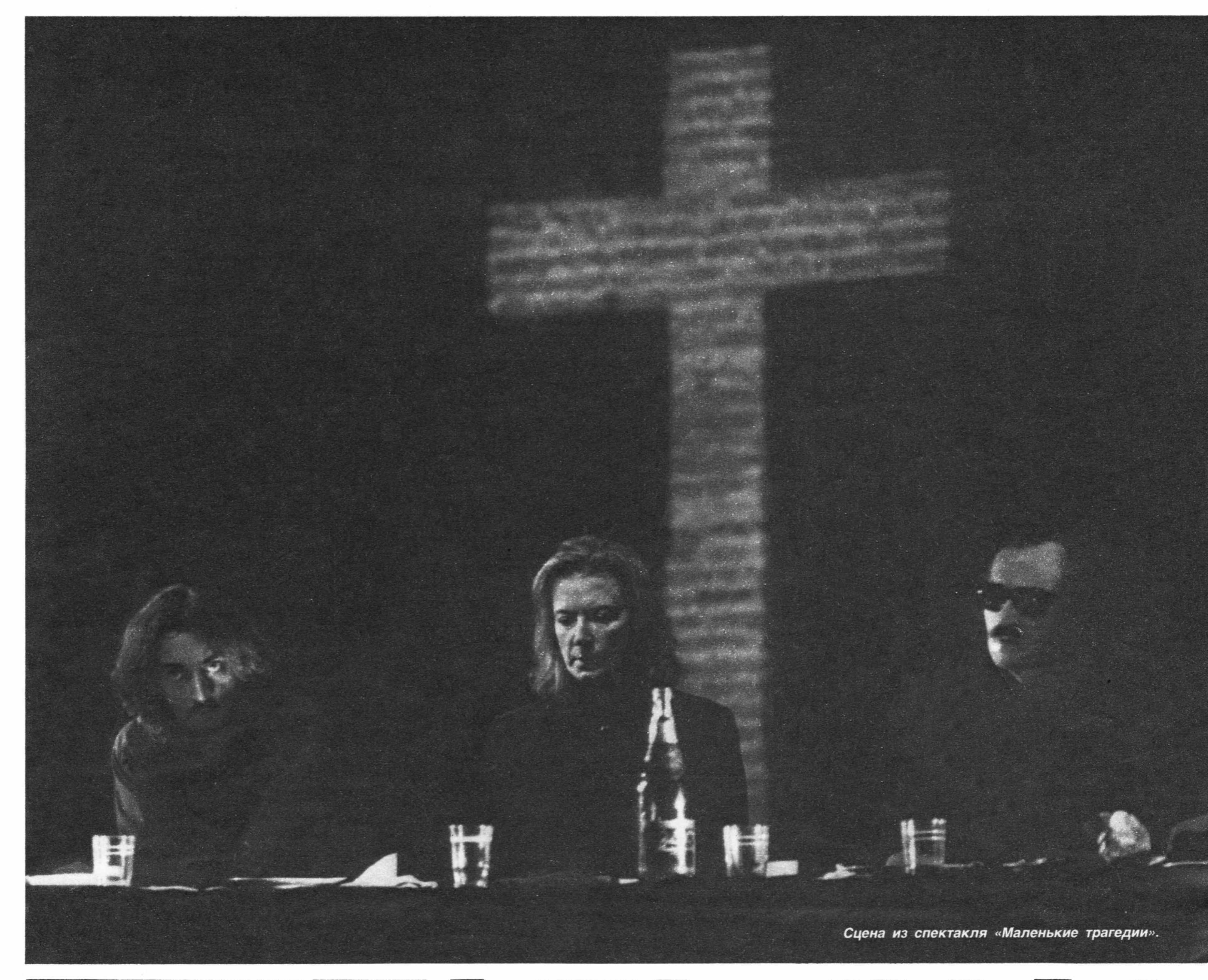
Еще послушала. Сжала губы:

— Не. Не так. Ладу не нашего. И голосом балует.

Зато и вознаградила меня Матрена. Передавали как-то концерт из романсов Глинки. И вдруг после пятка камерных романсов Матрена, держась за фартук, вышла из-за перегородки растепленная, с пеленой слезы в неярких своих глазах.

— А вот это — по-нашему...— прошептала она.

Окончание следует.

Сцена из спектакля «Маленькие трагедии».

В ПРЕЗИДИУМЕ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Президиум Верховного Совета СССР рассмотрел и удовлетворил просьбу Любимова Юрия Петровича о восстановлении его в советском гражданстве.

(ТАСС)

ТАГАНКА: МАЛЕНЬКИЕ И БОЛЬШИЕ ТРАГЕДИИ

Вениамин СМЕХОВ

Этого события ждали все — и друзья, и недоброжелатели: Юрий Любимов поставил новый спектакль — «Маленькие трагедии» Пушкина. Ждали — увидим ли прежнего мастера, или годы разлуки обескровили его талант? Кто-то ждал провала, мы ждали удачи. Сейчас уже можно поздравить театр и его режиссера с успехом. Вспомним сегодня о тех больших и маленьких трагедиях, которые пережил театр и которые помогли ему выстрадать этот спектакль.

Я пытаюсь найти объяснение загадке Любимова, но знаю, что не найду. Ибо вопреки оппонентам или врагам Театра на Таганке главное в Любимове не политика и не публицистика, а искусство. А чудо искусства есть вечная тайна. Однако приблизиться к разгадке можно, тем более что мне лично посчастливилось не только быть зрителем студенческого «Доброго челове-

Быть!.. («Гамлет»).

ка», но и стать актером любимовской Таганки с первого дня ее существования.

Если во время репетиции кто-нибудь из ассистентов шептал режиссеру: «Это слишком, это запретят!», Любимов возмущался: «Перестаньте треножить свою фантазию! Хотя бы на репетиции работайте вольно, без оглядки! Надо сделать вещь, как мы ее хотим сделать, а потом, не волнуйтесь, те, кто за это получает деньги, придут и скажут, где слишком, а где не слишком. Наше дело — творчество, а их дело — сами знаете, и перестаньте шептать глупости, не отбивайте хлеб у товарищей из министерства!»

Двадцать пять лет назад московское начальство разрешило студенческому дипломному спектаклю превратиться в театральное учреждение. Много раз впоследствии начальники буквально рвали на себе волосы из-за своего недальновидного поступка 1964 года.

Любимов поставил Брехта — Москва отозвалась овациями. Маленький зал нашего училища никогда не знал такого сумасшедшего успеха. Кто-то из начальства возопил: спектакль поддерживает элита! Любимов далек от вкусов простого народа!

Именно здесь начинается биография Любимова-бойца. Везучий баловень театра и кино, спасая своего «ребенка», становится «политиком поневоле». Спектакль «Добрый человек из Сезуана» режиссер вывозит на сцены Дворцов культуры московских заводов. Рабочие и инженеры огорчают руководителей: успех спектакля на заводах огромен. Повезло и спектаклю, и всем нам: открылся новый театр.

Фото Александра ШПИНЕВА, Юрия ФЕКЛИСТОВА и из архива театра.

На Таганке, у кассы театра, с тех пор стало жарко, независимо от времени года. За 20 лет, до 1984 года, ни одного свободного места в зале. Юрий Любимов поставил на Таганке тридцать один спектакль. Из них, может быть, только два обошлись без пересмотров, купюр и репрессий. Четыре премьеры были запрещены к показу. «Нормой» для выпуска новой работы было показывать готовый спектакль пяти-шести начальникам при закрытых дверях, сокращать, дописывать, показывать снова и снова, собирать расширенный худсовет, обращаться в Политбюро, к Брежневу, как к Господу Богу, с жалобами на чревоугодие ведомства культуры, после чего выходил спектакль, «недоеденный» начальством. Обвинительный тон из московских кабинетов подхватывался по всем городам и весям страны, а в результате: официальные органы власти и печать судили о Таганке однозначно (и однозвучно), а искушенное население с удвоенной жаждой прорывалось на наши спектакли.

Любимов и его ученики не хотели политики — мечтали об искусстве. Когда спектакль выходил и первые зрители, друзья и советчики режиссера отдавали дань искусству, наступал час политических тревог. И можно было только поражаться тому, как преображался художник. Во имя спасения театра Юрий Любимов прибегал к самым неожиданным ходам. Начальство, конечно, тоже не дремало. Сегодня много рассказано — и документально, и стенографически,— как проходили баталии по двум последним жертвам репертуара: «Владимир Высоцкий» и «Борис Годунов», известна история и многолетней борьбы за «Живого» — один из лучших спектаклей Таганки. По свидетельству многих театральных деятелей страны, ни один режиссер, кроме Любимова, не поднялся бы после первого удара, после расправы над «Живым» в 1968 году! Но театр выжил, Любимов спас Таганку. Если бы судьба не воспитала в нем борца, вряд ли художник оказался бы долгожителем.

Берега «таганской реки» — это беспрерывное общение режиссера с самыми живыми и одаренными людьми своего времени. Это сотни ночами прочитанных книг — и не только разрешенных. Дружба с авторами «Нового мира». Обильная пища впечатлений от фильмов, спектаклей, спортивных зрелищ. Горячая тяга к шедеврам изобразительного искусства. Для театрального топлива это особенно важно: театр — заговорившая живопись. Любимов — сценический живописец, и в нем это развивалось так же сильно, как и мастерство психоречевой режиссуры. Тайна Юрия Любимова — в освоении магического синтеза, в развитии «тотального театра». И еще чудо: рядом с Ю. Любимовым двигался от роли к роли его любимый актер Высоцкий, который в своей поэзии, в своем личном Театре Песни оказался создателем такого же универсального, тотального искусства. И кто у кого учился в большей мере — тоже загадка.

Но политическая интрига смогла одолеть и такого защищенного художника, как Юрий Любимов. Изощренная режиссура мастеров политической интриги и ряда других «друзей Таганки» одержала заслуженную победу. А затем и победу над Эфросом, которого уговорили сыграть главную роль в политической игре, стать главным режиссером нашего театра, при живом отце принять скипетр отчима из холодных рук тех же «друзей».

Сегодня люди в нашей стране живут, надеются, читают и слушают так и такое, чего совсем недавно нам не могло и во сне присниться. А что на Таганке? А на Таганке 25-летний юбилей. Зрители толпятся у наших касс, прорываются на «Мастера и Маргариту», на «Бориса Годунова» и «Владимира Высоцкого», на премьеру «Живого». Впереди — встречи с Пастернаком, Эрдманом, Пушкиным, Платоновым. Может быть, и с Салтыковым-Щедриным, и с Ю. Домбровским, и с А. Солженицыным, и снова с Мих. Булгаковым...

Сегодня праздник на «улице непослушных».

■

Мы, участники «круглого стола» ВНИИ искусствознания, посвященного 25-летию Театра на Таганке, считаем необходимым восстановить справедливость — вернуть материалы музея Театра на Таганке (12 173 единицы хранения), попавшие в ЦГАЛИ СССР после лишения гражданства Ю. П. Любимова. Эти материалы, находившиеся в обработке уже пять лет, по-прежнему недоступны для исследователей и широкой общественности.

23 марта 1987 года руководство Театра на Таганке направило письмо директору ЦГАЛИ СССР Н. Б. Волковой, в котором, в частности, говорилось: «В настоящее время возникла острая необходимость возврата архива в театр для обеспечения творческой программы, намеченной главным режиссером и художественным советом. Театр предполагает восстановить большинство спектаклей своего репертуара 1964—1983 годов, рассмотреть материалы из творческого портфеля этого периода, восстановить состав расширенного художественного совета, провести выставку, посвященную 50-летию В. Высоцкого. Все это невозможно осуществить без использования документов и других материалов, бережно и мудро сохраненных Вами в сложный для нашего театра период».

Руководство ЦГАЛИ отказалось возвращать материалы, в том числе и привезенные со всей страны в дар музею Высоцкого, зарождавшемуся в стенах Театра на Таганке.

На сегодняшний день устранена одна из главных причин отказа ЦГАЛИ СССР — отсутствие гарантии сохранности архивных материалов в притеатральном музее. По решению Совета Министров СССР создается Государственный центр-музей В. С. Высоцкого, в фондах которого будут храниться материалы и о Театре на Таганке.

Однако первый заместитель начальника Главного архивного управления тов. Е. М. Кожевников ответил фактическим отказом на правительственное поручение Совета Министров СССР за № 1111 от 16.01 1989 года о передаче архивных материалов в создаваемый Центр-музей, ссылаясь на существующее ныне Положение об архивном фонде.

Давайте подойдем к этому вопросу не местнически, не бюрократически, а по-государственному. Совершенно очевидно, что для серьезной научной работы необходима концентрация всех документов в едином центре. Ведь когда создавались Пушкинский дом, музеи Л. Н. Толстого и М. Горького, были приняты решения о передаче архивов всех рукописей писателей. Речь о рукописях В. С. Высоцкого пока не идет. Сейчас важно, чтобы в Центр-музей В. С. Высоцкого вернулось то, что ему принадлежит по праву,— материалы музея театра.

Ю. ЛЮБИМОВ, режиссер, основатель Театра на Таганке; Н. ГУБЕНКО, художественный руководитель Театра на Таганке, народный артист РСФСР; А. БАРТОШЕВИЧ, Т. БАЧЕЛИС, Е. ГОРЯЧКИНА-ПОЛЯКОВА, Ю. ДМИТРИЕВ, В. ФРОЛОВ, доктора искусствоведения; Н. ВАГАНОВА, Б. ЗИНГЕРМАН, Т. ШАХ-АЗИЗОВА, кандидаты искусствоведения

Из семейного альбома Елисеевых.

Даниил ГРАНИН

БРАТЬ
ЕЛИ

Герб Елисеевых на фасаде дома, где они жили.

Магазин «Гастроном» на Невском, у Театра комедии, до сих пор называют Елисеевским. Всегда так называли, сколько себя помню,— «к Елисеевскому», «у Елисеева». Никакие события не могли избавить ленинградцев от этой привычки. Так же как Невский продолжали называть Невским, хотя на табличках появлялось «Проспект 25-го Октября». Так же как Литейный — Литейным. И в Москве гастроном на улице Горького тоже остался «Елисеевским». Коренной ленинградец, я знал, что «Елисеевский» происходит от бывших владельцев братьев Елисеевых. Кто они такие — понятия не имел. Кроме Елисеевых, помнились еще Филипповские булочные, Апраксин двор, Зингер...— это сохранилось с моих детских лет, когда еще не могли отвыкнуть от старых названий, от владельцев, зарекомендовавших себя. Были еще «братья Чешурины», «Конради», «О'Гурнэ»... Следующие поколения эти названия забыли, оставили только «Елисеевский», наверное, потому, что сохранился сам магазин, сохранился и в Москве, и в Ленинграде, причем, что интересно, удерживал все три четверти века первенство как главный магазин обеих столиц. Оставался к тому же самым красивым, роскошным магазином. Его нарекали «номер один», «Центральным», но он оставался «Елисеевским». Последующие реконструкции, безвкусные, неумелые, не могли до конца истребить его первозданной красоты. Высокий, в зеркалах, отделанный мрамором, изразцом, с огромнейшей витриной своей, он и внутри, и снаружи до сих пор отличается от всех других магазинов, гастрономами можно было называть все эти новые и старые, и самые новые универсамы, стандартные, достаточно безликие торговые точки, магазин же у Театра комедии язык не поворачивался называть гастрономом, он оставался «Елисеевским». Долгое время он сохранял первенство и в смысле разнообразия продуктов. За стеклом его отделов как-то особо аппетитно выглядели колбасы, сыры, отличались разнообразием вина, было множество сортов конфет, с умением и вкусом продавцы выкладывали в плетеных корзинах фрукты. «Елисеевский» — это была марка, качество... Придется тут остановиться, поскольку не об этом рассказ. А о том рассказ, как однажды раздался телефонный звонок и женский голос, молодой, чистый, спросил: нельзя ли повидаться со мной, не заинтересует ли меня история Елисеевых, тех самых, бывших владельцев, и их потомков, я такая-то, внучка Елисеева... Несмотря на завалы срочной работы, я согласился, и сразу. Сработало исконно питерское: не любопытство, а та приверженность старому городу, которая не дает покоя ленинградцам тем больше, чем больше огорчений приносит им нынешний.

В назначенный день и час мы встретились с Анастасией Григорьевной Елисеевой. Она оказалась отнюдь не молодой, и даже не средних лет, но затем все двинулось вспять, она стала как бы молодеть, возвращаться к своей прежней красоте, к своему звонкому голосу,

Внутренний вид магазина братьев Елисеевых в Петербурге.

Анастасия Григорьевна Елисеева (1989 г.).

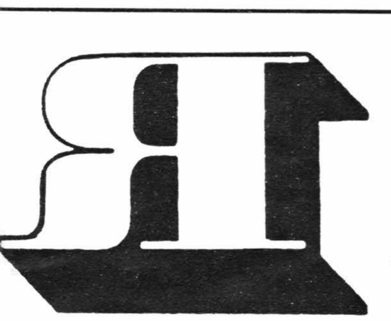

Фото Павла КРИВЦОВА.

СЕЕВЫ

и темперамент, с каким она повела свой рассказ, и энергия ее лишний раз доказывали, что молодость — это никак не возраст.

Передо мной ложились документы, старинные фотографии, вырезки, она принесла огромный юбилейный альбом в честь столетия фирмы Елисеевых, где были представлены все филиалы фирмы, служащие, рабочие.— «1813—1913». Купеческая, торговая Россия появлялась несколько иной, чем мы привыкли читать и видеть у М. Горького или А. Островского.— деловые мужчины, умные степенные лица. Цеха, техника, прилавки.

История елисеевского дома началась с одного застолья у графа Шереметева, так повествует семейная легенда. На этом застолье, зимой 1812 года, гости дивились свежей крупной землянике и так нахваливали ее, и так расспрашивали хозяина, что он приказал позвать садовника, мастера выращивать в морозы такую ягоду. Им оказался Петр, сын Елисеев. Граф решил отблагодарить его, спросил, чего бы тот пожелал: разумеется, Петр Елисеевич попросил себе вольную. Граф должен был сдержать слово, и вот к лету того же года пришел в Петербург ярославский мужичок Петр Елисеевич. Стал торговать с лотка, сам тем временем приглядывался к столичным порядкам и вскоре открыл лавочку у Полицейского моста, называли ее Елисеевская лавка. Место было бойкое, торговля пошла. К 1821 году Елисеев, человек предприимчивый, смекалистый, заимел уже магазин, склады, ввозил из-за границы партии вин, стал известным оптовиком. Репутация порядочного, честного купца сопутствовала ему. Малограмотность не помеха, торговые операции он проводил умело и оставил своим трем сыновьям в наследство вполне солидное торговое предприятие. Сыновья хорошо продолжили дело, торговля расширилась. С 1843 года братья Григорий и Петр Елисеевы стали именовать свою фирму «Братья Елисеевы», и с этого времени она обрела, как писал журнал «Нива», «известность во всем торговом мире».

Фирма начала с капитала в 7—8 миллионов рублей. За короткое время благодаря трудолюбию и коммерческому таланту Г. П. Елисеева фирма установила отношения с крупнейшими торговыми домами Европы — французскими, английскими, немецкими, итальянскими, испанскими. Для перевозки вин и «колониальных товаров» Г. П. Елисеев обзавелся собственным флотом — быстроходные, с хорошей грузоподъемностью пароходы. Елисеевы приобрели винные подвалы на острове Мадейра, а также в Бордо, Опорто... Оборот ширился, в середине прошлого века, еще до отмены крепостного права, эта петербургская фирма создала себе мировую репутацию прежде всего своей точностью и «торговой корректностью». Ее ставили в пример как надежного партнера. Были годы, когда фирма скупала за рубежом весь урожай ряда винодельческих районов Франции. В Петербурге один за другим выстроены были обширнейшие винные подвалы; помимо виноторговли, росла и торговля фруктами, кофе, кондитерскими изделиями, сырами. Строились собственные цеха — конфетные, рыбных изделий. Ввозились продукты со всего света. С 1903 по 1913 год было уплачено только пошлины государству 11 миллионов рублей! Так развернулась лавочка бывшего крепостного Петра Елисеева.

Признаюсь, я понятия не имел о подобных международных размахах русских торговых фирм. Ведь, наверное, Елисеевы были не исключением. Например, в Петербурге они считались вторыми после Апраксиных.

Когда Г. П. Елисеев умер в 1892 году, фирмой стали заправлять его сыновья Александр и Григорий Елисеевы. Впоследствии единоличным руководителем фирмы стал Григорий Григорьевич Елисеев, дед Анастасии Григорьевны. Он достойно вел дела, стал развивать отечественное виноделие, закладывал плантации в Крыму.

Что меня заинтересовало в деятельности фирмы, так это размах ее благотворительных дел. На Большой Охте было построено огромное здание благоустроенной богадельни, рядом цер-

ковь «Во имя Казанской божьей матери», великолепный храм в византийском стиле, к сожалению, снесенный в 1929 году.

Все три елисеевских магазина — в Петербурге, Москве, Киеве открыты в начале века — для того времени представлялись явлением невиданным в России, и, может быть, не только в России: судя по прессе, нигде в Европе не было еще ничего подобного по размаху, удобству, комфорту, по ассортименту товаров и, наконец, по культуре обслуживания.

Я просматриваю юбилейный альбом, принесенный Анастасией Григорьевной; старые фотографии, отлично выполненные, показывали просторные вспомогательные цеха магазинов, склады, подвалы, ледники. Конфетные цеха, варка карамели. Передо мною, как в анатомическом атласе, открывались внутренности этого могучего организма, то, что обеспечивало его силу, ассортимент, качество товаров, первенство в борьбе за покупателя. На огромное хозяйство работали свои мастерские, транспорт, гужевой, автомобильный, по-видимому, на высоком для того времени уровне техники, может быть, даже фирма в этом смысле лидировала. Она чувствовала себя все уверенней на международном рынке. В 1912 году Елисеев предложил своему старшему сыну, Григорию Григорьевичу, взять миллион плюс неограниченный кредит и отправиться в Америку, в Соединенные Штаты, чтобы открыть там сеть елисеевских магазинов. Уже под силу было вступить в соревнование с заморской торговлей, хватало и капитала, и опыта, а главное — технологии, чтобы показать преимущества елисеевских магазинов. Кто знает, как развернулись бы Елисеевы, если бы старший сын (отец Анастасии) согласился? Но он в то время кончал Военно-медицинскую академию по специальности хирурга, был увлечен медициной и наотрез отказался ехать в Америку. «Мое дело лечить людей, это мое призвание, а не торговать»,— доказывал он отцу. Второй сын учился на востоковеда, третий — на юриста, четвертый — на инженера, пятый еще был мал... Ни один не пожелал идти работать в фирму по стопам отца. Сказалось то отношение, которое господствовало в те годы среди русской интеллигенции к купеческой, а значит, и торговой деятельности, заодно и к промышленной. Смотрели свысока, пренебрежительно на всех этих Тит Титычей, толстосумов. Как только не поносили молодую русскую буржуазию — Молох-кровосос, буржуи проклятые. Добро бы народ, но запевалами были писатели и журналисты, никак не приветствующие новый класс. Хотя история именно русского искусства многим обязана таким торговым людям, как Мамонтов, Третьяков, Морозов, Бахрушин, Юдин, Алексеев...

А ведь далеко не все хищничали, плутовали, наоборот, поняли уже, что выгоднее хозяйничать добросовестно, строить разумно, на века, будь то фабрика, дом, мост. Дорожили честью, добрым именем, основывали больницы для бедных, приюты, народные университеты. Мы мало что знаем о промышленниках, заводчиках, банкирах тех предвоенных лет, а были среди них люди яркие, талантливейшие, с заслугами немалыми... Тот же Елисеев определял детей своих служащих в училища, старых служащих пристраивал в дом призрения, построенный специально фирмой.

Конечно, главной его заботой оставалось преуспевание торговли. В одном только Петербурге было уже построено им семнадцать многоэтажных доходных жилых домов; в Орловской губернии — конный завод, в Крыму разведены виноградники, огромные плантации, где культивировали лучшие сорта.

Наверняка глава фирмы нашел бы в большой семье своей преемника, заставил бы, прельстил, да и сам он был еще в полной силе, но тут вмешалось нечто иное — сила, можно сказать, высшая — глава фирмы влюбился. И до этого известны были его увлечения то прославленной певицей, то актрисой. Новый же роман, однако, отличался страстью нешуточной. Его любовь была супругой довольно крупного ювелира, так что ее, наверно, не следует подозревать в корысти. Позднюю эту любовь, а Елисееву было много за пятьдесят, имел уже внуков, не могли остановить ни дела, ни семья. В конце концов дошло до того, что Елисеев явился к жене своей просить развода. Любые отступные деньги предлагал, она не соглашалась. Она тоже была, судя по всему, женщина с характером незаурядным, дочь владельца пивоваренных заводов, привыкшая управлять большой семьей, она, видимо, продолжала горячо любить своего мужа. «Ни за какие деньги любовь свою не продам!» — заявила она и пригрозила покончить с собою. Елисеева это не остановило. Он ушел к своей «авантюристке», как окрестили ее в семье. Жена бросилась в Неву, ее спасли. Вскрыла себе вены. Опять спасли. С тех пор ее не оставляли одну. Дети дружно осудили отца. Все это происходило в 1914 году, буквально накануне первой мировой войны. Старший сын, Григорий, отказался от роскошной двенадцатикомнатной квартиры, подаренной отцом, снял скромную квартирку по средствам врача, братья переехали вместе с ним. Скандал разрастался, в те дни все столичные газеты судили-рядили об этой истории, в которой безысходно сшиблись любовные страсти. Грянула война, но и она не могла разорвать намертво сцепленного треугольника. Признаюсь, давняя эта любовная трагедия плохо вязалась с привычными моими представлениями о коммерческом человеке, у которого главное в жизни — стремление к наживе, расчет, а тут война, распад семьи, уход детей, Россию трясет. Сына Григория отправили в действующую армию, нет, ничто не могло образумить Елисеева, ничто не пересиливало его безумия. И брошенную его жену — тоже.

Сколько сил потрачено было на получение дворянского звания! Как блюли добропорядочность семьи, щепетильную честность в делах, в обращении с клиентами и, наконец, добились, пожаловано было личное дворянское звание Г. Елисееву, главе фирмы, и торжественно украшены гербом ворота его дома. И вот все насмарку, под откос, все в распыл, ничего не жаль, все в жертву своей любви.

Для брошенной жены тоже все стало нипочем, ни в детях, ни в доме утешения не находила, свет белый померк, жить нельзя, и умереть не дают.

Как Елисеев упорен был в своей страсти, так и она упорна была в отчаянии. Однажды исхитрилась, улучила момент и на полотенцах повесилась. Так узел был разрублен ценой ее жизни. Все сыновья, похоронив мать, публично отказались от наследства, а отец спустя две недели после погребения жены обвенчался со своей любовницей и укатил с ней в Париж.

С того времени внучке Настеньке постоянно внушали, что дед такой-сякой, нехороший, и внушили. Вошло это в кровь и плоть. До сих пор она не может одолеть той детской неприязни и осуждения.

После февральской революции уезжают за границу Сергей Елисеев, востоковед, затем Николай, юрист, к 1917 году из Елисеевых в Петрограде остается самая младшая, Мариэта, ей было 17 лет. Вскоре после революции она обвенчалась со своим женихом Андреем, молоденьким юнкером, его через месяц арестовали, поскольку юнкер, и он погиб на барже вместе с другими юнкерами. Мариэта осталась одна, беременная, Григорий еще не вернулся с фронта...

— Но, может быть, эта часть вам уже не интересна? — прерывает себя Анастасия Григорьевна.

Со школьных лет усвоено мною, что история всякой буржуазии кончается с революцией, так мы привыкли воспринимать прошлое, времена царской России, начисто отрубленные Октябрем. Так нас учили — все начинается заново после революции, счет идет с нуля, как от Рождества Христова. Черта была подведена, но жизнь людей не прервалась, и жизнь Елисеевых тоже продолжалась.

— Нет, нет, что вы, очень интересно,— говорю я решительно.

Анастасия Григорьевна наверняка понимает, что это всего лишь вежливость, но ей надо досказать, для нее дальше-то и начинается самое главное. Грустное повествование о наследниках, со всеми злоключениями, которых мы наслушались вдоволь за последние годы.

В 1918 году отец Анастасии Григорьевны вернулся с фронта. Поселились в квартире у крестного в одном из елисеевских домов на Фонтанке. Отец пошел работать хирургом в больницу, и зажили, не печалясь, не горюя о потерянном богатстве, жили, как все питерцы в те годы, бедствуя, как все, радуясь, как все. Такое отношение к своему положению было в те первые годы Советской власти довольно типично. Так, А. А. Любищев, сын крупного домовладельца, совершенно спокойно отнесся к потере наследства после революции, «даже с облегчением», любил повторять он. Русская интеллигенция, та, что приняла революцию, принимала ее подвижнически, готовая жить «по справедливости, вместе с народом и для народа». Жена Григория Елисеева, мать Анастасии, тоже из состоятельной семьи Хамеров, ведущих свой род от петровских немцев, тоже легко и просто приняла условия новой жизни.

Так они жили до 1934 года, до убийства С. М. Кирова, а затем отца Анастасии и дядю Петю схватили как Елисеевых и выслали в Уфу. Никакой вины у них не было, кроме того, что это Елисеевы, сыновья того самого. Не важно, что они отреклись от отца, отказались от имущества, не важно, что сделали они это до революции, важно было другое — они Елисеевы, то есть сыновья, то есть по своему происхождению принадлежат к классу буржуазии. А от происхождения не отречешься. В то время уже существовал, укрепился вопрос во всех анкетах: твое социальное происхождение? Из мещан, из дворян, из священнослужителей, из купцов или из рабочих и крестьян. То есть из какого ты класса. Это все определяло, потому что у нас классовое общество, в котором идет борьба классов, борьба эта обостряется, в ней нет места состраданию, пощаде, поскольку перед нами оказываются не жена, не ребенок, не заслуженный врач, а представители враждебных классов. И тут ни при чем талант, заслуги, все качества отринуты классовой принадлежностью. Социальное происхождение было как тавро, клеймило человека навсегда. Он рождался с этим самым происхождением и никуда не мог от него деться. Социальному происхождению придавалось значение генетическое. Примерно так действовала проблема арийского или неарийского происхождения в гитлеровской Германии.

В Уфе Г. Г. Елисеев устроился в медицинском институте. Очевидно, он был не только выдающимся хирургом, но и блестящим лектором, аудитории у него были переполнены, студенты по окончании курса преподнесли ему какую-то особую чернильницу. Любовь студентов зачастую вызывает настороженность, а тут особенно — кто такой оказывает влияние? — высланный! Последовала команда. Уволили. Пошел в больницу хирургом. Там тоже он быстро отличился, завоевал популярность. Беда его была в том, что он был слишком хорошим хирургом. Так что из больницы его тоже уволили — не годится, чтобы сосланный, да еще из бывших, подавал пример своей работой.

Пришло письмо из Франции от отца, просил прощения, сын не мог простить и не ответил.

А в 1937 году явились и взяли его. И младшего, Петра Елисеева, тоже взяли. «Перед уходом отец обнял маму, поблагодарил за всю их жизнь и распрощался, сказал, что больше уже не увидятся. Через несколько дней взяли и маму».

Он был прав, больше они не увиделись.

Анастасия Григорьевна писала прошения, хлопотала, однажды даже пробилась к самому прокурору Бочкову. Она помнит огромный кабинет, на другом конце человечек за столом. Что-то писал, поднял голову, кивнул и сказал: «Знаю, знаю, ваш муж тяжело болел и умер». «Я про отца»,— сказала она, ничего не понимая. «Ах да, да, это ваш отец».

Только потом она сообразила, что ни в какие бумаги он не смотрел, нигде не справлялся. И дядя Петя умер в лагере. А Мариэта умерла в Москве...

Что же было с главой дома? Он благополучно жил до 84 лет во Франции и скончался в Париже в 1942 году. Похоронен он на русском кладбище св. Женевьевы под Парижем, там же появились могилы его сыновей — Николая, затем Сергея, их жен. Они так и не примирились, не простили отца. Анастасия Григорьевна, будучи в Париже, приходила на это кладбище. Могилы-то отца на родине нет, ни точной даты смерти, ни места захоронения — ничего не известно. Здесь среди русских могил ухоженного этого кладбища хорошо горюется, вспоминается, можно постоять перед деревянными крестами деда, его «обольстительницы», своих дядьев и теток, все словно бы сошлись одной семьей, примиренные этим кладбищем. Ей вспоминается семейный склеп Елисеевых, что был на Охте у церкви, примерно на том месте, где сейчас Красногвардейская площадь.

Во Франции дядья ее преуспели, один стал известным японистом, теперь сын его тоже востоковед, другой дядя проработал юристом. А отец... Она вспоминает, как отца ее командировали перед первой мировой войной в Германию, в клинику, и как он вернулся раньше срока, наскучило на чужбине, как отца уговаривали в годы гражданской войны уехать на юг, а братья уговаривали уехать за рубеж...

— Вот как получилось,— заключает она недоуменно, я понимаю невысказанный ее вопрос, один из тех вопросов, на который не ждешь ответа, но от которого невозможно отвязаться до конца дней.

Отпрыски рода Елисеевых ныне живут во Франции, в Швейцарии, в США, никто из них не знает почти ничего о своих предках, не интересуется ими. Одну лишь Анастасию Григорьевну мучает, не дает покоя история своей родословной. Может быть, потому, что она единственная сегодня, кто помнит и знает хотя бы краешек того, что скрыто за горизонтом революции. А может, это чувство долга перед памятью отца, так жестоко обделенного судьбой. Очнулось ощущение прошлого, утаенного за семью печатями. Тот интерес, который ныне, в конце восьмидесятых, охватил всех... Впрочем, не всех.

Как-то перед поездкой к родным во Францию Анастасия Григорьевна по нашему обычаю стала готовить гостинцы. Чем можно порадовать заграничных людей, кроме надоевших матрешек и ложек? Первое, что приходит в голову,— русской черной икрой. Тоже не ново, но по крайней мере всегда деликатес. Да разве достанешь? Кто-то надоумил ее зайти к директору елисеевского магазина. Она отправилась и простодушно изложила свою просьбу: так, мол и так, хочется из елисеевского магазина привезти потомкам... Директор безучастно кивал, потом сообщил, что помочь ничем не может, ибо дефицит идет по списку для заслуженных товарищей и для имеющих на это право. Тут Анастасия Григорьевна стала предъявлять ему ветхие удостоверения о своей медали «За оборону Ленинграда» — она ведь блокадница,— медали «За трудовую доблесть», «За победу

над Германией» и прочие почетные справки, скромный набор, накопленный десятилетиями, проведенными на сцене, фронтовыми поездками, гастролями, с которыми моталась по стране, отрабатывая свои сто двадцать рэ актерской зарплаты. Что могли значить эти бумажки для директора, необозримое могущество которого Анастасия Григорьевна вряд ли сознавала? Можно предположить даже, что документы эти своей обыденностью произвели на него совершенно обратное впечатление, потому что он вдруг с мягкой усмешкой спросил: «А чем вы можете доказать, что вы та самая Елисеева?» Вопрос был, конечно, неотразим, Анастасия Григорьевна растерялась, директор развел руками, тонко улыбнулся, так-то вот, любезная, ничем помочь не могу.

Она привела этот случай, смеясь, как забавный анекдот: впервые призналась, что внучка Елисеева, ради баночки икры, и то вот опозорилась.

Самоирония — прелестное, редкое в нашем бытовании качество. Анастасия Григорьевна с легкостью подшучивала над собой, над своими промахами и над заслугами. Глядя на нее, я пожалел этого директора, упустившего счастливый случай, который однажды предстал перед ним. И впрямь «мы ленивы и не любопытны». Ну безразличие к людям, это мы уже проходили, но, оказывается, безразлично и происхождение этих витражей, причудливых светильников, высоких шкафов красного дерева, панелей, всей отделки, исполненной в стиле модерн начала века (после тщательной реставрации это сейчас заблистало во всей красе). Для таких людей, как тот директор, нет прошлого, впрочем, так же как и будущего. Это почасовики, распространенная порода временщиков, они появляются и исчезают, не оставив о себе ни сожаления, ни памяти. И сами они как будто чувствуют свою временность, мимолетность, ни к чему не прилепляются душой.

Фотографии на толстых картонах старинные, коричневатые, сепией, фотографии фронтовые, любительские, пожухлые, театральные — в костюмах Баядерки, Марицы, молодые, белозубые, поющие, полные движения, музыки. Фотографии заграничные цветные, там пальмы, незнакомые улицы, пожилые женщины за столиком; это заграничная родня. Среди вороха снимков внимание мое вдруг зацепил один — там Анастасия Григорьевна стояла вместе с сыном в воротах дома. В их позах не было случайности. Они стояли посреди темного проема ворот, и что-то это все должно было означать, какой-то неведомый замысел,— «я здесь стою и не могу иначе»... А может, ведомый только ей, Анастасии Григорьевне, потому что это она настояла сняться у этого дома, бывшего елисеевского дома на Васильевском острове. Наверху, над ними, на дуге подворотни различался герб с буквами «ГПЕ». Простенький герб пожалованного личного дворянства: «Григорий и Петр Елисеевы», фирма «Братья Елисеевы». Чудом сохранившийся герб над чудом сохранившейся веточкой когда-то могучего рода. Они пришли сюда, ни на что не претендуя, но и не отрекаясь, и не чувствуя себя виноватыми... Было это за несколько лет до того, как сын уехал в США. Ей хотелось, чтобы на память... Кому на память? Ей? Нам? Во всяком случае, пока что не ему. Его тогда нисколько не занимали эти генеалогия с геральдикой. Он хороший сын, хороший биолог, но это прошлое — зачем оно ему? Он не взял его с собою. Что с ним делать? От этого прошлого, как от черного проема ворот, несло холодом старых бед, материнских страхов, безвестных лагерных могил... Для него это было иное прошлое, чем для матери. Снимок был для нее, для нее он что-то значил, может быть, поклон своим предкам, запоздалую дань их жизни, не такой уж бесцельной, между прочим, сейчас что-то там, в минувшем, стало яснее...

ЦБЗ или ССП?

Можно ли, посмотрев на эту фотографию, решить, что прозаик Анатолий Приставкин требует ликвидировать Союз писателей? Но именно так решил писатель из Ханты-Мансийска, откликнувшийся на публикацию этой фотографии в еженедельнике «Литературная Россия» (№ 16).

«Здравствуйте, Анатолий Игнатьевич!

То, что среди писателей в Москве идут распри,— горько. Эти писатели, к сожалению, забыли о своей исторической и человеческой миссии. Отчасти это происходит от сытости и безделья... У истинного писателя нет времени на эти глупости и пошлости. Работы творческой много. И общественных дел хватает, ибо земля гибнет, нравственность гаснет.

Я и некоторые мои коллеги-земляки знали Вас, Анатолий Игнатьевич, как достойного человека и писателя. И вдруг... ныне Вы появляетесь перед читателями, опоясанный плакатом, отчаянно ратуете за ликвидацию Союза писателей и т. д. Ну, зачем превращать себя в шута, Анатолий Игнатьевич?! Если Вам Союз не нужен, так и топайте на здоровье из него...

Андрей ТАРХАНОВ,
член Союза писателей СССР
25 апреля 1989 года»

Разгадка такой странной реакции писателя из Ханты-Мансийска проста: «Литературная Россия» перепечатала эту фотографию из рижской газеты «Советская молодежь» с небольшим изъяном: была просто-напросто обрезана аббревиатура «ЦБЗ», обозначающая Слокский целлюлозно-бумажный завод. Завод, который отравляет Рижское взморье. Именно этой обрезанной фотографией были проиллюстрированы в литературном еженедельнике некоторые высказывания Анатолия Приставкина, в частности, о перспективности объединения писателей при журналах, а не в безликом ССП. Вот и получилось, что прозаик Приставкин в то время, когда «земля гибнет», устраивает демонстрации с требованием ликвидировать Союз писателей и сам участвует в них, «опоясанный плакатом».

Как все-таки важно, что орган Союза писателей РСФСР — «Литературная Россия» в отличие, скажем, от «Нашего современника» имеет возможность иллюстрировать свои материалы! И какого эффекта можно достичь при помощи простого инструмента — ножниц,— если у тебя умелые руки!

А обрезаны-то всего три буквы...

Полемические приемы «Литературной России», возглавленной новым главным редактором Эрнстом Сафоновым, нам кажутся весьма своеобразными. Писателя А. Тарханова и других доверчивых подписчиков еженедельника просим впредь это учитывать.

Отдел литературы

Мы работаем в спецшколе для несовершеннолетних правонарушителей. А потому нас волнует судьба подобных школ и детей, в них попавших. Согласитесь, насколько сложнее и ответственнее работа с несовершеннолетними правонарушителями, чем работа в обычных школах. Ведь сюда попадают дети с огромной педагогической запущенностью, с привычкой к алкоголю, со склонностью к токсикомании, бродяжничеству, воровству. Как мы говорим, дети с ярко выраженной асоциальностью поведения.

Положение о спецшколе — основной нормативный документ — подчеркивает, что здесь должны сосредоточиться лучшие, опытнейшие педагогические кадры. Им предстоит работа с подростками, с которыми не справились родители и педагоги в семьях, обычных школах и интернатах.

Давайте поговорим начистоту. Что, кроме энтузиазма и добрых помыслов, может удерживать в спецшколах лучших педагогов? Понятно, что в первую очередь — улучшенные условия труда, жилищные условия, забота со стороны вышестоящих организаций, особенно забота шефов, общественности. Это теоретически. Что же на практике? Зарплата и первоначально, во время образования нашей школы, мало отличалась от зарплаты в школе обычной. Еще более сократило разницу в зарплате работников спецшкол и школ обычных повышение заработной платы 1984 года. Словом, нервные и психические нагрузки рублем не компенсируются.

С высоких трибун звучали обещания помочь наладить постоянный производительный труд, найти заказчика, оборудование и материалы, организовать методическую помощь, обмен опытом, улучшить жилищные условия. Но дальше обещаний дело не пошло. Достаточно сказать, что в школе не работал ни один телефон.

А жилищные условия работников спецшколы? Исполком крайсовета дважды принимал решения о выделении нам двух квартир в год. Где они? За последние пять лет школе выделили одну квартиру. Как говорится, обещанного три года ждут. Ровно столько крайисполком водит нас за нос со строительством жилого дома.

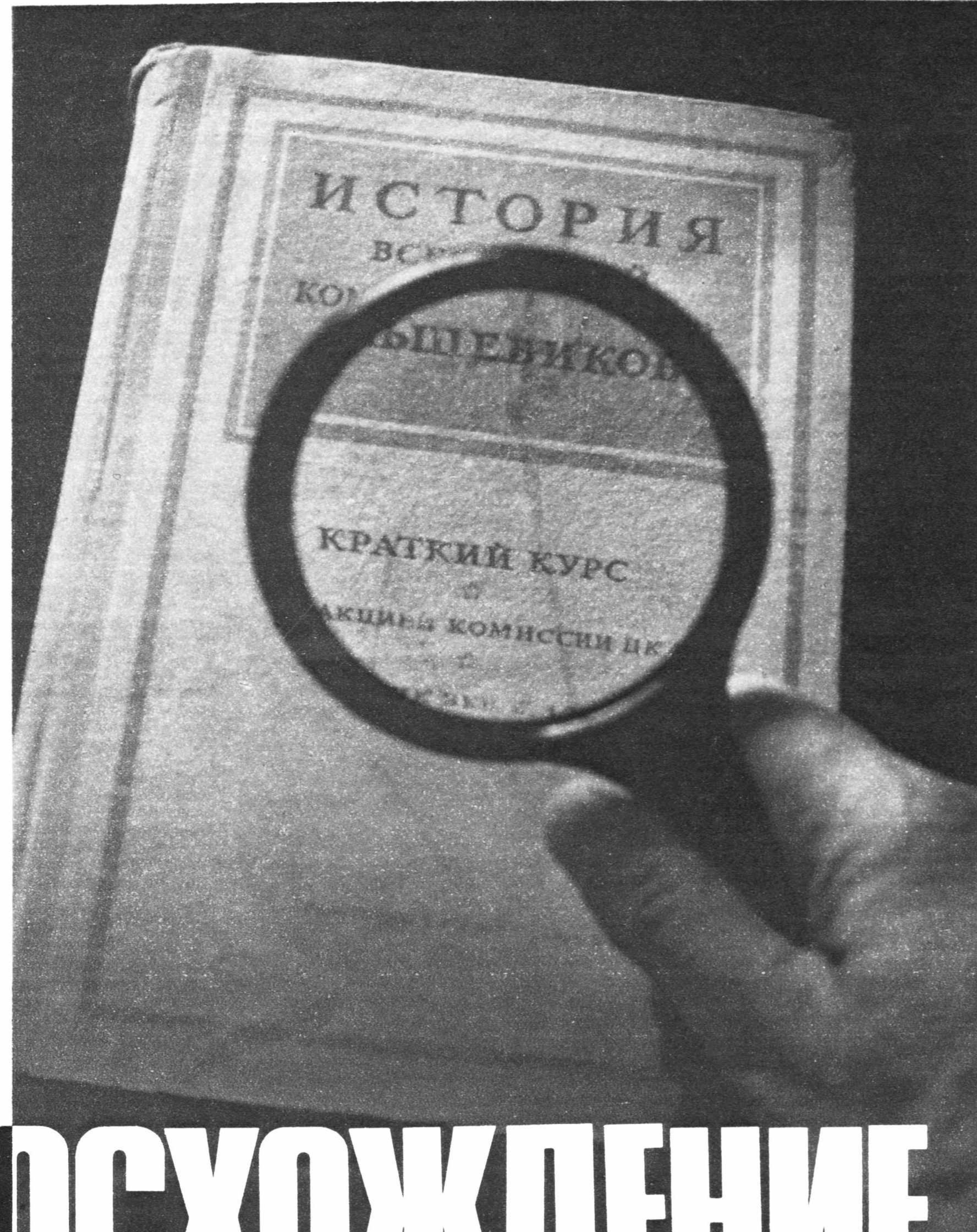
Отражается ли этот факт на перевоспитании малолетних преступников? Безусловно, ибо в школе большая текучесть кадров. Коллектив наполовину из молодых, неопытных педагогов, а «народные», «заслуженные», «отличники образования», «учителя-методисты» нам и не снились. Снижается качество работы чуть ли не по всем показателям. Взрывоопасная обстановка в детском коллективе. Тяжело видеть, как резко уменьшается отдача от вложенного труда. Сколько можно держаться на одном энтузиазме?

Трудно предсказать судьбу нашей и без того не лучшей школы, если она не увидит перемен со стороны городских, краевых, республиканских и союзных учреждений и организаций.

Пора признать, что средства, вложенные в закрытые учреждения исправительного, и особенно воспитательного, типа, окупятся миллионами личных и государственных «несворованных» рублей, а также своевременным предупреждением огромного морального ущерба обществу. Они окупятся в первую очередь спасенными судьбами.

С. Г. ФАДЕЕВ, И. О. СЕВОСТЬЯНОВА, В. М. СИДОРОВ, Т. П. ГОЧАЧКО, В. Д. ШВАРЦКОПФ, члены педагогического коллектива спецшколы для трудновоспитуемых подростков (всего 51 подпись)

Красноярск

ВОСХОЖДЕНИЕ к «КРАТКОМУ КУРСУ»

Последние исторические публикации наших ведущих журналов радуют и огорчают одновременно. Почему радуют — пояснять, думаю, излишне. Огорчает же обилие всевозможных фактических неточностей, непроверенных цитат, необоснованных гипотез. По-видимому, на первом этапе гласности такое положение неизбежно и с ним придется мириться вплоть до появления обстоятельных, основанных на подлинных документах исторических трудов. Хотя, конечно, когда в серьезных публикациях встречаешься с утверждениями о том, что Калинин вручал ордена в 1949 г. или что Троцкий родился в один день со Сталиным, то особой радости это не вызывает.

Однако куда больше беспокоит другое. Некоторые литераторы и публицисты обращаются к исторической теме отнюдь не ради самой истории, а для обоснования своих концепций, к истории, собственно (да и к литературе), никакого отношения не имеющих. Образец именно такого подхода демонстрирует, на мой взгляд, журнал «Наш современник».

Освещение многих проблем истории советского периода на страницах этого издания вызывает удивление. Так, во втором номере за 1989 год было опубликовано интервью с В. Пикулем, высказывания которого далеко выходят за рамки историко-литературных дискуссий, да и заметим попутно, за рамки элементарного приличия. Известный писатель заявил буквально следующее: «А в общем-то это все одна шайка. Троцкий, Бухарин, Каменев, Зиновьев, Каганович, Ем. Ярославский (Губельман), Урицкий, Володарский, Эпштейн — это фанатики массовых убийств». Вся эта тирада могла бы (если опустить несколько имен) вполне органично войти, скажем, в «Судебные речи» Вышинского. А может быть, она именно оттуда и взята? Трудно представить, что сегодня, в 1989 году, в период реабилитации жертв сталинского террора можно вновь выставить в подобном свете людей из ближайшего окружения В. И. Ленина. Это же не что иное, как схема «Краткого курса». Когда-то над ней совершенно справедливо иронизировал Троцкий в своей книге «Сталин». «Были ли основания,— писал он,— выполнять директивы Ленина, который во главе военного ведомства поставил меня — лицо преступное и не совершавшее ничего, кроме ошибок и преступлений,.. во главе Коминтерна поставил будущего фашиста и изменника Зиновьева, во главе центрального органа партии и в качестве одного из руководителей Коминтерна будущего фашистского бандита Бухарина и т. д. Или Ленин столь роковым образом ошибался в оценке своих ближайших сотрудников, которых он знал в течение десятков лет?»

Но было бы несправедливо утверждать, что В. Пикуль не вносит в упомянутую схему ничего нового. Помимо ближайших сподвижников Ленина, в его перечень «фанатиков массовых убийств» попали и деятели более позднего периода, такие, как Каганович, к которому это определение и в самом деле вполне применимо, а также несколько менее известные — Яковлев и Ем. Ярославский. Трудно усмотреть между всеми этими лицами что-нибудь общее, кроме того, что все они, за исключением Бухарина, евреи. Что и старательно подчеркивает Пикуль, да и другие авторы «Нашего современника», систематически раскрывая их псевдонимы [1]. Характерно, что тем же публицистам не приходит в голову столь же систематически раскрывать псевдонимы, скажем, Молотова или Кирова. При таком подходе вполне «логично» «забыть» о подлинных фанатиках массовых убийств, таких верных учениках и сподвижниках Сталина, как Молотов, Маленков, Ежов, Вышинский, Ульрих, Берия, Абакумов, и о других рангом пониже. Но они Пикулю не подходят — фамилии, увы, не те...

Хотелось бы спросить В. Пикуля: какими фактами, свидетельствующими о причастности к массовым убийствам, скажем, Каменева или Бухарина, он располагает? Или, быть может, таковыми считает Пикуль собственные их признания на изуверских средневековых процессах? Все-таки интересно узнать, на чем основывается это утверждение, столь созвучное и официальной версии сталинских лет [2].

В. Пикуль, увы, не одинок в своих изысканиях. Его «последователь» В. Хатюшин с поразительной откровенностью излагает на страницах журнала «Москва» аналогичные идеи. «Троцкий,— пишет он,— мечтал превратить страну в военно-феодальное государство, чтобы с его помощью осуществить мировую революцию... То есть он на практике мечтал легализовать масонскую идею — власть над всем миром. Главным препятствием на пути Троцкого был Сталин, который, по всей вероятности, видел и понимал авантюрность этого масонско-сионистского заговора против человечества».

Подобно Пикулю, Хатюшин составляет свой список палачей: Фирин, Берман, Френкель, Коган, Раппопорт, Бродский, Сольц. Позицию Пикуля по данному вопросу разделяют и другие авторы «Нашего современника», в частности В. Бушин и Ст. Куняев.

Критический огонь публикаций «Нашего современника» сосредоточивается в основном на Л. Д. Троцком. Объем настоящей статьи, к сожалению, не позволяет остановиться сколь-нибудь по-

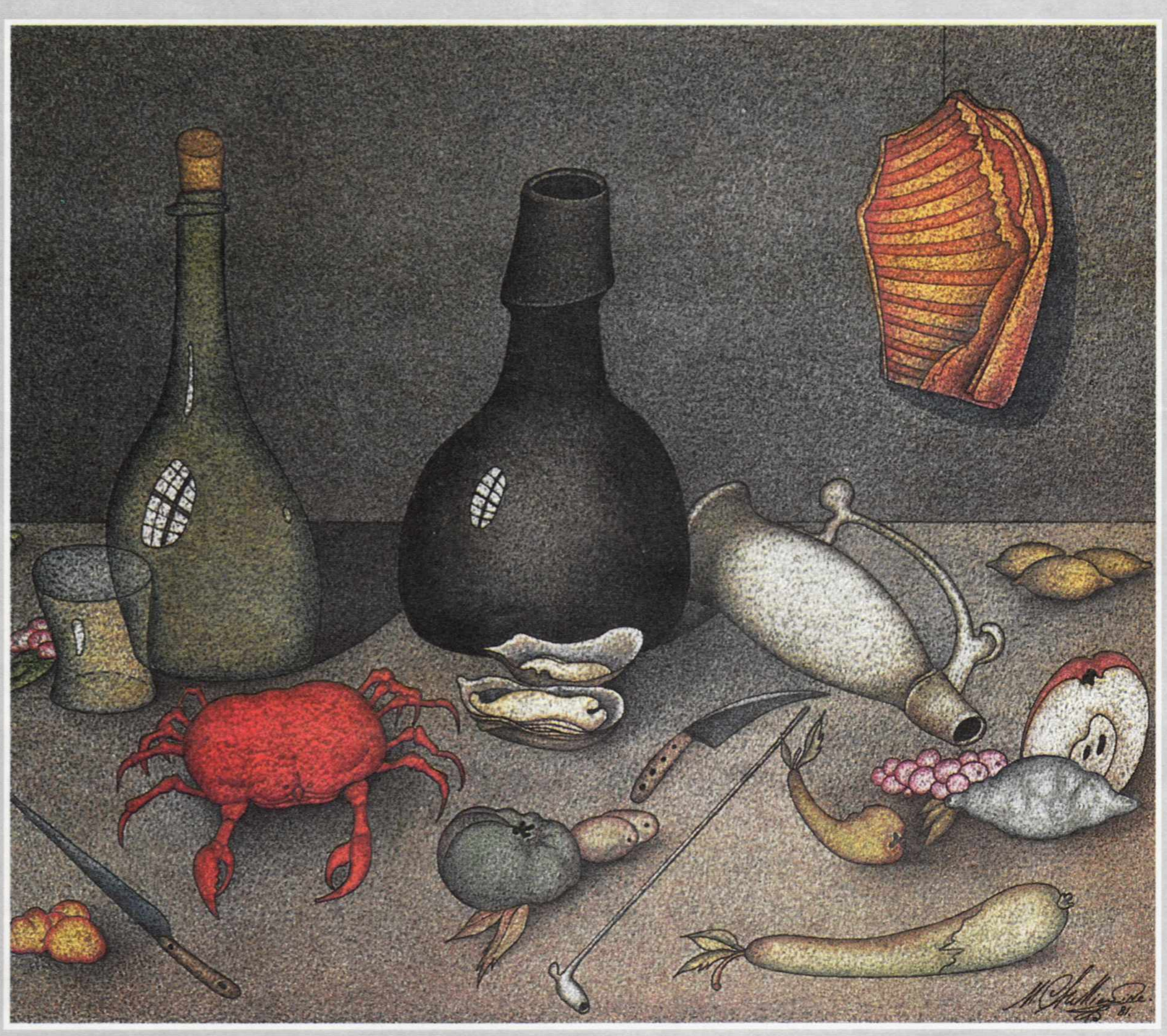
Окончание см. на стр. 25.

---

[1] Вот как, например, это делает В. Хатюшин: «Агранов (Сорендзон Яков Саулович) — первый заместитель Ягоды (Иегуды)». Право, значительная информация для читателя!

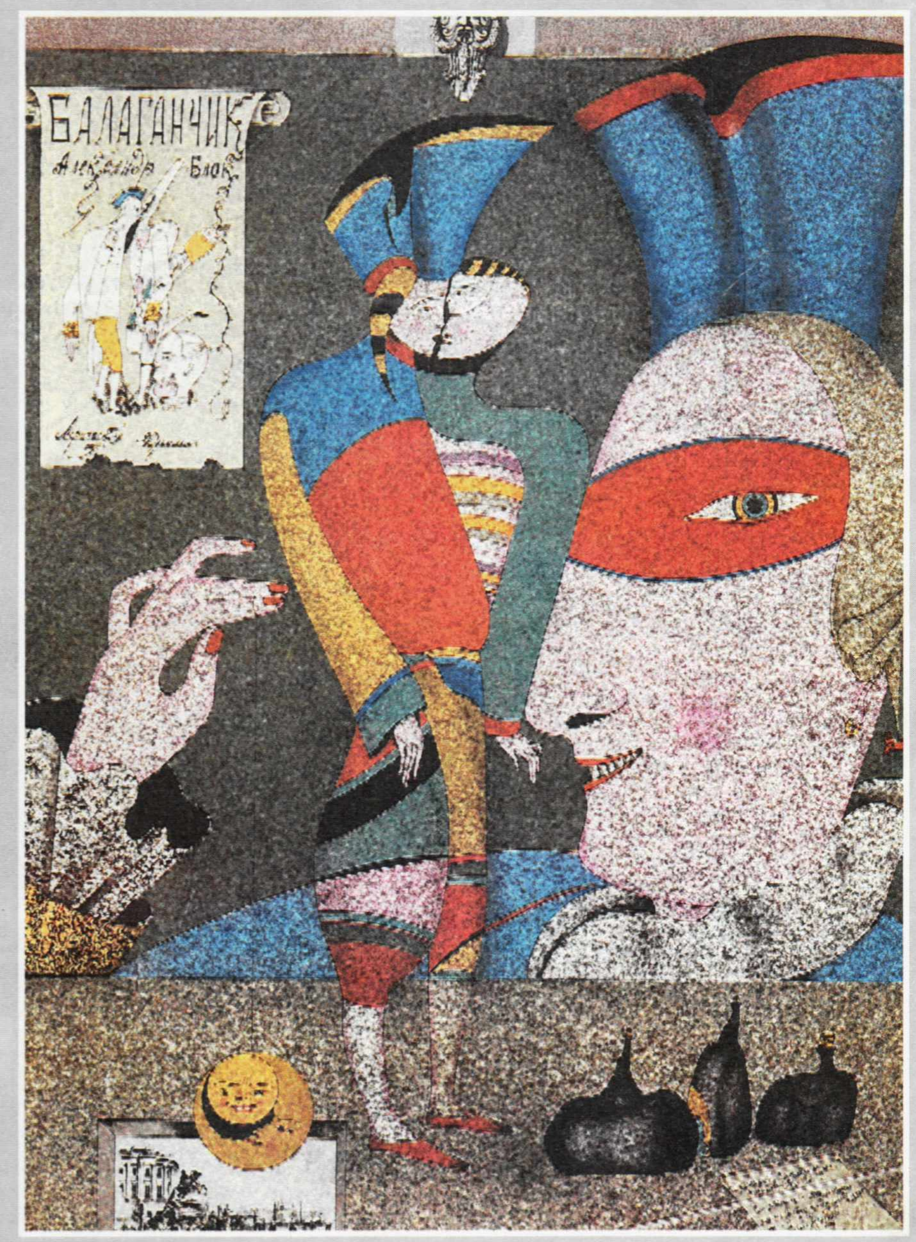
[2] В «Кратком курсе ВКП(б)» говорится: «Главным вдохновителем и организатором всей этой банды убийц и шпионов был иуда Троцкий» (в «банду» включены Зиновьев, Каменев, Бухарин и др.).

НАТЮРМОРТ С КРАБОМ. 1981.

СВИДАНИЕ С РОССИЕЙ

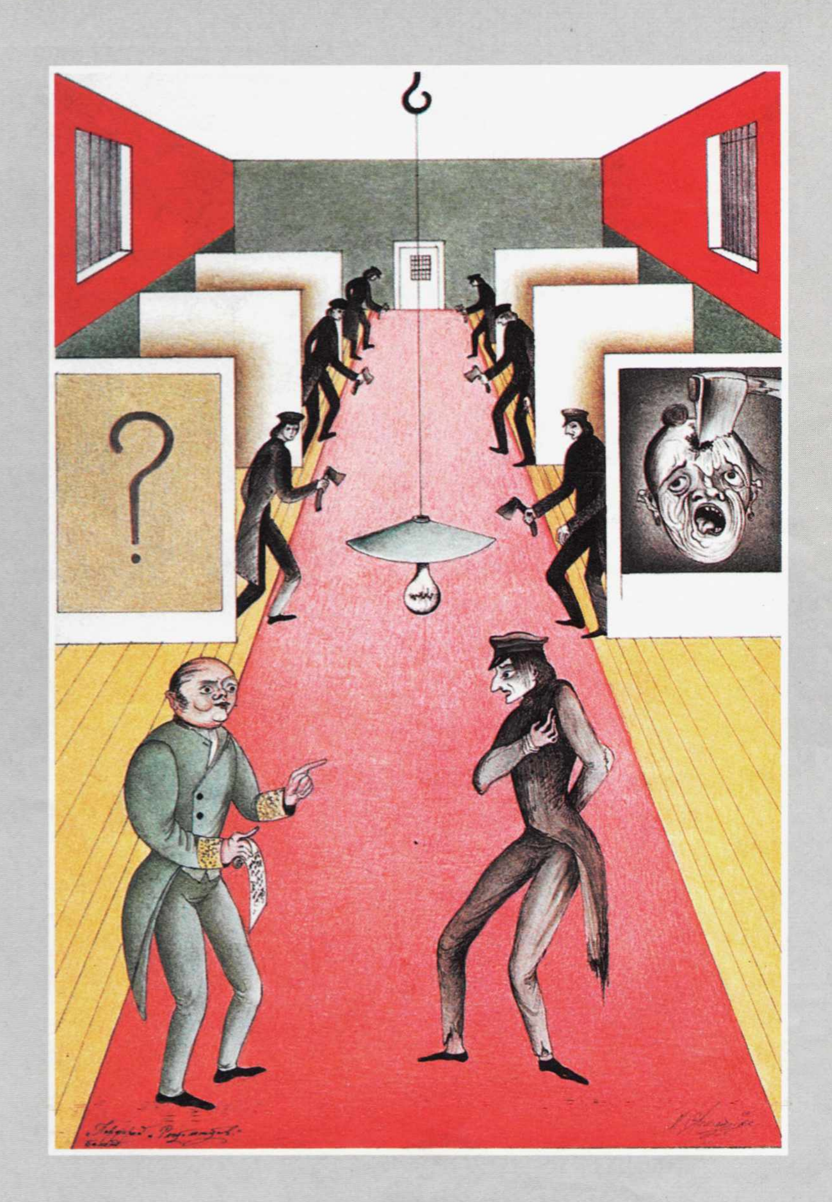
Начало на стр. 8.

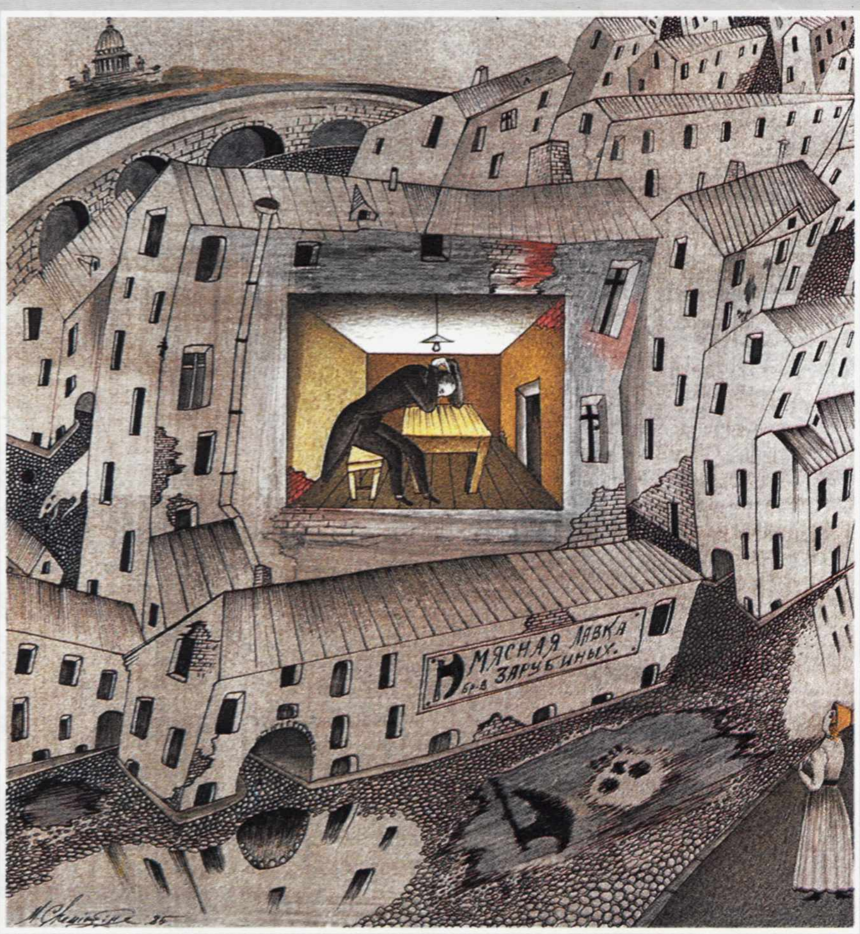
БАЛАГАНЧИК. 1987.

МАРИОНЕТКИ III: БАЛАГАНЧИК. 1988.

ЭСКИЗЫ
К НЕОСУЩЕСТВЛЕННОМУ
БАЛЕТУ
ПО РОМАНУ
ДОСТОЕВСКОГО
«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ».
1985.

ВОСХОЖДЕНИЕ к «КРАТКОМУ КУРСУ»

Начало см. на стр. 24.

дробно на взглядах этого деятеля. Однако нельзя не отметить крайнюю тенденциозность авторов «Нашего современника» в освещении этого вопроса.

Такие факты, как, например, близость позиций Ленина и Троцкого по вопросу о нэпе, отрицательное отношение Троцкого к сталинской коллективизации, выступления Троцкого в защиту культурного наследия прошлого, не укладываются в схему «Нашего современника», а потому попросту отбрасываются. При знакомстве с таким подходом невольно вспоминаются замечательные слова Б. Рассела, сказанные об одном из основоположников средневековой схоластики — Фоме Аквинском: «Прежде чем Аквинский начинает философствовать, он уже знает истину: она возвещена для него в католическом вероучении... Но отыскание аргументов для вывода, данного заранее,— это не философия, а система предвзятой аргументации».

Но если в философии такой метод в принципе допустим, то для исторической науки он совершенно неплодотворен. Особенно наглядно «превратности метода» проявились у публицистов «Нашего современника» при освещении деятельности и общественно-политических взглядов другого ближайшего сподвижника В. И. Ленина — Николая Ивановича Бухарина.

Представляется, что сегодня как никогда требуется спокойный и объективный анализ теоретического наследия и деятельности Бухарина. Нет никакой необходимости сглаживать или преуменьшать его ошибки, забывать о его увлечении на определенном этапе «левацкими» идеями, затушевывать его роль в упрочении культа Сталина в 30-е годы, отбрасывать критические ленинские оценки его воззрений и деятельности.

К сожалению, вместо взвешенного и спокойного подхода, ведущие публицисты «Нашего современника» занимаются главным образом «разоблачением» и огульным поношением Бухарина. Незадолго до реабилитации, когда ложь и клевета вокруг этого имени уже начали понемногу рассеиваться, в 9-м номере «Нашего современника» за 1987 год появилась статья Э. Дубровиной «Не отгорят рябиновые кисти», где «неожиданно» возникает имя Бухарина. «К 1927 году,— пишет Дубровина,— к оппозиции примыкает член ЦК Бухарин. Уже вся партия целиком, весь ее ЦК обвиняются оппозицией в кулацком уклоне». Фраза эта поистине замечательна и в своем роде уникальна — в ней нет буквально ни одного слова правды. К какой оппозиции мог примкнуть Бухарин в 1927 году, даже если бы страстно того желал? Вероятно, только к так называемой троцкистско-зиновьевской, другой на тот момент не было. Да и та была уже разгромлена «идейно и организационно», так что примыкать к ней Бухарину как будто бы не имело смысла. Особенно если учесть, что именно в том, 1927 году он был главным теоретиком большинства, против которого выступала оппозиция. Его доклад «Партия и оппозиция на пороге XV партсъезда» целиком направлен против оппозиции, к которой, по словам Дубровиной, он якобы примкнул. Никогда и никого не обвинял Бухарин в «кулацком уклоне», напротив, это было одним из основных обвинений, выдвинутых Сталиным против него самого. Да и «разоблачение» Бухарина — факт совсем не столь отрадный, как это почему-то представляется Дубровиной.

Вряд ли вообще стоило вспоминать эту уже довольно старую публикацию, если бы она не стала для «Нашего современника» своего рода «программой» последующего «разоблачения» Бухарина. Программа эта сводится в основном к следующему: во-первых, Бухарина на всех этапах его деятельности пытаются представить в качестве далекого от народа левого экстремиста, сторонника разрушения традиционной культуры и насилия над крестьянством (то есть «приблизить» его вымышленные взгляды к столь же вымышленным взглядам Троцкого): во-вторых, Бухарина стремятся изобразить гонителем творческой интеллигенции и, наконец, возложить на Бухарина особую ответственность за травлю крестьянских поэтов.

Именно в этом русле выдержаны статьи Ст. Куняева и В. Кожинова. В отличие от Э. Дубровиной В. Кожинов бесспорно владеет фактическим материалом, не допускает бросающихся в глаза ошибок и искажений фактов. Однако и ему не удается избежать определенной тенденциозности при анализе трудов и политической деятельности Бухарина. Так, в статье «Самая главная опасность» («Наш современник» № 1, 1989) В. Кожинов называет книгу «Экономика переходного периода» основной работой Бухарина. Подобные воззрения уже неоднократно подвергались совершенно справедливой критике в советской печати и явно отошли ко дню вчерашнему исторической науки. Книга Бухарина была опубликована в 1920 году и, по существу, отражала представления о социалистическом строительстве периода военного коммунизма. Как уже отмечалось, эти представления разделялись тогда всей партией, включая Ленина. Кожинову, безусловно, известно, что в начале 20-х годов взгляды Бухарина претерпели коренные изменения. Утверждать, что у Бухарина в 1929 году не было программных расхождений со Сталиным, исходя из рассмотрения воззрений Бухарина периода военного коммунизма, как это делает В. Кожинов, по меньшей мере некорректно. Здесь опять повторяется тот же прием, что и в критике Троцкого,— взгляды политического деятеля, в данном случае Бухарина, представляются как нечто застывшее, раз и навсегда данное, причем взгляды эти излагаются на основе нескольких цитат, взятых из работ периода военного коммунизма.

Интересно отметить, что другой публицист «Нашего современника» — М. Антонов, «разоблачает» Бухарина уже с диаметрально противоположных позиций. Если В. Кожинов считает, что Бухарин принципиально не выступал против сталинской политики, то М. Антонов в полном соответствии с «Кратким курсом», по существу, обвиняет Бухарина в стремлении к реставрации капитализма в СССР. В качестве «доказательства» он приводит «признания» Бухарина на процессе 1938 года. При всем «плюрализме» мнений В. Кожинов, М. Антонов, Ст. Куняев, Э. Дубровина удивительно едины в тотальном неприятии Бухарина и стремлении всеми силами представить его деятельность исключительно в черном свете. При этом они нередко прибегают к весьма сомнительным приемам. Так, М. Антонов, по существу, ставит под сомнение правомерность реабилитации Бухарина. «Видимо,— пишет он,— компетентные инстанции... располагают необходимыми для этого материалами, хотя и не сочли возможным их опубликовать». Совершенно непонятен и крайне бестактен выпад С. Журавлева против вдовы Бухарина, которая, по его утверждению, «через 50 лет» вспомнила устное письмо своего мужа.

Немало сил приложили авторы «Нашего современника», чтобы изобразить Бухарина своего рода блюстителем идеологической чистоты в литературе и искусстве, чуть ли не предшественником Жданова, нигилистом по отношению к культурному наследию прошлого. В упомянутой статье В. Кожинов пишет: «То, всецело негативное отношение буквально ко всему, что было, к плодам тысячелетней истории Родины, которым пронизаны рассуждения Бухарина, внедрилось, увы, в тысячи и миллионы умов и внедрилось, увы, очень надолго». На первый взгляд доля истины здесь есть — Бухарин действительно увлекался теорией «пролетарской культуры», которая в немалой степени способствовала формированию негативистского отношения к историческим и культурным традициям. Однако сам Бухарин никогда не был сторонником административного давления на культуру, в частности на литературу и поэзию. Так, Бухарин был противником насильственного объединения всех писателей в одну организацию. Он писал: «Пусть будет тысяча организаций, две тысячи, пусть наряду с МАППом, ВАППом будет сколько угодно кружков и организаций».

Те, кто читал доклад Бухарина на I съезде Союза писателей, кто знает о его образованности, широте интересов (от живописи и теории музыки до технических проблем и генетики), дружбе с видными учеными, в частности с академиком И. Павловым, вряд ли воспримут образ Бухарина — «всемогущего идеолога» и беспощадного гонителя, который рисуют публицисты «Нашего современника». Были, конечно, «Злые заметки». Увы, действительно злые и во многом несправедливые. Трудно сказать сейчас, что послужило причиной их появления — то ли в пылу полемики с троцкизмом Бухарин написал их в пику Троцкому, который восторженно отзывался о творчестве Есенина, то ли и в самом деле сказался узкоклассовый подход, характерный для деятелей большевистской партии того периода. Как бы там ни было, не понял Бухарин творчества Есенина и не оценил. Правда, обличает Бухарин в этих заметках не столько Есенина лично, сколько те крайне уродливые стороны жизни, которые, по его мнению, нашли отражение в стихотворениях Есенина и особенно его эпигонов. (Ведь и заметки эти начинаются не с Есенина, а с разбора стихотворения П. Дружинина «Российское», которое и в самом деле проникнуто, мягко скажем, национальным самодовольством.) Но даже если предположить, что в отношении Есенина Бухарин был не прав «на все сто», то и это не дает оснований для тех выводов, которые делают авторы «Нашего современника», в частности Ст. Куняев. Бухарин был идеологом партии, но отнюдь не «всемогущим», и его мнение вовсе не было «идеологическим постановлением», как утверждает Ст. Куняев. Тогда, в 1927 году, по вопросам литературы и искусства любой писатель мог спорить с членом Политбюро, не опасаясь репрессивных мер. Во всяком случае, опасаться таких мер со стороны Бухарина не было никаких оснований: его человечность, терпимость, добродушие, благожелательность были известны всем. Думаю, не случайно многие писатели и поэты, в частности Б. Пастернак и И. Эренбург, отказывались верить в обвинения, выдвинутые против Бухарина, и до конца жизни сохранили о нем самые теплые воспоминания. И, уж конечно, не потому Бухарин не помог Мандельштаму, что искренне возмущался его антисталинским стихотворением, как утверждает В. Кожинов. Влияние Бухарина к тому времени было уже невелико и выступление в защиту опального поэта могло привести к прямо противоположному результату.

Думаю, на основании приведенных примеров нетрудно сделать вывод, что обращение к истории для авторов «Нашего современника» не более чем «оружие» в политической борьбе. При таком подходе, естественно, утрачивается любовь к поискам фактов — та основа, на которой должна строиться подлинная историческая наука. Факты легко подменяются догадками. Показалось, скажем, Ст. Куняеву, что Есенин ненавидел Троцкого (то есть должен был ненавидеть, согласно схеме «Нашего современника»), и Куняев уже излагает соответствующую гипотезу. И несущественно для него, что все высказывания Есенина о Троцком и его стихотворения, где этот деятель упоминается, свидетельствуют совершенно об обратном. Можно, конечно, предположить, что Есенин говорил и писал одно, а думал совершенно обратное и свои мысли излагал в поэмах столь зашифрованно, что только Ст. Куняеву через 60 лет удалось этот скрытый смысл разгадать. Но не лучше ли все же опираться на реальные факты? Тем более точность и добросовестность исторических исследований Ст. Куняева вызывают некоторые сомнения. Взять хотя бы то обстоятельство, что даже название всем известной работы Бухарина он, Куняев, оказывается, приводит по... роману Б. Можаева «Мужики и бабы» (см. «НС» № 1, 1989).

В качестве неоспоримых фактов на страницах «Нашего современника» подаются утверждения, которые в лучшем случае можно отнести к разряду предположений. К таковым относится утверждение В. Кожинова о том, что Бухарин будто бы руководил высылкой Троцкого. Это утверждение отрицается многими авторитетными исследователями.

Примеры, свидетельствующие о крайней тенденциозности и некорректности публикаций «Нашего современника», можно было бы продолжить на примере, скажем, недавно появившейся статьи В. Бушина «Когда сомнение уместно». И, вероятно, имело бы смысл продолжить. Однако вряд ли это что-нибудь изменит. Ведь многие публицисты уже обращали внимание авторов «Нашего современника» на их тенденциозный, лишенный историзма подход ко многим проблемам. Но все тщетно...

Когда-то один известный философ писал, что история — это не карьер, где добываются камни цитат, которыми потом проламываются черепа противников. Может быть, авторам «Нашего современника», да и других изданий стоило бы прислушаться к этому совету и, заключив «гражданский мир» в литературе, совместно заняться деловым обсуждением актуальных общественных проблем и воссозданием истории в ее подлинном и лишенном тенденциозности виде.

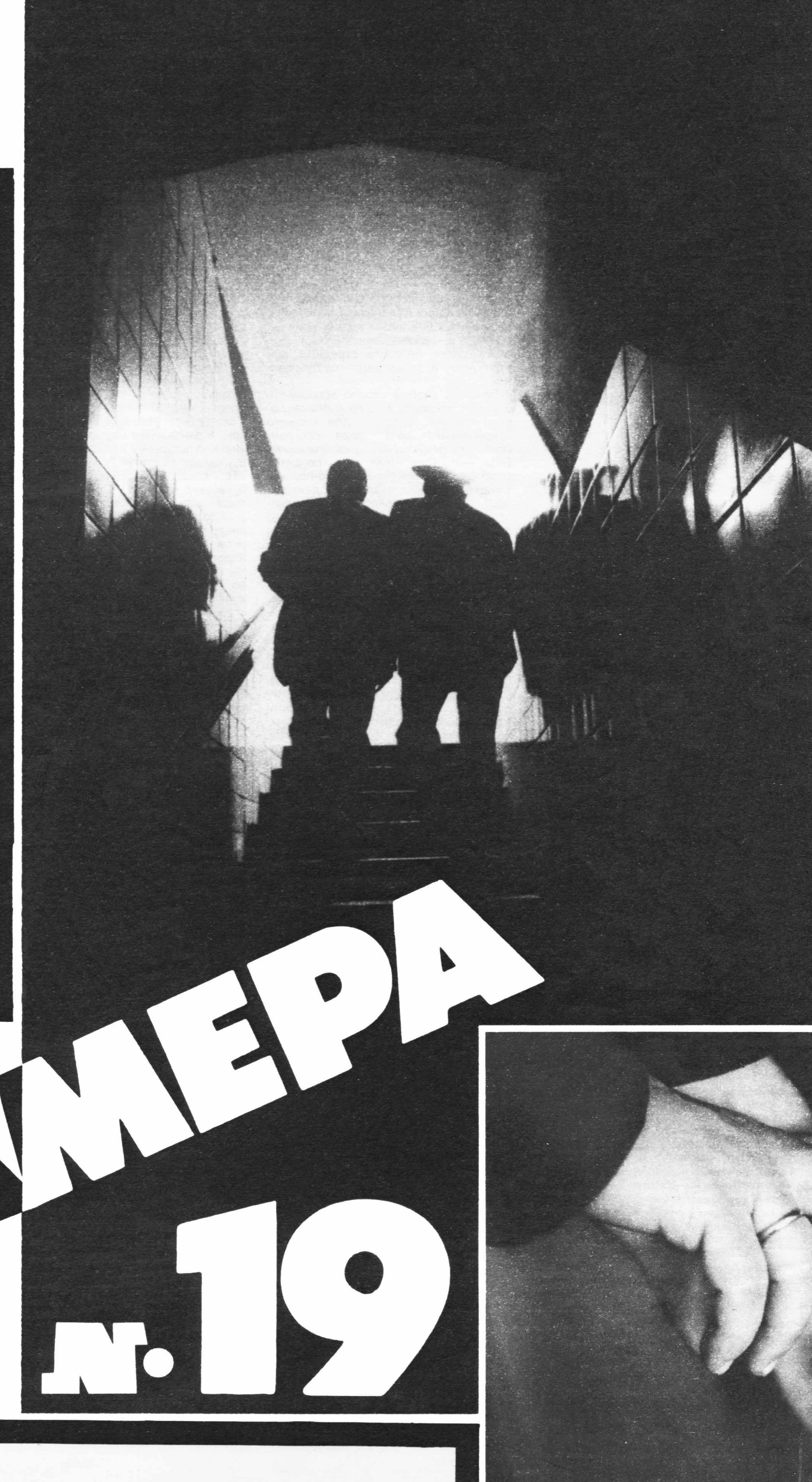
Николай ГУЛЬБИНСКИЙ,
русский, член КПСС, референт НИО
Академии общественных наук
при ЦК КПСС

...Год 1987-й. Из постановления городской прокуратуры: «Учитывая, что для решения возникающих в ходе следствия вопросов необходимо произвести эксгумацию трупа Кравцова Николая Павловича»... Экспертам предстояло выяснить причину смерти.

А причина, казалось бы, была предельно ясна: «Смерть Кравцова наступила в результате заболевания инфильтративным туберкулезом легких». И это заключение патологоанатомов вряд ли вызвало бы сомнение, если бы не рентгеновский снимок, сделанный незадолго до кончины, и запись в медкарте: «Легкие без особенностей».

Итак, истинная причина смерти ставилась следователем И. Поветкиным под сомнение. Но сомнение это разрешить по прошествии двух лет было практически невозможно. Тем не менее эксперт, внимательно исследовав останки, обнаружил: «Скальпированную обширную рану головы, раневые поверхности в области крестца, левой голени и левого плеча; прижизненные переломы ребер и тела грудины».

Это все, на что была способна экспертиза. Остальное же оставалось тайной, которую унес в могилу двадцатидвухлетний Кравцов. Но надежду вселяла одна-единственная строчка из акта экспертизы: «По давности переломов можно высказаться о сроке в 3—12 месяцев до момента смерти...» Из короткой же биографии Кравцова было видно, что этот последний отрезок жизни он находился в следственном изоляторе города Ставрополя. В одной из тюремных камер...

КАМЕРА № 19

Михаил КОРЧАГИН,
специальный корреспондент
«Огонька»

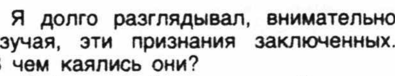
ЯВКИ С ПОВИННОЙ

Это была самая что ни на есть рядовая камера СИЗО, ничем не отличающаяся от тех, которые приходилось мне видеть во время других командировок. Ряды двухъярусных коек, обшарпанный длинный стол с кучкой костяшек домино, параша в углу и традиционная решетка на двухметровой высоте от каменного пола. И тем не менее данная камера явно выделялась в ряду других, отличаясь по местному своему статусу в уголовной среде. Об этом говорили материалы уголовного дела № 23005, которое вел старший следователь горпрокуратуры И. Поветкин.

«Когда меня поместили в камеру,— показал бывший заключенный В. Каменамостский,— **то сразу спросили, знаю ли я, что это за камера. Я ответил, что не знаю. И сокамерник Шеховцев сказал, что в эту камеру так просто не сажают...»**

Из показаний контролеров изолятора: **«Был случай, когда заключенный Стусов, содержавшийся в этой камере, говорил мне, что их «хата» держит в подчинении весь изолятор... Однажды, помню, один молодой осужденный «выламывался» из той камеры, говорил, что если его не уберут оттуда, то он вскроет себе вены».**

И тем не менее мало кто знал, что крылось там, за глухими засовами двери, ведущей в камеру. Но, чтобы понять, что же происходило по ту сторону двери, обратимся к некоторым добровольным явкам с повинной, написанным в стенах этой тюремной обители...

Я долго разглядывал, внимательно изучая, эти признания заключенных. В чем каялись они?

«Я, Кошик В. Н., после освобождения из мест лишения свободы 25 января совершил ряд краж из квартир в Шпаковском и с. Грачевка...»

В районе хутора Садового я облил труп Митинева бензином и поджег его...»

«Выскочил из машины и выстрелил в пассажира **через стекло,** который сидел рядом с водителем».

Но за любым признанием, как правило, следует проведение следственного эксперимента. Подозреваемого в подобных случаях выводят в район происшествия, и последний под стрекот видеокамеры и щелканье фотоаппарата подробно, в деталях рассказывает и показывает, ЧТО, ГДЕ и КАК он сделал в момент совершения преступления. Вывели на этот раз и Кошика, чтобы тот подтвердил написанное собственноручно. И разоткровенничавшийся Кошик растерялся...

В районе хутора Садового не смог он показать, где «сжег труп». Неверно указал он и место, где из обреза «выстрелил в пассажира **через стекло»,** которое, кстати, осталось целым, несмотря на наличие убитого. А ограбленную квартиру в селе Шпаковском показал как раз ту, которую, к счастью, **не грабили** никогда.

Итак, следственный эксперимент не подтвердил, а, напротив, поставил под серьезное сомнение то, что эти преступления совершил именно Кошик. Тогда кто же? Явку с повинной в том же СИЗО написал и заключенный В. Подкопаев.

«Я, Подкопаев, в ночь с 15 на 16 июня приехал в село Шпаковское. Решил ждать рассвета, но было скучно, я взял камень, разбил стекло и залез в магазин...»

Но из заключения дактилоскопической экспертизы следовало, что «следы, изъятые на месте преступления, оставлены **не Подкопаевым».** Да и мать Валерия свидетельствовала, что он в те дни, оказывается, «работал на стройке, никуда не выезжал, а дома вел себя странно — ночами писал стихи очень плохие».

Не берусь судить о стихах Подкопаева, но покаянная подкопаевская «проза» явно не выдерживала никакой критики. Спрашивается, зачем было оговаривать себя?!

Не меньше удивляли и другие явки с повинной. Заключенный Семенов, например, убеждал, что совершил «изнасилование». С той же легкостью шли на самооговор заключенные Амбросашвили, Лыков, Скляр, Анцупов и многие другие. Они «крали» и «грабили», «убивали» и «насильничали». Но надуманные эпизоды рассыпались как карточные домики. И единственное, что объединяло их, так это то, что многие из них были написаны за дверью все той же камеры под номером 19...

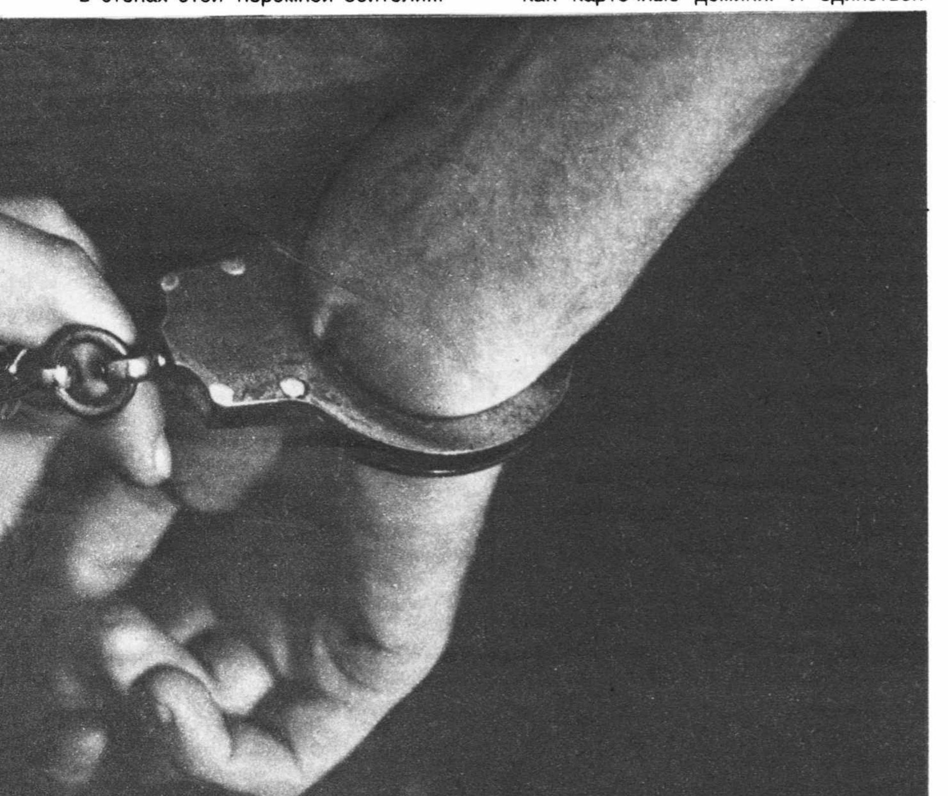

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

В ЗАСТЕНКАХ...

Особой зоной являлась эта тюремная территория для рядовых контролеров СИЗО. Не каждый из них решался без особой надобности переступить порог этой камеры. Я беседовал с некоторыми из них и пытался понять, что заставило заключенных писать такие повинные. И то, что поведали они, видевшие в дверной глазок ВСЕ, не поддавалось простому описанию.

Я долго подбирал необходимые слова, чтобы без излишних эмоций поведать читателю то, что творилось за дверными засовами. Но в итоге ограничился беспристрастными цитатами из дела № 23005:

«Заключенный Онойко прыгал на Кошика со второго яруса кроватей. Он же поджигал на Сезко одежду... Шеховцев разбил голову какому-то цыгану».

«У одного молодого парня вместе с зубами вырывали золотые коронки нагретой ложкой — били чем-то по ложке, несмотря на то, что парень умолял этого не делать и сильно кричал от боли».

«Заключенного Халиса с силой, резко «сажали» на ягодицы, ударяя об пол...»

«Б. избивали в течение двух месяцев каждый день... С ним же насильно совершали половые акты, заставляли мазать на хлеб кал и есть...»

«Подкопаева избивали скамейкой до такой степени, что сломали ему обе руки...»

«Я терял сознание, меня обливали холодной водой и снова били».

Происходящее в камере скорее походило на пытки. А если и пытки, какова в таком случае их цель? Чего добивались заплечных дел мастера?

«Цель избиений и совершения мужеложства — заставить любой ценой написать явку с повинной»,— показал потерпевший Лыков.

Но зачем одним заключенным понадобилось понуждать других к явке с повинной?

Именно на этот вопрос и предстояло ответить следователю И. Поветкину. Он-то и выяснил, что истязали арестованных несколько заключенных во главе с Долгополовым — «барином» камеры. Он же и собирал «явки с повинной».

«Добытые пытками явки Долгополов кому-то относил. Кому именно передавал он их, я не знаю».

Но не одни только самооговоры выносил «барин».

«Однажды заключенный Онойко вырвал у какого-то нерусского коронки и зубы вставные. Эти коронки унес куда-то Долгополов, а кому он их передавал, я не знаю».

Связь «пресс-хаты» * со внешним миром была налажена отменно. И не случайно «барин» со своими сатрапами в отличие от остальных сокамерников пользовались определенными привилегиями. В камере можно было найти запрещенные режимом изолятора сигареты с фильтром, спички (одно из орудий пыток), даже дорогие духи. Имелись и наркотики, наглотавшись которых, изуверы принимались за свою очередную жертву.

Некоторые из жертв показали позже: «Еще до избиения меня Долгополов намекнул, что он работает на какого-то «кума». «Я написал сразу три явки, которые Долгополов передавал майору внутренних дел по кличке «цыган».

* Так на жаргоне уголовников называются подобные камеры.

ПОВЫШАЯ ИДЕЙНЫЙ УРОВЕНЬ...

Согласно служебным характеристикам и наградным листам, в этом здании бывшей тюрьмы времен Николая I «строго соблюдались требования социалистической законности», а сам СИЗО состоял исключительно из «честных, грамотных и принципиальных» сотрудников. Потому-то и сыпались на кители принципиальных сотрудников СИЗО награды за отличную службу в органах МВД. Одним из таких «отличников» и являлся Виктор Петрович Лазаренко, зам. начальника СИЗО по оперативной работе. Он же «кум», он же «цыган»...

...И вот мы беседуем с ним в здании краевого суда.

— Ни в чем не виноват... Да вы взгляните на документы, характеристики...

А характеристики действительно были прекрасны: «систематически повышает свой идейный уровень» и т. д. и т. п.

Но при чтении подобных строк на память приходили листы из уголовного дела:

«Майор Лазаренко дал задание Долгополову об избиении заключенного Сезко В. В. с целью получения от него явок с повинной. В процессе пыток на Сезко поджигали одежду».

А он все подсовывал стандартные бланки отпечатанных характеристик, которые явно не вязались с выписками из того же уголовного дела:

«Грамотно решает внезапно возникшие служебные задачи...»

«Лазаренко поручил мне в буквальном смысле «выбить» любым способом из Кошика явку с повинной об убийстве и сожжении трупа где-то в поле, об убийстве людей в машине. Кошика избивали месяца полтора, и он все время писал явки».

«Успешно применяет знания в практической работе...»

«Работники оперчасти настолько приучили меня к наркотикам, что я без них уже жить не мог и за наркотики готов был на все».

«Периодически выступает перед осужденными с ***чтением*** *лекций...»*

«Майор *зачитывал* перечень преступлений, совершенных в Краснодарском крае: изнасилование у какого-то вагончика, кража из магазина. Когда меня, избивая, вынудили писать явки, я стал вспоминать те чужие преступления, о которых мне читал Лазаренко, предлагая взять их на себя».

— Рассудите сами, для чего мне-то явки с повинной,— не унимался морально не устойчивый майор.

Действительно, для чего? Ведь все эти массовые «признания» рушились уже на следствии. Какова же цель выбивания явок с повинной? Ясность внес приговор:

«С целью создания видимости благополучия в проводимой под его контролем оперативной работе среди подследственных и осужденных, в **погоне за высокими показателями** раскрываемости преступлений подсудимый Лазаренко с помощью созданной им группы доверенных лиц из числа осужденных... организовал систематическое применение физического насилия к арестованным с целью получения от потерпевших явок с повинной».

Если так, то одному ли Лазаренко нужна была эта «видимость», платой за которую стали человеческие судьбы? Только ли он один так нуждался в высоких показателях? Ведь чем, по сути дела, являлся в этой истории зам. начальника СИЗО? Не чем иным, как продуктом системы. Той самой системы, успешно продвигавшей по служебной лестнице майора Лазаренко. Она-то

и диктовала ему свою волю: повышать процент «раскрытия преступлений».

Ведь чего бы это ему ни стоило, «цыган» **обязан был обеспечить** «взаимодействие с органами внутренних дел по вопросам раскрытия преступлений». Он и «обеспечивал», привлекая к этому мероприятию отпетых уголовников. За что система и расплачивалась с бывшим майором конкретными премиями:

«70 рублей — за раскрытие преступления;

100 рублей — за умелое проведение оперативных мероприятий, позволивших обезвредить опасного преступника». (Интересно, которого из вышеперечисленных «преступников» удалось «обезвредить» майору?)

Но не одними премиями отмечалась деятельность майора. Заслуги его были отмечены медалями «За безупречную службу» всех трех степеней. И только в конце послужного списка затерялся коротенький приказ №150: Виктору Петровичу объявлен один-единственный выговор. Примерного майора пожурили так, будто шла речь об опоздании на работу. А ведь речь шла о человеческой жизни. Заключенный Алымов, видимо, не выдержав увиденного в СИЗО, кончил жизнь самоубийством — добровольно предпочел мир иной миру насилия, царившему в изоляторе. Какой же вид пыток не выдержал он, какое «преступление» не признал? Отказался писать явки с повинной? Или написал и от безысходности покончил с собой? Кто ответит?

Неразгаданной осталась и смерть двадцатидвухлетнего Николая Кравцова, скончавшегося в тех же стенах при довольно странных обстоятельствах. Не случайно же старший следователь И. Поветкин в постановлении о производстве эксгумации трупа Кравцова (якобы умершего от «туберкулеза легких») отмечает: **«Возникает сомнение в том, что причина смерти Кравцова установлена правильно».**

Ведь обнаруженные при эксгумации прижизненные увечья появились у Кравцова именно в период его содержания в «пресс-хате» . Но о переломах упорно умалчивается в медицинской карте Кравцова. Как указали эксперты, «каких-либо записей о телесных повреждениях в этом документе (медкарте.— **М. К.**) нет». Получается, в медчасти изолятора о травмах умолчали. Почему? Чтобы не вызывать подозрений у заезжих комиссий и надзирающих прокуроров? Ведь именно для этого, в целях пущей конспирации, весь состав «прессовщиков» периодически перемещался из одной камеры в другую. Из 19-й в 58-ю, из 58-й в 59-ю и так далее.

Это была камера-призрак, камера-ад, кочующая по всему изолятору...

СВИДЕТЕЛИ?..

И все-таки, как бы ни были глухи засовы, о происходящем не могли не знать работники СИЗО. Не могли не слышать контролеры тех криков, доносящихся из ада. Впрочем, они-то как раз и слышали. А услышав, писали рапорты. Хотя участь каждого такого рапорта была схожа с участью остальных:

«Я писала несколько рапортов, и все они куда-то исчезли... Многие рапорты не рассматривались, изымались из личных дел заключенных. Нарушители оставались безнаказанными. Контролеры постепенно переставали реагировать на нарушения и писать рапорты, видя безнадежность».

Незавидным становилось и положение их авторов: «Те, кто добросовестно выполнял свои обязанности, исправно писал рапорты, те преследовались в открытую».

На скамье подсудимых оказался один лишь Лазаренко.

Один подсудимый и 57 свидетелей... Но неужели всего один человек мог бы в течение двух лет (!) безостановочно раскручивать маховики этой машины пыток? Неужели никто, кроме контролеров, не был в курсе происходящего? Или в одиночку возможно организовать такую хорошо продуманную систему, в которой было предусмотрено все до мелочей? Ведь даже когда очередную жертву заводили в камеру, то о ней там уже знали буквально все. Каждую мелочь биографии.

«Когда я пришел в камеру №19,— показал суду потерпевший Н.,— то сразу же был удивлен тем, что заключенные очень хорошо осведомлены о моем прошлом. Они знали, что я учился в летном училище, что я был отличником, хотя все они были незнакомы мне и я их тоже видел впервые».

Кто-то же информировал их.

И тем не менее судили одного Лазаренко. Остальные же вставали перед председательствовавшим на суде Н. Г. Никитенко, дабы рассказать «правду и ничего, кроме правды».

Интересно, что свидетель Матвеев полностью отрицал даже факт существования камеры пыток как таковой, хотя и служил оперуполномоченным и не мог этого не видеть. Именно его фамилия мелькала в показаниях контролеров чаще всего:

«Я неоднократно видела, что тот самый Долгополов встречался с оперуполномоченным изолятора **Матвеевым.** После его ухода я делала у Долгополова обыск и обязательно находила сигареты, наркотики. Если кто и был всему зачинщиком, так это **Матвеев...»**

«Основные виновники в организации «пресс-хаты» были Юшков и **Матвеев».** Безусловно, один лишь суд может решить, виновен человек или нет. Но можно ли пройти мимо этих показаний, зная, что творилось в камере?

Здесь невольно задаешься вопросом: не явилось ли данное уголовное дело той малой частью огромного айсберга, невидимая часть которого осталась, увы, неисследованной. Хотя она-то и представляет сегодня гораздо большую опасность...

ТРЕТИЙ — ЛИШНИЙ...

Итак, сдано в архив дело бывшего майора Лазаренко, получившего в итоге лишь три года лишения свободы **условно.** Но не о чрезмерно мягком наказании хотелось бы повести здесь речь. (Это тема отдельного разговора.) Вопрос сегодня в другом: как предотвратить подобное в будущем? Конечно же, не путем более интенсивного чтения лекций по повышению идейного уровня в среде работников СИЗО. Просто на самой ранней стадии следствия всегда, к сожалению, отсутствует одно юридическое лицо — адвокат.

Так кто же против того, чтобы у попавшего за решетку был защитник, который бы присутствовал уже на первом допросе? Я беседовал со всем «треугольником» (подследственный — адвокат — следователь). В итоге выяснилось: против — следователь. Почему? «А у нас тайна следствия!..» — слышал я в основном. Тайна от кого? От адвоката: мол, он «работает» на родственников, лицо заинтересованное... Непрошибаемая логика...

Но если следователи так не доверяют адвокату, то почему в таком случае адвокаты должны доверять следователям? Почему мы должны доверять следователю? Или мало было случаев, когда они применяли недозволенные методы следствия?

Что гарантирует ТАМ, за закрытой дверью следственного изолятора, защиту от унижения, насилия, провокации в конце концов? Метровые стены? Оно-то, как убедились мы, гарантируют совсем обратное: помимо «тайны следствия», сохранение «тайн» иных, ставших на этот раз достоянием суда. А будь рядом адвокат, до ТАКОГО бы, уверен, не дошло. Тем не менее для определенной части юристов адвокат в СИЗО — третий лишний.

Пока же из редакционной почты мы то и дело узнаем о фактах вопиющего беззакония, тем более страшного, что творится оно как бы под прикрытием самого же Закона. Если бы, к примеру, рядом с бывшим председателем колхоза «Заветы Ленина» Петровского района М. Копликовым был в камере защитник, не заговорил бы о своих «преступлениях» председатель. А в камере №6 изолятора временного содержания Ленинского РОВД, куда М. Копликов незаконно был определен бывшим начальником УБХСС В. М. Рощиным, не произошло бы трагедии:

«Вынужден был признать свои «преступления» лишь после того, как сломали 7 ребер и отбили почку,— пишет в редакцию М. Копликов.— Работающий на опорчасть и на Рощина стукач Мирошниченко В. В. вместе со своим подручным били до полусмерти, били так, что в результате признал, что ко всему прочему я еще и агент ЦРУ. Требования предоставить адвоката со дня ареста оставались без успеха. Начальник УБХСС Рощин В. М. знал об избиениях, но делал вид, что ничего не произошло. Уголовное дело против него так и не возбудили. Только «понизили» в должности — произвели в чин начальника кафедры высших курсов милиции, где он и по сегодняшний день делится своим опытом с будущей сменой...»

ЭПИЛОГ С ТРЕМЯ МИЛЛИОНАМИ

Исчезла «пресс-хата» в СИЗО, но нет уверенности в том, что в стенах другого, неизвестного нам изолятора очередной невинный узник, склонившись над листком бумаги, не выводит сейчас дрожащей рукой: «Я убил...» Уверенность эту не дает прежде всего редакционная почта, идущая из разных концов страны. А ведь за двумя этими историями — серьезная проблема: условия содержания в следственных изоляторах.

Я не призываю превратить следственные изоляторы в благоухающие курорты. Но имеем ли мы право лишать подозреваемого всего того, что имел он до ареста? А вдруг арест оказался ошибочным? Ведь в следственной камере сидит не преступник. Таковым его вправе назвать только суд. Но может и не назвать, выпустив его из-под стражи. Так почему же подозреваемый порой лишен самого элементарного человеческого минимума: переписки и свиданий с самыми близкими родными (о телевизоре в камере я уже не заикаюсь — это роскошный атрибут следственных камер «дикого» Запада)? Без этого минимума человек дичает, он перестает быть Человеком, а, теряя собственное «я», сливается с уголовной массой.

В местах лишения свободы «новобранцы», впервые (подчас по недоразумению) попавшие в уголовную среду, постигают негласные законы этого мира. Но беда еще и в том, что эти законы устраивают и некоторых работников этих учреждений. А иначе как, минуя проходные, двойные решетки и колючие заборы, попадает туда запретное. Ведь за один только 1987 год в исправительно-трудовых учреждениях страны было изъято денег на сумму более 3 000 000 рублей (!). Только при поверхностных обысках было обнаружено 1,5 центнера наркотиков, 145 000 колюще-режущих предметов и 25 000 литров спиртного. Это лишь то, что обнаружено. А сколько осталось лежать в тайниках?

Итак, чем же сегодня в основной своей массе являются следственные изоляторы страны? Это прежде всего тяжелая ноша, затрудняющая и без того нелегкое восхождение к правовому государству. И выход здесь один — в срочном освобождении от этой постыдной ноши.

Следственные изоляторы страны должны стать местом лишения *свободы.* Именно свободы! Но не оставаться местом лишения достоинства Человека, его чести...

Киностудия «Союзмультфильм» с 1 января 1990 года переходит на хозрасчет. Это сообщение я бы заключил в черную траурную рамку. Попытаюсь объяснить свой пессимизм.

Много лет и пресса, и телевидение создавали преуспевающий образ флагмана советской мультипликации: и самая крупная киностудия в Европе, и всеми любимая, и народное признание, и международное и т. д.

Не отстал в этом и родной Союз кинематографистов, похлопывавший по плечу братьев своих меньших. Отношение снисходительно-ласкательное, а в общем-то — унизительное. Унизительное для нас, мультипликаторов, много лет работающих в двух невыразимо тесных церквях, в антисанитарных условиях, но при этом действительно завоевавших и народное, и международное признание. Более двадцати пяти лет ждали мы своего нового здания, но так и не дождались. А оборудование?! На 82 процента амортизированное, да еще и отечественное.

Теперь уже не с кого спросить, кто довел киностудию до подобного состояния. Когда пытаешься во всем этом разобраться, тебе говорят: «Какое это имеет значение? Важно, что сейчас вы сами хозяева своей судьбы. С первого января что хотите, то и делайте!»

Я не разделяю эту эйфорию хозрасчета в мультипликации. Во-первых, никакой критики не выдерживает наша техническая база. Значит, нужно связывать наши надежды с прокатом. А что прокат? А прокат таков: 10 копеек стоит билет на программу мультфильмов из девяти частей.

Производство этих девяти частей обходится киностудии в 300—400 тысяч рублей. А ведь, перейдя на хозрасчет, мы хотим получить, естественно, больше. С каких доходов? С десяти копеек?! При том, что ни один родитель своему ребенку (любимому) не даст лишь 10 копеек на кино. Рубль, а то и два.

Ребенок полтора рубля отстреляет в автоматах, сорок копеек проест в буфете, а десять копеек (наши долгожданные) отдаст на дальнейшее развитие любимого жанра.

Какой выход? С повышением цен на билеты государство не торопится. Говорят, из любви к детям. Тогда, естественно, у нас к государству возникает вопрос: а нас вы любите?

Несколько раз в передаче «Взгляд» бегущей строкой появлялся сигнал бедствия: «Киностудия «Союзмультфильм» ищет спонсора». Это — не от хорошей жизни. Спонсоры так и не нашлись. А речь должна идти не о спонсоре, а о меценате. И в роли мецената должно выступить государство, которому небезразлична должна быть судьба мультипликации как вида искусства.

Прочитав горькое интервью с Дмитрием Китаенко в журнале «Огонек», готов вслед за ним повторить: есть рентабельность экономическая, а есть духовная. И эта, духовная, рентабельность не должна позволить толкнуть киностудию на предстоящий крах хозрасчета.

Гарри БАРДИН,
кинорежиссер

Станислав Горохов и Владимир Анциферов принадлежат к разным поколениям: Горохову за сорок, Анциферову нет и тридцати. Что же их объединяет? Помимо места рождения — оба волжане — и практически полной неизвестности всесоюзному читателю,— прежде всего постановка поэтического голоса. Поэтического не потому, что оба пишут стихи, а потому, что в их лучших строчках присутствует поэзия и добывается она, в общем, одним способом: соприкосновением страдающей души с неровными и грубыми краями жизни.

И еще. Стихи Станислава Горохова и Владимира Анциферова традиционны, что для русской поэзии означает: пронизаны болью, состраданием и теми проклятыми русскими вопросами, которыми задавались поэты еще в XVIII и XIX веках.

Быть может, недостает в этих стихах неба, попытки полета, но, кажется, воспарять без своей земной ноши ни тот, ни другой не согласятся. А с таким грузом подняться в небо непросто. Потому будем ждать от обоих поэтов наращивания мощи голоса и личности.

Станислав Горохов родился в Костроме, юность провел в Ярославле, много лет жил в Сибири, строил Красноярскую ГЭС. В прошлом году переехал в Москву, работает на заводе.

Владимир Анциферов живет и работает в Саратове.

Олег ХЛЕБНИКОВ

СЧАСТЛИВЫЕ ЗАДВОРКИ

Станислав ГОРОХОВ

* * *

Нет войны,
а сирот-то, сирот!..
Где же ты, наша русская жалость?
Посмотри в себя, добрый народ:
сколько целых семей-то
осталось?
Все богаче живем, все сытей.
Все их больше, бездомных детей.
Нет, страна не жалеет забот:
интернаты и школы — любые!
Но растет
безотцовый народ...
А глаза, словно лед, голубые.

* * *

Как страус — под крыло,
я — голову в газету —
и скрылся от семьи...
Ищи меня, свищи.
Лежу, душой дрожу
в тревоге за планету!
(Жена, стирай.
Шатайся, сын.
Перекипайте, щи...)

* * *

На полу она, значит, спала...
А техничка полы подметала —
и увидела, что...
умерла
та — бичиха ночного вокзала.
Ну, конечно, милиция тут:
непорядок под люстрами в зале!
Труп убрали, понятно, в медпункт,
утром — в морг, а потом —
закопали.
Что жалеть привокзальных бичей?..
Не хотят, тунеядцы, трудиться!
...Человек, а выходит — ничей...
И не стоило даже родиться.
А была она чья-нибудь мать,
где-нибудь
ныне здравствуют дети.
Что ж, у смерти
мы все на примете.
Надо чаще
полы
подметать.

* * *

В миг похорон ЕГО земного праха
гудки
на всю завыли Кострому:
«ОН — УМЕР!!!»
Люди плакали... Со страха?
Не плакал я — не знаю, почему.
Стенал над гробом траурный
оракул:
«ОН, умерев, страну осиротил!..»
(Я маму хоронил —
и то не плакал,
а не роднее ж
матери
он был?!)
...И все-таки народное
рыданье
звучит во мне, как божье
наказанье.
Давно живу — на ощупь,
все терпя.
Люблю себя и трепетно жалею!
Но до сих пор и умереть не смею,
и не решаюсь веровать в себя...

* * *

Наконец-то снега отползли,
прянул первый дурашливый
дождик,
и на серой холстине земли
снова начал работу художник.

Стали краски чуть-чуть веселей,
но в мазках еще робких,
неверных...
Вот и стайки пушистых шмелей
налепились на прутиках вербных.

Все, зима, ты отныне мертва.
Вот из трещин в бетонных
дорожках
провалась, словно совесть,
трава...
И пошла
на зелененьких ножках!..

Владимир АНЦИФЕРОВ

* * *

Здесь работают много и носят
в кошелках харчи,
забивают козла, обсуждая
партийные съезды,
и старухи сидят, охраняя
шеренгой подъезды,
а на пасху пекут и соседям несут
куличи.

Я врастаю сюда, в это дерево,
жесть и кирпич,
в эту землю окраин, в железные
эти дороги.
Я врастаю в людей. Я не чту
христианского бога,
но я счастлив, когда нам соседка
приносит кулич.

* * *

Весна. Сырые папиросы.
В краю вагонного кочевья,
где отсыревшие откосы,
где мокнут голые деревья.

И где земля, подобно жабе,
утробно квакает от влаги
на провисающие хляби
из промокательной бумаги.

Вот так туманны и убоги
мои счастливые задворки,
мои железные дороги
и сортировочные горки.

ПУСТЫРЬ

Неглядящего зренья уроки,
что я брал у него на лету,
обгоняя нормальные сроки,
утвердили мою слепоту.

Это может быть больше,
чем разум,—
ожидание, что повезет.
Это вспышки прозрения разом,
от помоек до горних высот.

А подсказчик единственный —
совесть.
Только совести благодаря
я и вправе записывать повесть
наших лет, моего пустыря,

где я выращен злой, непокорный,
плоть от плоти проросший в пыли
обжитой, но такой беспризорной,
неухоженной этой земли.

* * *

Здесь душевная дремлет руда,
и легко быть неряшливо грубым.
И течет бытовая вода
по вспотевшим заржавленным
трубам.

Но отсюда, как завязь-дичок,
из тепла типовой колыбели
поднимается вверх кулачок
и младенческий плач Рафаэля.

* * *

Коммунальная дремлет квартира...
Невидимка, тихоня, сверчок
в сердцевине предметного мира
поднимает вечерний смычок.

Кто не ведает хитрой науки,
удивляется — как же он смог,
повседневные слушая звуки,
разучить поэтический слог

и настолько исполниться духа,
что не значат уже ничего
ни его музыкальное ухо,
ни дрожащее тело его.

ГЛАГОЛЫ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

Продолжение.
Начало см. на стр. 6.

восемнадцатистраничную записку «О ходе и перспективах экономического соревнования СССР и США» и показали ее Засядько. Он пришел в восторг. Сразу же по вертушке связался с Хрущевым, а затем посадил нас в своем кабинете, обязал пить кофе и дожидаться его возвращения. Вернулся часа через два и с гордостью рассказал, что Хрущев все прочитал, сделал одно небольшое замечание и сказал: продолжайте работать всем Госпланом, подключите Академию наук, все министерства и вообще всех, кого следует. Машина закрутилась на полных оборотах. Вскоре мы подготовили доклад с учетом всех предложений. Он был рассмотрен на коллегии Госплана и передан в ЦК. Потом я три месяца ходил, как на работу, в ЦК — писал раздел «Экономическое соревнование двух систем и построение коммунизма в нашей стране», который в дальнейшем и вошел в Программу КПСС.

Концепция нашей записки родилась сравнительно просто. В тот момент начала развиваться футурология, приверженцы которой пытались не только описать будущее, но и выразить его в конкретных цифрах.

— Неужели все верили в футурологию?

— Ну почему, скептики были. Один американский ученый сказал, что люди планируют будущее, а оно оставляет людей в дураках. Мы же поняли справедливость его слов значительно позже. Тогда, имея под рукой статистические данные и зная основные тенденции развития СССР и США, мы прибегли к экстраполированию, то есть повернули прошлое в будущее и определили перспективы на пять — пятнадцать лет. Расчет показал, что наш уровень жизни того времени составлял 50—60 процентов от американского. А так как, по нашей статистике, мы развивались в несколько раз быстрее, то вывод напрашивался сам: разрыв с каждым годом будет сокращаться. Собственно, это и произошло. По натуральным показателям мы Америку не только догнали, но и оставили далеко позади — по производству стали, газа, цемента и других материалов.

У меня тогда возникла еще одна идея: а нельзя ли будущее определить с другой стороны? Подсчитать, какой уровень жизни нам хотелось бы иметь через двадцать лет, а затем выяснить, что для этого нужно сделать с экономикой. Запросили ученых. Узнали, какой должна быть максимальная жилая площадь у жителей городов и деревень, каким питание. Очень хорошо помню, как директор Института питания, член-корреспондент Академии медицинских наук Молчанова со знанием дела объяснила нам, что такое научное и ненаучное питание.

Обсуждались и другие вопросы, в частности, нужен или не нужен советскому человеку автомобиль. После обсуждения пришли к выводу, не нужен, поскольку большую часть времени стоит на месте и ржавеет. Решили, что люди при коммунизме будут передвигаться на автобусах. Честно говоря, я с этим пунктом был не согласен. Я заядлый рыбак, и мне машина просто необходима. Но в принципе это была такая мелочь на фоне грандиозных свершений, что я на это не обратил особого внимания. Единственно, что смущало, так это уровень жизни наших руководителей. Он еще в 1960 году намного превышал все нормы жизни будущих жителей коммунистического общества. Я спросил об этом Засядько. Он уверенно ответил, что, по мнению Хрущева, и при коммунизме будут номенклатурные работники. Меня это смущало. Я знал, как жил Сталин, его ближайшее окружение, но тогда мы исходили из того, что так положено.

— А вы действительно знали?

— Да, я работал в Кремле и был помощником заведующего Секретариатом Совнаркома СССР. Кстати, меня Сталин лично знал, поскольку я готовил документы, которые он подписывал. После войны я написал книгу. «Военные финансы капиталистических государств». Однажды утром открываю газету и узнаю, что стал лауреатом Сталинской премии. Мне секретарь ЦК КПСС П. Н. Поспелов рассказал, что Сталин собственноручно вписал мою фамилию в список. Это было в 1951 году. Еще раз обо мне Сталин вспомнил, когда перед выпуском своей последней книги «Экономические проблемы социализма в СССР» решил провести дискуссию. Этим мероприятием тогда руководили Маленков, Суслов. Меня Сталин порекомендовал сделать председателем комиссии по выработке резолюции.

Извините, я снова отвлекся. Мы верили в преимущество нашего общественного строя. В статистику, которая отражала это преимущество, и многое нам казалось по плечу. И народ тоже верил. Я лично прочитал сотни лекций для партийных активов Москвы, Киева, Ленинграда, Новосибирска и срывал, как правило, бурные аплодисменты.

— И неужели не получили ни одной каверзной записки?

— Конечно, получил! Кстати, много вопросов задавалось об уровне жизни наших руководителей. Но у меня был отработан один метод. Если записка в рамках возможного, я давал четкий ответ. Если же она носила острый характер и ставила в трудное положение, то я клал ее в левый карман и в конце выступления объявлял: «Есть еще ряд записок, но они носят частный характер. Авторов прошу подойти». Как правило, никто не подходил.

— Наверное, боялись.

— Конечно. С позиций сегодняшнего дня трудно оценить то, что происходило тогда. Поймите, атмосфера была совершенно другой. Иной раз вопрос задать страшно, не то что вслух сомнение высказать. Мы прожили такую тяжелую жизнь. Я вырос и начал работать во времена культа. Много моих друзей погибло или было арестовано. Как я сейчас понимаю, ни за что. Когда я еще учился в Ленинграде, один мой знакомый отобрал у мальчишки рогатку и пришел в общежитие, где на стене две фотографии висели. Бухарин под стеклом и Сталин бумажный десятикопеечный. Друг, Брызгалов Сергей, сел на кровать и стал по ним из рогатки горохом стрелять и приговаривать: этот твердолобый — про Бухарина, а это мягкий, податливый — про Сталина. Кто-то из школьников настучал, друга арестовали. Мы потом так и не смогли его разыскать. Чудовищная несоразмерность поступка и наказания.

Однажды в кабинете Берия, который в то время курировал топливно-энергетическую промышленность, я увидел карту лагерей. Чуть с ума не сошел: Воркута, Норильск, Камчатка, Казахстан, Подмосковье...

— Вам ее Берия показал?

— Нет, он вышел из кабинета, а я из чистого любопытства шторки-то и раздвинул на карте. А знаете, меня испугало не то, что у нас так много лагерей. Мне стало страшно, что я об этом случайно узнал. До сих пор карта перед глазами стоит.

Несколько лет спустя мне Меркулов дал указание написать проект биографии Берия для Большой Советской Энциклопедии. Дали четыре странички, на которых только основные даты — родился, учился, и попросили вложить душу и сделать 24 страницы. О том, чтобы отказаться, и речи быть не могло. Мне намекнули, что мою кандидатуру сам Берия предложил. Видимо, запомнил меня. Короче, приступил я к исполнению. Изучил биографии великих — Лассаля, Гегеля, Фейербаха. И, поразительное дело, в итоге после многочисленных доработок всех редакторов лучшие качества этих людей оказались качествами самого Берия. И если бы этого не произошло, последствия могли для меня и других энциклопедистов оказаться самыми плачевными. В дальнейшем это подтвердилось. Мы теперь знаем, что стало с авторами многочисленных работ, вышедших из-под пера Сталина и Берия — немногие из них дожили до наших дней.

Страх сковывал буквально все: поведение, мышление, работу. Он был частью атмосферы и, казалось, витал в воздухе.

Владимирский, бывший начальник следственного управления по особо важным делам, став начальником управления кадров ГУСИМЗа, иногда приглашал меня на футбол. Я был в то время начальником валютно-финансового управления в этом министерстве: подобные приглашения удивления не вызывали. Сидим однажды на стадионе «Динамо». Внизу разворачивается футбольное сражение, и вдруг Владимирский говорит: «Александр Михайлович, посмотри повыше». Я оглянулся и увидел молодого парня лет тридцати пяти. Парень серый, неприметный, но зато рядом с ним сидит девочка лет 18 — предел мечтаний. Все при ней. Просто с ходу можно влюбиться. Я Владимирскому: «Девушка в моем вкусе». А он: «Ты на парня смотри. Это палач. Он приводит в исполнение смертные приговоры Военной коллегии». У меня мурашки по телу. «А девушка об этом знает?» — спрашиваю. «Нет, об этом знают только трое. Он, я и теперь ты»,— и хитро на меня посмотрел. Если бы все мячи мира в одни ворота влетели, я бы в тот момент даже и не вздрогнул.

Для нас, сотрудников аппарата, существовал еще особый вид страха. Мы боялись стать жертвой какого-либо недоразумения. Иногда это могло стоить жизни.

Вот, помню, Сталин направил документы для подготовки решения о финансировании Вооруженных Сил СССР, которые начнут боевые действия против Японии 8 августа. На записке Сталин написал: «Думаю, нужно поступить по аналогии с Германией». И представьте себе, этот документ у меня со стола пропал. Я убежден, что японцы дали б мне миллиард долларов за этот клочок бумаги, потому что действие разворачивалось за месяц до объявления войны Японии. Не сходя с места, я заявил о пропаже. Была образована комиссия в составе Кабулова, зам. наркома госбезопасности, коменданта Кремля Спиридонова и Управляющего делами Совнаркома Чадаева. Документ был сверхсекретным, и мне грозил расстрел. Все в недоумении. Я из кабинета не выходил, что подтвердил майор, охранявший мою дверь. Обыскали кабинет, бумаги, меня — ничего не нашли. Оставался только один вариант — теоретический, что я его сжевал. Документ нашелся только через две недели. Отправляя материалы на вечное хранение, начальник секретного отдела ГКО просвечивал их специальным аппаратом и обнаружил наслоение двух текстов. Это был классический пример действия статического электричества — один документ прилип к другому.

А я эти две недели не спал. Каждый день с жизнью прощался.

Усугубляли эту атмосферу и взаимоотношения между сотрудниками аппарата. Доносить друг на друга считалось не просто нормальным. Фискальство ставилось на один уровень с преданностью и даже патриотизмом.

Закладывали очень часто. Мы практически перестали разговаривать, проявлять эмоции. Естественно, это накладывало свой отпечаток. Раз не нужно общаться, значит, нет необходимости читать, узнавать что-то новое. Постепенно люди обрастали непробиваемым панцирем. У нас работал такой товарищ, которого называли «золотая задница». Приходил к девяти, садился за стол. Вставал в перерыв. Обедал и снова до шести. Вот специфический стиль работы основной массы чиновников авторитарной эпохи.

Я знал одного генерала, который ни разу ни к кому в гости не ходил и к себе никого не приглашал. Он считал, что среди гостей обязательно найдется стукач и из-за одного анекдота все могут пострадать.

А со мной вот еще какой случай произошел. Нужно было подписать чек на два миллиона долларов, чтобы уплатить англичанам за поставки в годы войны. Суммы до двухсот тысяч подписывал я сам, свыше двухсот только Микоян, как народный комиссар торговли. Прихожу, а он принимает директора Астраханского рыбкомбината. Стою, жду. Вдруг выскакивает директор, весь сияет: «Только подумайте, какая память у Анастаса Ивановича. До войны меня принимал. Я тогда дочь просил в институт устроить. Так он меня спустя столько лет о дочери спросил. Какая война прошла, а он помнит». «Чего вы радуетесь? Секрет памяти в этих сейфах. Прежде чем вас принять, он взял папки и посмотрел, о чем тогда с вами разговаривал». Кто-то на меня донес. Через день захожу к Микояну, здороваюсь, а вместо ответа: «Что вы, Александр Михайлович, по поводу моей памяти проезжаетесь?» Я понял — никогда не простит. Иду к себе в кабинет, настроение отвратительное, а тут секретарша: «Вас в кабинете нарком госбезопасности тов. Меркулов дожидается». Я совсем растерялся. Заглянул. Меркулов около моего стола сидит. «Я к вам с просьбой. Меня товарищ Сталин от работы отстранил. У нас шифровальщик в одном из посольств за границей сбежал. Ну, его-то мы найдем, а вот меня товарищ Сталин назначил начальником Главного управления советским имуществом за границей. Я вас приглашаю в качестве члена коллегии, начальника валютно-финансового управления». Я, не раздумывая, согласился.

— Но ведь после XX съезда партии наступила «оттепель» и стало легче дышать...

— Да, атмосфера в обществе изменилась. Но не для сотрудников аппарата. Мы-то знали, что Хрущев, громивший культ личности, сам был одним из тех, кто его формировал. Был членом

Политбюро, секретарем столичной парторганизации. Я же еще тогда знал, кто подписывал ордера на арест. Мне Деканозов и Владимирский говорили, что ордера подписывали — прокурор, начальник НКВД. И каждый ордер согласовывался с секретарем горкома партии, то есть Хрущевым. В Москве с согласия Хрущева было арестовано немало видных деятелей.

Я все это рассказываю прежде всего для того, чтобы вы поняли: наши поступки и действия невозможно рассматривать в отрыве от того времени.

— Вы хотите сказать, что если бы даже у вас и возникли серьезные сомнения по поводу реальности Программы партии, вы бы не решились сказать об этом открыто?

— Сначала мы твердо верили в ее реальность. Цифры не раз проверялись, подвергались тщательному анализу.

Для меня прозрение наступило только через три года после XXII съезда. Я понял, что статистические данные, которыми мы пользовались, ничего общего не имеют с действительным положением дел. Весь ужас в том, что, готовя документы, мы не подвергали их сомнению. Нам даже в голову прийти не могло в той обстановке секретности перепроверять данные. Единственно, что я предлагал вначале,— так это направить специалистов в США. Все на месте посмотреть, поговорить с учеными, с фермерами. Мы же судили об их жизни из вторых, а то и третьих рук, в том числе из газет, из донесений разведки, из рассказов сотрудников посольств.

Через три года после съезда я твердо пришел к выводу, что Программа партии не будет реализована. Это уже не были сомнения. К тому времени я собрал огромный материал, подтверждавший справедливость моих слов. Передо мной лежали материалы объединенной экономической комиссии конгресса США, книга американского экономиста Уоррена Наттера — председателя экономической ассоциации. Изменилась и ситуация в стране. Рухнула разрекламированная программа по мясу и молоку. Печать просто перестала упоминать ее, и все сделали вид, что ничего не произошло. Тогда я и решил написать, что задача «догнать и перегнать» может быть решена только за пределами нынешнего столетия, что темпы индустриального развития СССР начали снижаться, а темпы США, наоборот, увеличиваться. Могу вам привести дословно, как это звучало: «Такое снижение темпов роста промышленного производства в странах — членах СЭВ и некоторое повышение темпов роста в странах капитализма привели к тому, что ранее намеченные сроки выполнения обязательств, взятых странами социализма в их экономическом соревновании с капитализмом, несколько откладываются». Статья была опубликована в журнале «Международная жизнь» в 1965 году.

— Александр Михайлович, вы — человек осторожный, с огромным опытом аппаратной работы. Как вы решились опубликовать такую статью?

— Я считал, что имею право выступить с таким материалом. Во-первых, к тому времени у меня был некоторый авторитет в научных кругах. Я был членом редколлегий нескольких журналов, таких, как «Вопросы экономики» и «Мировая экономика и международные отношения». Лично знаком со многими руководителями нашей страны и пользовался их доверием. Во-вторых, я думал, что имею моральное право выступить, поскольку сам приложил руку к формированию теории. Эпизод со статьей во многом оказался для меня поучительным. Я еще раз убедился в том, что все обстоит намного сложнее.

Мою статью одобрила редколлегия журнала «Международная жизнь». Ее поддержали главный редактор Санакоев и шеф-редактор, министр иностранных дел СССР Громыко. Статья получила положительные рецензии от доброго десятка академиков — специалистов в области экономики. Прошла визирование в Отделе пропаганды ЦК. После публикации пришло более пятисот откликов. Примерно одинакового содержания. В Советском Союзе наконец нашлись экономисты, которые объявили, что Хрущев в экономическом плане профан и задача «догнать и перегнать» нереальна. Героем я себя почувствовать не успел, потому что вместе с руководством журнала «Международная жизнь» был вызван на обсуждение на Секретариат ЦК. В лучшем случае мне грозило исключение из партии за ревизию генеральной линии партии.

Накануне Секретариата мне позвонили авторы положительных рецензий и умоляли не упоминать их фамилий. Единственную поддержку я получил от читающей публики. Писали и звонили преподаватели. Искренне благодарили меня за то, что я облегчил их жизнь. Дал возможность объяснить студентам, как на самом деле решается задача «догнать и перегнать».

Правда, я не собирался хоронить себя раньше времени. Перед Секретариатом я позвонил Устинову и рассказал о своей беде. «Ну и что, я тоже знаю, что мы Америку не догоним»,— сказал Дмитрий Федорович и обещал позвонить Подгорному, который вел Секретариат. Они договорились, и обсуждения статьи практически не было. Статью посчитали правильной. Это решение поддержал и Косыгин, с которым я тоже созванивался. Секретариат, правда, обязал все газеты и журналы впредь при публикации материалов, касающихся линии партии, предварительно согласовывать их в ЦК КПСС.

— Честно говоря, я так и не понял, почему вас вызвали на Секретариат ЦК. Вас могли наказать и на уровне Отдела пропаганды.

— Тогда снимали с должности заведующего одного из отделов ЦК Мирошниченко. А тот, желая спасти себя и доказать, что он бо́льший роялист, чем сам король, написал в Политбюро, утверждая, что статья в журнале «Международная жизнь» перечеркивает линию партии. Так возник этот вопрос. Однако Мирошниченко себя не спас. Вскоре он был направлен послом в Канаду.

Не считайте меня бахвалом, но то, что нужны кардинальные перемены, я понял более 50 лет назад. Еще тогда я осознал, что Сталин строит несоциалистическое общество. Я прочитал все, что писали Маркс, Энгельс, Плеханов, лидеры II Интернационала. У меня был хороший учитель по аспирантуре академик Трахтенберг. Он заставил меня «Капитал» наизусть выучить. Так вот, уже тогда я понял, что создаем мы не социализм, а «общество глаголов».

Сейчас, получив огромную дополнительную информацию, недоступную раньше, я пытаюсь ответить на три вопроса. Как мы дошли до жизни такой? Кто виноват? Что делать? Жизнь моего поколения в значительной мере покорежена культом личности, застоем, неверным построением жизненного процесса целой страны.

Когда я пришел на работу в Кремль в 1932 году, я обожествлял наших руководителей. Столкнувшись с ними лицом к лицу, с ужасом понял, что нами сплошь и рядом руководят безграмотные люди. Три-четыре класса образования. Никто из них даже не владел методологией анализа. Чем зарядишь, тем и выстрелят. То есть работали на справках. И не случайно в Кремле это самое модное слово. Знаете, что такое справка для Молотова? Народный комиссар такой-то предоставил проект решения. Проект послан на рецензию в другой наркомат. Ознакомившись с рецензией, считаем возможным согласиться с таким-то вопросом и не согласиться по такому-то вопросу. Проект решения прилагается. Справка ложится на стол Молотову, а он просто пишет: «согласен», и решение считается принятым. А ведь даже мы, люди, имеющие отношение к выработке важных решений, имели строго ограниченную информацию, которая зачастую носила лоскутный характер. Мы были плохо информированы о тенденциях жизни нашего общества, всего мира в целом. Нет ничего удивительного в том, что мы практически полностью просмотрели всю научно-техническую революцию, изменения в технологии, в организации производства, в появлении революционно новых материалов. В служебном отношении аппарат год от года деградировал. Положение усугублялось еще и подбором кадров, который в рамках однопартийной авторитарной системы приводил к тому, что общая некомпетентность чувствовалась во всем, а личная просто не была заметна. Иногда до дикости доходило. В первые послевоенные годы, когда внешнеторговый оборот с Финляндией складывался не в нашу пользу, состоялось большое совещание с участием представителей разных ведомств. Главный вопрос, как рассчитаться. Знаете, что предложил зам. министра финансов Добровольский? Никогда не догадаетесь. Рассчитаться с финнами по ленд-лизу. Всеобщий смех и недоумение. А сколько я таких людей в своей жизни видел на разных постах. Самое интересное, что таковы были правила системы. На любую должность — любого человека. Аппарат ему напишет речь, статью, проект решения. Я однажды спросил Патоличева, министра внешней торговли, сколько времени ему потребовалось, чтобы овладеть терминологией внешнеэкономических связей. «Два года»,— ответил он. Зачем нужно назначать такого министра, если в самом министерстве и в отрасли работает более 50 тысяч человек, которые не только знают предмет, но и владеют иностранными языками — фактор для торговли немаловажный.

Накануне XXI съезда вызвал меня председатель Госплана Кузьмин и попросил написать ему речь посолидней. Съезд-то не простой — план семилетнего развития народного хозяйства утверждали. Дали мне для этого отпуск на месяц. За день до назначенного срока зашел ко мне знакомый и цитату одну подсказывает: «Старый буржуазный мир кичился тем, что достиг высот цивилизации, что научился взвешивать звезды. Русский пролетариат начал с взвешивания хлеба микроскопическими дозами, но доберется первым до звезд»,— написал в декабре 1917 года датский писатель Мартин Андерсен Нексе. Я просто обомлел. Мы ведь тогда только спутник запустили. Цитата выигрышная, слов нет, но и времени нет для переделывания речи. Я Кузьмину на следующий день об этом рассказал. А он ни в какую. Все, говорит, выбрасывайте, но чтоб цитата была, съезд аплодировать будет. И оказался прав — стоя аплодировали.

А Кузьмин потом в Швейцарии на быках погорел. Он послом был. Однажды поехал с женой в окрестности Лозанны отдыхать. Горы, природа, красота. Одно плохо — каждое утро коров с колокольчиками на пастбище гонят. То ли он сам решил, то ли жена подсказала, оделся во фрак и пошел к бургомистру города с просьбой колокольчики у коров снять, а то спать не дают. Бургомистр, конечно, удивился, и на следующее утро Кузьмин проснулся знаменитым. Все швейцарские газеты на него карикатуры поместили. Наши его, конечно, отозвали. Вот так. А ведь помощником Хрущева по двум обкомам был, Госпланом командовал. Страшно подумать, что у нас вновь некомпетентность вырвется на поверхность.

Вы знаете одну отличительную особенность любой авторитарной системы. Это когда решения по самым незначительным вопросам принимаются на самом высоком уровне. Вот, скажем, Сталин однажды даже такое распоряжение подписал — обязать начальника тыла Советской Армии выделить из резервного фонда три автомашины марки «виллис» для ЦК комсомола. Вот такая мелочь. А сколько их было.

Когда мы победили под Сталинградом и началось фронтальное наступление на Донбасс, боеспособность отдельных подразделений войск стала таять из-за того, что появился ТТ: триппер трофейный. Немцы и итальянцы осчастливили наших девиц этой болезнью, ну, а девушки поделились с победителями. Заболел даже один командир дивизии. Была образована подкомиссия ГКО и принято решение наладить производство презервативов для обеспечения действующей армии. На одном из заседаний комиссии, которое вел Булганин, очень красивая дама, которую все пожирали глазами, рассказывала о производстве презервативов. Дама доложила, что мы произвели искусственный латекс такой прочности, что он выдерживал давление в 4 кг на квадратный сантиметр. Булганин встрепенулся и спросил: «Много это или мало?» «Товарищи,— гордо сказала дама,— по проверенным данным ни один мужчина в мире не обеспечивал такого давления».

И смешно, и грустно сейчас вспоминать эту историю. Грустно, потому что и сегодня иногда в газетах читаешь отчеты о заседаниях наших высших органов и диву даешься. Какие только вопросы не рассматриваются — снабжение обувью, ширпотребом. Я согласен, сегодня это проблема из проблем. Но не на Политбюро же их рассматривать. Для этого есть министерства, ведомства. Видно, особая психология подчинения, созданная авторитарной системой, вошла и в наше время. Плохо, что мы этого не замечаем.

В Кремле я как-то подсчитал, что диктатура пролетариата всего на нескольких глаголах держится. Обязать — главный глагол. Если речь идет о принципе — то установить. Установить, что отныне и в дальнейшем... Если касается колхоза — то рекомендовать. Еще поручить. С религией сложнее. Тогда был Совет по делам русской православной церкви. В этом случае писали — обязать председателя Совета по делам православной церкви вступить в переговоры с митрополитом и сделать так-то. Тогда мне показалось, что это просто смешно. Сегодня вижу: теория глаголов до сих пор работает. Почему? Да потому, что за ней как за каменной стеной можно от ответственности спрятаться.

А ответственность сегодня — самая главная наша проблема. Для всех. Но прежде всего для партии.

Партия просто обязана отчитываться перед народом за свои векселя. Сколько было принято решений? По мясу, по молоку. Коммунизм в 80-м году обещали. Отчета до сих пор нет. А ведь ничто не подрывает так доверия к партии, как молчание.

— Александр Михайлович, как вы думаете, во сколько можно оценить потери от программы «догнать и перегнать»?

— Мы бы достигли хороших результатов, если создали такой хозяйственный механизм, при котором каждый человек был заинтересован в своей работе. А так после творческого подъема наступило отрезвление, и люди поняли всю иллюзорность громогласно объявленных обещаний. Тут и начались потери. Отсутствие веры. Отделение пропаганды от реальной жизни. А векселя и сегодня не оплачены. Разговоры идут. Когда не выполняются обязательства перед историей — потери не поддаются денежному исчислению, настолько они огромны. Выросло целое поколение людей, которые не знают ни истории, ни литературы. Потерянное поколение.

— А ваше поколение?

— Что касается нас, то люди прошлого вряд ли так просто могут перестроиться. Традиционная работа партийного аппарата — жизнь по установкам, по указаниям и директивам — не способна двинуть общество вперед. Я бы хотел только одного, чтобы из нас дураков не делали. Для этого с вами и встретился.

ТЫСЯЧЕЛИКОЕ МГНОВЕНИЕ

Тофик Шахвердиев — человек разносторонних интересов: журналист, кинооператор, режиссер, хорошо известный в мире кино, хотя широкий зритель знает его пока мало. Впрочем, последняя снятая им документальная видеолента «Сталин с нами» (о сегодняшних приверженцах генералиссимуса), отрывки из которой уже показало телевидение, в ближайшее время несомненно заставит о нем заговорить. Мы же хотим представить Шахвердиева-фотографа. Его снимки публиковались и в нашей стране, и за рубежом.

●

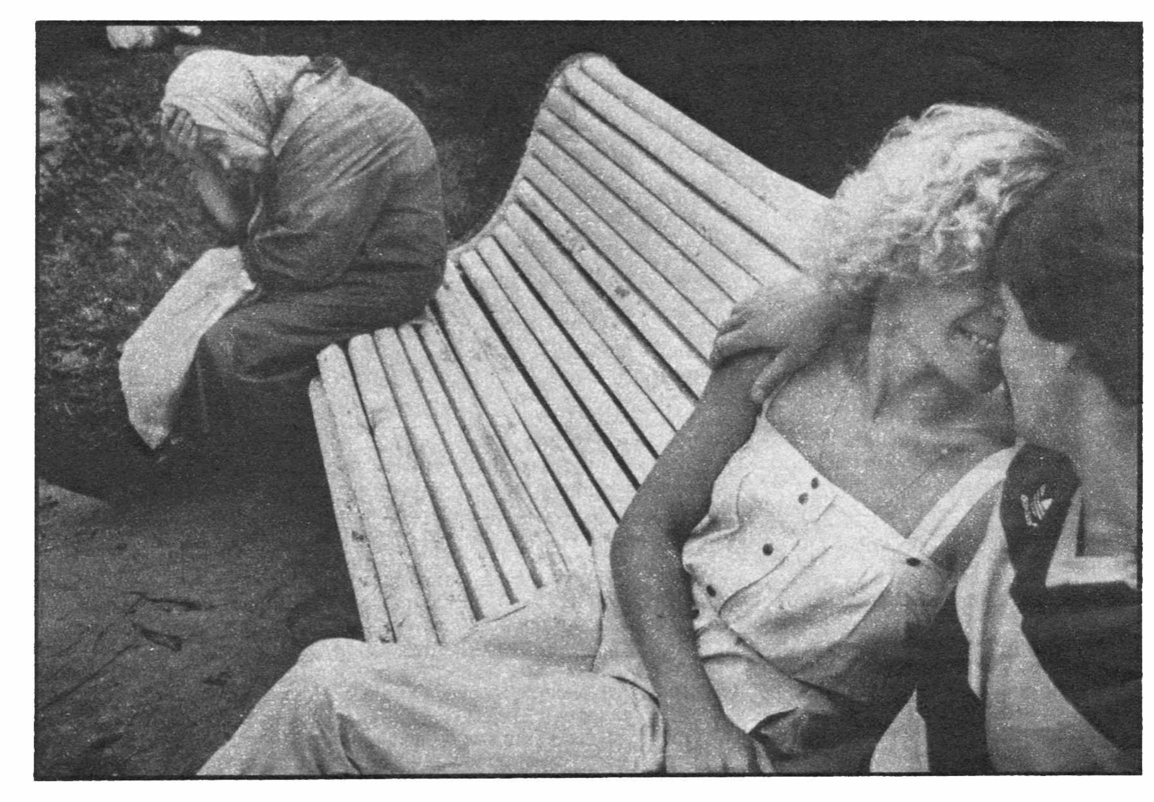
О своем отношении к фотографии, о месте, которое она занимает в его мире, мире художника, Тофик говорит: *«Из чего слагается вечность? Из мгновений. И в некоторых из них как молнией изнутри вдруг сильно и кратко высвечивается гармония жизни, а значит, и смысл ее. Тот самый смысл, который мы безостановочно ищем и хотим понять.*

Вот видишь: поле, дерево, собака, человек вдали и ветер ветки гнет... ветер... И вдруг все сложилось так, что сердце защемило,— одинокость! Перед тобой мир, и ты его частица, ты внутри, ты во всем: и в поле, и в дереве, и в собаке, и в изодранном в клочья облаке, и в том далеком человеке, которого ты знать не знаешь, и в ветре, и в сорванных с веток листьях... Так оно все выстроилось, открылось, ты ахнул — вот-вот поймешь главное, доселе непостижимое: зачем жизнь, и что ты в ней есть, и почему все так и только так, а не иначе.

Но через секунду картина распадается. Гаснет мелодия, и снова дерево — просто дерево, а собака — просто собака. И теперь делай хоть тысячи снимков на том же самом месте с новым ветром, новым человеком и собакой — ничего не выйдет.

Поэзия растворена в мире, ею пропитано все вокруг, но она не видна за непрозрачной пеленой уже понятого и привычного, и что она такое, никто толком не скажет, но люди чувствуют ее и чувствуют верно. Поэзия, это когда мы понимаем больше, чем понимаем, и видим больше, чем видим».

ИДЕТ ПОДПИСКА!

Дорогие друзья! Подписка на «Огонек» принимается без ограничений во всех отделениях связи до первого числа предподписного месяца. И уже сейчас вы можете оформить подписку на «Огонек» на следующий год.

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Редакция благодарит постоянных подписчиков «Огонька» и горячо приветствует новых!

С 1 июня объявлена также подписка на литературное приложение к журналу «Огонек» на 1990 год. По многочисленным просьбам читателей сообщаем, что в приложениях будут изданы:

В. ВЕРЕСАЕВ. ***Сочинения в 4-х томах.*** **Том 1. Без дороги. Поветрие. На повороте. К жизни. В тупике. Тома 2 и 3. Пушкин в жизни. Том 4. Гоголь в жизни.**

Д. МЕРЕЖКОВСКИЙ. ***Собрание сочинений в 4-х томах.*** **Тома 1 и 2. Христос и Антихрист. I. Смерть Богов (Юлиан Отступник). II. Воскресшие Боги (Леонардо да Винчи). III. Антихрист (Петр и Алексей). Том 3. Павел I. Александр I. Том 4. 14 декабря. Стихотворения.**

В. НАБОКОВ. ***Собрание сочинений в 4-х томах.*** **Том 1. Машенька. Король, дама, валет. Возвращение Чорба. Том 2. Защита Лужина. Подвиг. Соглядатай. Том 3. Дар. Отчаяние. Том 4. Приглашение на казнь. Другие берега. Весна в Фиальте.**

К. ЧУКОВСКИЙ. ***Сочинения в 2-х томах.*** **Том 1. Сказки. От двух до пяти. Жизнь как жизнь. Том 2. Критические рассказы (О Некрасове. Литературный дебют Достоевского. Толстой как художественный гений. Чехов. Ранний Бунин. Александр Блок. Анна Ахматова. Гумилев. Зощенко).**

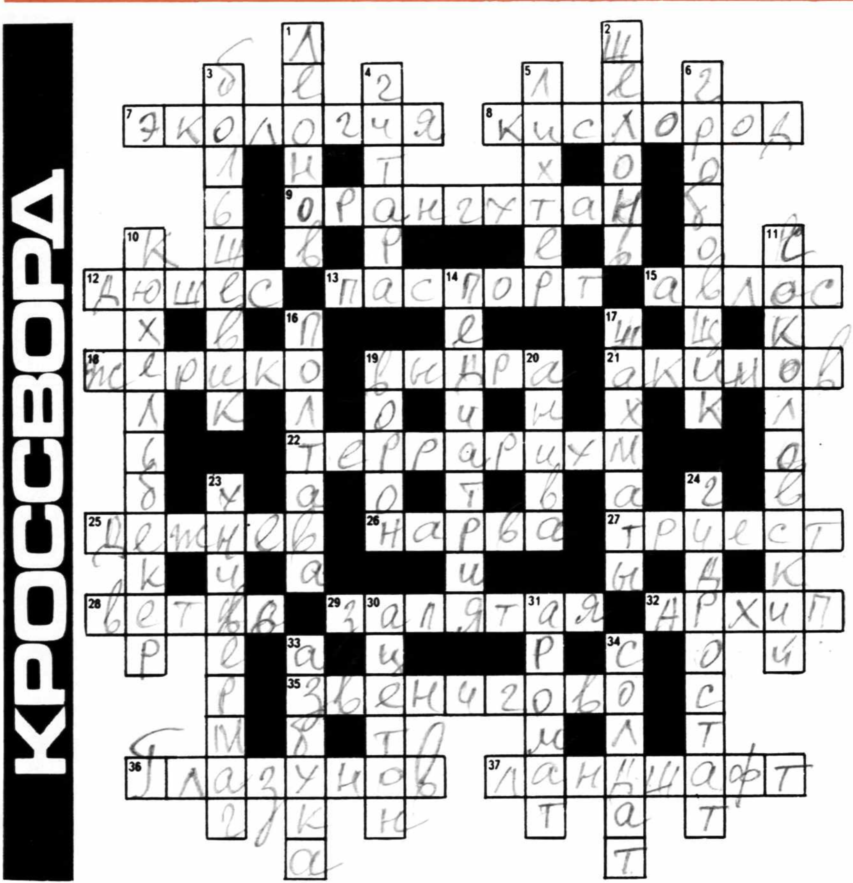
А. АХМАТОВА. ***Сочинения в 2-х томах.*** **Том 1. Стихотворения. Поэмы. Том 2. Стихотворения. Проза (О Пушкине. О поэтах-современниках. Воспоминания. Очерки. Заметки. Дневниковые записи. Из записных книжек). Письма.**

Вальтер СКОТТ. ***Собрание сочинений в 8 томах.*** **Том 1. Уэверли. Том 2. Пуритане. Том 3. Антикварий. Том 4. Роб Рой. Том 5. Эдинбургская темница. Том 6. Айвенго. Том 7. Пират. Том 8. Квентин Дорвард.**

* * *

Напоминаем, что всеми вопросами подписки занимается «Союзпечать». Подписка на приложение ограничена.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Наука об отношениях растительных и животных организмов между собой и с окружающей средой. 8. Газ, входящий в состав воздуха. 9. Человекообразная обезьяна. 12. Сорт груш. 13. Документ, удостоверяющий личность. 15. Древнегреческий музыкальный инструмент. 18. Французский живописец и график XIX века. 19. Ценный пушной зверь. 21. Народный артист СССР, работавший главным режиссером Ленинградского государственного академического театра комедии. 22. Помещение для содержания земноводных и пресмыкающихся. 25. Русский землепроходец XVII века. 26. Река, впадающая в Финский залив. 27. Порт в Северной Италии. 28. Боковой отросток, побег. 29. Знак препинания. 32. Персонаж повести А. С. Пушкина «Дубровский». 35. Город в Марийской АССР. 36. Русский композитор, дирижер, народный артист республики. 37. Вид земной поверхности.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Советский писатель, академик, лауреат Ленинской премии. 2. Река, впадающая в озеро Ильмень. 3. Картина Б. М. Кустодиева. 4. Струнный музыкальный инструмент. 5. Грузовое морское судно. 6. Повесть А. С. Пушкина. 10. Русский поэт, декабрист, друг А. С. Пушкина. 11. Маршал Советского Союза. 14. Область медицины, изучающая анатомофизиологические особенности детского организма. 16. Поэма А. С. Пушкина. 17. Настольная игра. 19. Птица с блестящим черным оперением. 20. Залив Охотского моря у берега Сахалина. 23. Крупный магазин. 24. Аппарат для подводных исследований и работ. 30. Растворитель в производстве лаков. 31. Душистый, приятный запах. 33. Алфавит, букварь. 34. Воин, боец.

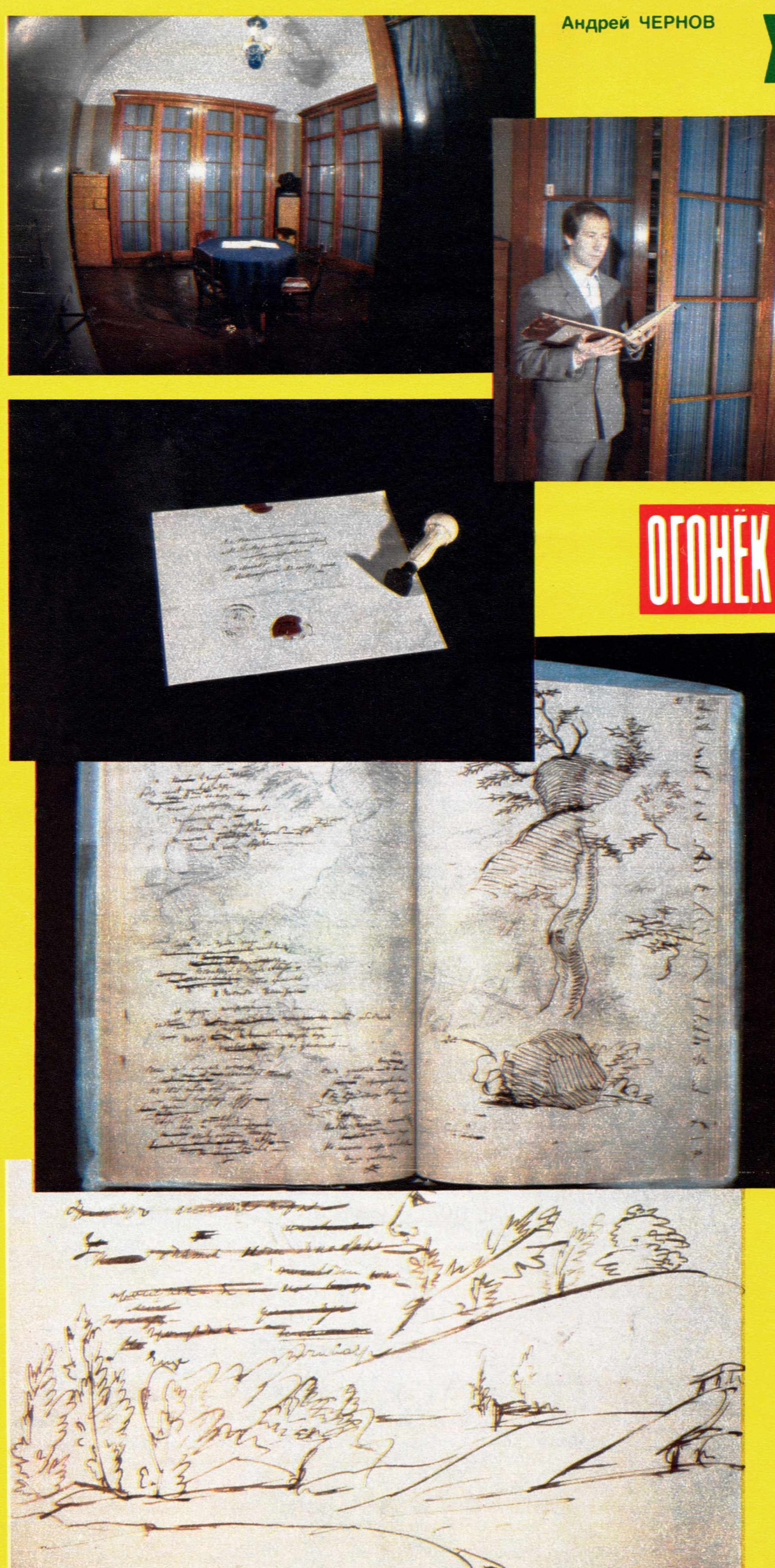
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 22

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 2. Отряд. 5. Сценарист. 8. Стечкин. 9. Уяндина. 11. Финал. 13. Клещи. 14. Онега. 18. «Индиана». 19. Форт. 20. Диез. 22. Консоль. 24. «Анюта». 26. Свифт. 28. Тафта. 29. Экватор. 30. Имандра. 32. Транспорт. 33 Таити.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Орган. 2. Ошейник. 3. Джибути. 4. Петлица. 5. Сокол. 6. Танго. 7. Сенегал. 10. Зелинский. 12. Автомат. 15. Нереида. 16. Литке. 17. Ладья. 21. Бинокль. 23. Реторта. 25. Астат. 26. Сержант. 27. Триполи. 28. Тракт. 31. Осмий.

Андрей ЧЕРНОВ

ХРАНИЛИЩЕ

Пушкину сто девяносто. Полтора века здание бывшей Петербургской таможни, где находится Пушкинский Дом, стоит себе без капремонта. И не первый год тонут в зеленом сукне грозные решения президиума АН СССР о переводе собственной автобазы изпод окон рукописного отдела Института русской литературы.

А в комнате-сейфе, где при таможне держали золото,— рукописи Лермонтова, Гоголя и Пушкина. (Толстой и Достоевский в сейф уже не уместились, лежат в картонных коробках за дверью.)

Господи, как же мы богаты в нашей нищете!

В февральские дни восемьдесят восьмого, когда горела библиотека Академии наук, в тишину рукописного отдела просачивался дымок беды:

— А в Москве полный комплект фотокопий пушкинских рукописей?

Это очень страшно — знать, что в случае беды ты бессилен.

Кто считал, сколько раз, печатно и изустно, предупреждал Дмитрий Сергеевич Лихачев: Пушкинский Дом сгорит за пятнадцать минут, в его стенах система старинной вентиляции сработает как дымоход.

Власти словно не слышат. Правда, недавно выстроили сверхсовременное здание архивохранилища. Но это для государственных и партийных документов. Пушкин и Достоевский туда не попадут.

С кого спросится, если?..

До сих пор пушкинские тетради не изданы. Публикуется как сенсация в «Правде» несколько лет назад обнаруженная подпись поэта в канцелярской книге, а двенадцать тысяч листов его рукописного наследия (с неразобранными строками и неизвестными рисунками), доступны исследователям только в черно-белых фотокопиях. И увидеть их можно лишь в рукописном отделе Пушкинского Дома да еще в московском музее поэта.

Рассказывают, что полвека назад издание рукописей первого поэта России было остановлено сталинским «нэ надо!».

Сейчас ведутся переговоры с одной английской фирмой. Но когда фотограф, прежде чем взять в руки тетрадь поэта, достал из кейса белые нитяные перчатки, поражены были даже видавшие виды хранители.

— В последний раз они прикасались к бриллиантам британской короны.

— А в предпоследний?

— К рукописям великого Леонардо.

Научимся ли мы подобному обращению с национальными святынями?..

●*Комната-сейф Петербургской таможни.*

●*Хранитель пушкинского фонда А. Дубровский.*

●*Рукописи Пушкина. В цвете публикуются впервые.*

40 коп.
Индекс 70663

Фото Павла КРИВЦОВА.